

Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили

Русская филология

София Джумберовна Хуцишвили

СЛАВЯНСКИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ОМОНИМЫ

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание академической степени доктора филологии (Ph.D.)

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
профессор Н.С. Чохонелидзе

Тбилиси – 2010

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ.....	2
ВВЕДЕНИЕ	5
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	17
ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ	18
1.1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ОМОНИМИИ	18
1.2. ПОНЯТИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ОМОНИМИИ. ИСТОРИЯ ВОПРОСА	24
1.3. ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ОМОНИМИИ И ДРУГИХ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ ОМОНИМИЧНОГО ХАРАКТЕРА	29
ГЛАВА II. КЛАССИФИКАЦИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ ОМОНИМИЧНОГО ХАРАКТЕРА.....	37
2.1. ФОРМАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ ОМОНИМИЧНОГО ХАРАКТЕРА.....	37
2.1.1. Традиционная классификация межъязыковых омонимов	37
2.1.1.1. Фонетико–графические межъязыковые омонимы	37
2.1.1.2. <i>Графические межъязыковые омонимы</i>	39
2.1.1.3. <i>Фонетические межъязыковые омонимы</i>	40
2.1.1.4. <i>Полные и неполные межъязыковые омонимы</i>	42
2.1.2. Классификация с учетом принципа соответствия	44
2.1.3. Дистрибуция межъязыковых соответствий омонимичного характера в системе знаменательных частей речи	52
2.2. КЛАССИФИКАЦИЯ ПО ТИПАМ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ ОМОНИМИЧНОГО ХАРАКТЕРА	55
2.2.1. Семантические отношения исключения (дизъюнкции)	56
2.2.1.1. <i>Межъязыковая энантиосемия</i>	57
2.2.2. Отношения частичного семантического сходства	59
2.2.2.1. <i>Отношения семантические включения</i>	60
2.2.2.2. <i>Отношения семантического пересечения</i>	61

2.2.3. Различная иерархия ЛСВ, функционально–стилистические различия, различия в частотности употребления и коннотации	62
2.2.3.1. Различия в иерархии ЛСВ многозначных слов	63
2.2.3.2. Различия, связанные с принадлежностью к разным функциональным стилям и сферам употребления	64
2.2.3.3. Различия в частотности употребления	64
2.2.3.4. Различия по стилистико–хронологическому признаку ..	65
2.2.3.5. Различия по стилистико–локальному признаку	66
2.2.3.6. Различия в эмоционально–экспрессивной окраске	67
2.2.3.7. Различия в коннотативных значениях	68
2.2.4. Межъязыковые омонимы, связанные с внутриязыковой омонимией (межъязыковые омонемы)	69
2.3. КЛАССИФИКАЦИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ ОМОНИМИЧНОГО ХАРАКТЕРА ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ	73
2.3.1. Когнаты	74
2.3.1.1. Когнаты славянского происхождения	76
2.3.1.2. Когнаты неславянского происхождения	78
2.3.2. Псевдокогнаты	82
2.3.2.1. Псевдокогнаты славянского происхождения	83
2.3.2.2. Псевдокогнаты неславянского происхождения	84
2.3.2.3. Псевдокогнаты славянского и неславянского происхождения	84
2.4. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ОМОНИМИИ, КВАЗИСИНОНИМИИ И ПАРОНИМИИ В ПВ, ПС И ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ	86
2.5. ВНУТРИЯЗЫКОВАЯ И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ОМОНИМИЯ	90
ГЛАВА III. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ, ВЫЗВАННАЯ МЕЖЪЯЗЫКОВЫМИ СООТВЕТСТВИЯМИ ОМОНИМИЧНОГО ХАРАКТЕРА, И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ.....	93
3.1. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ	93
3.2. МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИНЕРГЕТИКИ.....	95
3.2.1. Межъязыковая лексическая интерференция в условиях глобализации как предмет лингвоэкологии	98

3.2.2. Межъязыковая омонимия и смежные явления как один из факторов, способствующих обогащению лексического фонда славянских языков.....102

3.2.2.1. *Интерференционное семантическое калькирование ..106*

3.2.2.2. *Лексическое интерференционное заимствование109*

ГЛАВА IV. ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ОМОНИМИИ И СМЕЖНЫХ ЯВЛЕНИЙ.....	116
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	140
БИБЛИОГРАФИЯ	151

ВВЕДЕНИЕ

Проблема межъязыковой омонимии возникает в тесной связи с "глобализацией" коммуникации. На этой основе элементы разных языковых систем, часто абсолютно независимые друг от друга, вступают между собой в подобие системных отношений (см. Акуленко ... 1969: 376). Поэтому вполне закономерно то, что современная лингвистика начинает уделять все больше внимания сопоставительному анализу языков, зародившемуся еще в XIX веке и приобретающему все большую популярность. Данное направление лингвистических исследований стимулируется связями с другими важными теоретическими проблемами языкознания, включая вопросы двуязычия, многоязычия и языковых контактов.

Традиционно сопоставительная лингвистика ставит целью сопоставительное изучение двух, реже нескольких языков, для выявления сходств и различий в языковых структурах, рассматриваемых с позиций не развития, а функционирования, то есть в плане синхронии. Сопоставительные исследования помогают проникнуть в суть языковых процессов и глубже понять законы, управляющие ими.

Сопоставительная лингвистика является той зоной, где пересекаются теория и практика. С одной стороны, сопоставительные исследования могут быть направлены на теоретическую область характерологической типологии, а с другой стороны, могут быть ориентированы на практические области перевода и преподавания иностранных языков. Но в любом случае, конечной их целью является установление возможностей преобразования языковых систем в процессе перевода или установление степени близости отдельных элементов и структур в изучаемом и родном языках, как основы при подготовке учебных материалов для преподавания иностранного языка.

Объектом настоящего исследования является межъязыковая лексическая омонимия славянских языков, а также смежные явления омонимичного характера, которые мы в работе определяем как межъязыковая паронимия и межъязыковая квазисинонимия. Термин "межъязыковая омонимия" используется в современной сопоставительной лингвистике для обозначения лексики двух и более языков соотносимой в плане выражения до степени отождествления и различающейся в плане содержания, например: в.-луж. rówołanje 'работа', н.-луж. rowołanje 'работа' и польск. rowołanie 'призыв, назначение'; русск. вредный '1) причиняющий вред, 2) недоброжелательный, злой', польск. wredny '1) гадкий, отвратительный, 2) фальшивый,

коварный', хорв. *vrjedan* 'ценный', словен. *vreden* 'ценный', макед. *вреден* 'ловкий, умелый', болг. *вреден* '1) вредный, 2) ловкий, умелый'.

В нашей работе мы будем исходить из того, что потенциально межъязыковые омонимичные лексические явления характерны для любых пар (или групп языков мира), но "наиболее широко представлено их реальное речевое существование в языках, имеющих генетическое родство и близость систем, при необходимом условии их активного контактирования" (Ровдо 1980: 22).

Славянские языки отличаются большой степенью близости друг к другу, которая обнаруживается в корнях, аффиксах, структуре слов, употреблении грамматических категорий, структуре предложений, семантике, системе регулярных звуковых соответствий, морфонологических чередованиях. Эта близость объясняется как единством происхождения славянских языков, так и их длительными и интенсивными контактами на уровне литературных языков и диалектов. Имеются, однако, и различия материального, функционального и типологического характера, обусловленные самостоятельным развитием славянских племен и народностей в разных этнических географических и историко-культурных условиях, а также их контактами с родственными и неродственными этническими группами (Бернштейн 1990: 460-461).

Слова разных языков, имеющие сходный внешний (звуковой и/или графический) облик, но разное значение, с давних пор стали привлекать внимание лингвистов. Еще в 1788 году в Зальцбурге вышел лексикографический очерк А.Портитора, касающийся межъязыковых лексических соответствий омонимичного характера французского и немецкого языков. Но по-настоящему системное изучение подобных межъязыковых соответствий началось с 1928 года с работы М.Кесслера и Ж.Дерконьи на материале французского и английского языков. Ими же был введен термин "*faux amis du traducteur*" ("ложные друзья переводчика") и выделены два типа "ложных друзей переводчика": 1) "полностью ложные" со сходной орфографией и расходящейся семантикой и 2) "частично ложные" со сходной орфографией и в основном с общей семантикой (Koessler ... 1928).

Полное или частичное формальное сходство слов разных языков при их семантическом различии в научных работах выделяют как системную категорию, для названия которой, кроме вышеупомянутых "ложные друзья переводчика" (Гальперин 1970: 129-136; Будагов 1974: 141-146) и "межъязыковые омонимы" (Заславская 1992: 23-25), используются также следующие термины: "обманчивые межъязыковые сходства"

(Гросбарт 1962: 452–453); "межъязыковые паронимы" (Балалыкина 1991; Бельчиков 1990: 368); "межъязыковые синонимы" (Уилер 1977: 52–53); "межъязыковые полисемы" (Борисенко 1990); "ложные или неполные лексические параллели" (Дубичинский 1992: 25–29); "ложные эквиваленты" (Федоров 1968: 167–169); "гетеронимы" (Конецкая 1961: 25; Селиванов 1976: 118); "ложные когнаты" (Ладо 1989); "псевдоинтернационализмы" (Коломиец 1976: 10); "апроксиманты" (Симеонова 1981) и др. Перечисленные выше термины не исчерпывают полного списка.

Безусловно, трудно найти термин, который бы охватил одновременно все разновидности межъязыковых соответствий, в разной степени совпадающих в ПВ и в разной степени различных в ПС. Множество терминов, предлагаемых исследователями для наименования межъязыковых соответствий омонимичного характера, свидетельствуют о сложности данного явления и о необходимости использования таких лингвистических методов, которые позволили бы избежать неоднозначности в интерпретации этой категории слов. Учитывая существующие расхождения в терминологии, а также использование учеными разных формальных и семантических критериев, перед нами встает необходимость, в первую очередь, систематизировать и упорядочить существующую терминологическую базу.

Исследование межъязыковой омонимии и смежных явлений представляет значительный интерес для практических и теоретических задач лингводидактики, переводоведения, лингвоэкологии и компьютерной лингвистики, включающей машинный и автоматический перевод и компьютерную лексикографию, поскольку такие их свойства как способность вызывать лексическую интерференцию вследствие выравнивания асимметрии знака, в значительной степени определяют их сущность. Еще А.А.Реформатский отмечал, что: "Соблазн отождествления своего и чужого при изучении родственных или близкородственных языков лежит на поверхности. Но это именно и есть та провокационная близость, преодоление которой таит в себе большие практические трудности" (Реформатский 1962).

Лингвистические и экстралингвистические процессы, приводящие к расхождению семантики слов общего происхождения, ярче всего проявляются в межъязыковой омонимии. Она представляет собой языковое явление, аккумулирующее в себе помимо собственно языковой ещё и культурологическую информацию. Именно расхождения семантики однокоренных слов отражают национально-культурную специфику близкородственных языков и требуют особого внимания к себе на практике.

Исследования связи языка и культуры в настоящее время являются одним из основных направлений современной лингвистики, что также подтверждает необходимость более тщательного изучения семантических процессов, основанных на изменении отношения носителей языка к тем или иным предметам и явлениям окружающей действительности. Таким образом, исследование этой категории слов сможет предоставить полезные материалы для изучения механизмов семантической эволюции общей лексики и понимания роли межъязыковых омонимов и других межъязыковых соответствий омонимичного характера в культуре и языке.

Актуальность темы исследования определяется тем, что в начале XXI века воспитание двуязычия обозначилось как одно из ведущих направлений образовательной политики европейских стран (Блумфилд 1968; Вайнрайх 1979; Баранникова 1972 и др.). Поэтому актуальность исследования межъязыковых соответствий омонимичного характера и, в частности, межъязыковых омонимов диктуется недостаточной изученностью этой проблемы в близкородственных языках, в том числе и как механизма, запускающего словообразование и изменение семантики слов, а также необходимостью разработки методов для предотвращения лексической интерференции, вызываемой межъязыковыми соответствиями омонимичного характера в повседневной коммуникации, СМИ, переводах научных и художественных текстов.

Актуальность исследования определяется также необходимостью рассмотрения межъязыковой омонимии и смежных явлений параллельно на материале нескольких языков. Как правило, межъязыковые омонимы выделяются на материале двух языков. Такой подход обусловлен практикой перевода, так как в процессе работы над конкретным текстом переводчик обычно сталкивается с лексическими единицами именно двух языков. Вследствие этого для каждой рассматриваемой пары языков с различными фонетическими, графическими и морфологическими расхождениями берутся разные формальные критерии соответствия в плане выражения. И, вероятно, именно поэтому до сих пор нет универсального определения межъязыковых омонимов, а множество существующих терминов, предлагаемых исследователями для наименования межъязыковых соответствий омонимичного характера, свидетельствуют о неоднозначности интерпретации этой категории слов.

В диссертации ставится **комплексная цель**:

- упорядочение терминологии;

- определение категории межъязыковых омонимов и их классификация по типам соотношений слов в плане содержания, в плане выражения и по происхождению;
- установление границ между межъязыковыми омонимами, квазисинонимами и паронимами;
- изучение механизмов лексической интерференции, вызванной межъязыковой омонимией, приводящих к семантическим изменениям и заимствованию новых слов.

Поставленная цель исследования предполагала решение следующих **задач**:

- сбор и анализ всех существующих терминов, используемых для наименования слов двух или более языков, сходных в плане выражения и различных в плане содержания, с последующей их систематизацией и упорядочением;
- классификация межъязыковых соответствий омонимичного характера по трем основным критериям (по соответствию в плане выражения, плане содержания и по происхождению);
- на основе результатов проведенной классификации межъязыковых соответствий омонимичного характера определение и отграничение межъязыковой омонимии от смежных межъязыковых соответствий омонимичного характера (межъязыковых квазисинонимов и межъязыковых паронимов);
- исследование механизмов и результатов лексической интерференции, вызываемой межъязыковой омонимией и смежными явлениями;
- рассмотрение приложения теоретических результатов исследования на практике.

В процессе работы потребовалось введение формального критерия, необходимого для отмежевания межъязыковых омонимов от межъязыковых паронимов, а также введение семантического критерия, необходимого для отмежевания межъязыковых омонимов от межъязыковых квазисинонимов.

Объектом исследования являются лексические славянские межъязыковые соответствия омонимичного характера, совпадающие в плане выражения в одной или

нескольких соответствующих друг другу словоформам и относящиеся к одной и той же знаменательной части речи.

Материалом для исследования послужили межъязыковые соответствия омонимичного характера из 14 славянских языков (восточно-славянские – русский, украинский и белорусский; южно-славянские – болгарский, македонский, сербский, хорватский и словенский; западно-славянские – чешский, словацкий, польский, кашубский, верхнелужицкий и нижнелужицкий), отобранные нами из двуязычных словарей славянских языков, а также зафиксированные в дифференциальных словарях "ложных друзей" общей численностью 3257 единиц. Для исследования свойств и типов лексической интерференции и ее результатов были использованы материалы научных статей, а также интернет–сайтов.

Поставленные в работе цели и задачи потребовали рассмотрение объекта исследования в тесной взаимосвязи лингвистических и экстралингвистических факторов и определили необходимость использования комплексной методики. В ходе работы применялись следующие **методы**:

- для сбора языковых фактов была использована методика сплошной выборки из двуязычных словарей славянских языков и из дифференциальных словарей "ложных друзей";
- количественный, описательный и сопоставительный методы были использованы для интерпретации, классификации и систематизации отобранного материала;
- для определения вида семантической трансформации межъязыковых соответствий омонимичного характера был использован метод структурно–семантического анализа.

В результате проведенного исследования на защиту выносятся следующие основные положения.

- Межъязыковую омонимию, межъязыковую квазисинонимию и межъязыковую паронимию необходимо отделять друг от друга, но в некоторых случаях они должны изучаться вместе, так как на практике они обладают многими общими свойствами, например способностью вызывать лексическую интерференцию.

- Формальный критерий для определения соответствия форм, необходимого для разграничения межъязыковых омонимов и межъязыковых квазисинонимов от межъязыковых паронимов, должен учитывать принцип соответствия, согласно которому регулярные графические, фонетические и морфологические различия не являются релевантными.
- Согласно принципу соответствия релевантность/нерелевантность графических, фонетических и морфологических различий для каждой пары языков различны и определяются на основе данных сравнительных грамматик.
- Семантический критерий предусматривает включение в категорию межъязыковых соответствий омонимичного характера, кроме слов с семантическими отношениями дизъюнкции (межъязыковые омонимы и межъязыковые паронимы), включения и пересечения (межъязыковые квазисинонимы и межъязыковые паронимы), также слов, различающихся лишь функционально-стилистической или экспрессивно-эмоциональной окраской, сферой и частотностью употребления (межъязыковые квазисинонимы и межъязыковые паронимы).
- По происхождению межъязыковые соответствия омонимичного характера можно разделить на когнаты (закономерные) и псевдокогнаты (случайные).
- Между типами межъязыковых соответствий омонимичного характера и их происхождением существует определенная взаимосвязь: для когнат характерны семантические отношения включения и пересечения; для псевдокогнат характерны семантические отношения исключения.
- Основной причиной возникновения межъязыковых соответствий омонимичного характера в славянских языках является расхождение семантики современных слов с первоначально общим этимологом.
- Результатом влияния межъязыковых соответствий омонимичного характера является языковая лексическая интерференция – перенос свойств по аналогии, вызванный тенденцией к выравниванию асимметрии между планом выражения и планом содержания.
- Результаты лексической интерференции находятся в тесной зависимости от вызывающих их видов межъязыковых соответствий омонимичного характера.

- Межъязыковые соответствия омонимичного характера могут рассматриваться как один из продуктивных механизмов словообразования и изменения семантики слов.

Научная новизна диссертации обусловлена самой проблемой и целью исследования, и заключается в том, что:

- еще не достаточно изученная категория межъязыковых соответствий омонимичного характера впервые анализируется параллельно на материале, отобранном из 14 славянских языков;

- систематизируется и упорядочивается терминологическая база, используемая для наименования разных видов межъязыковых соответствий омонимичного характера;

- на основании классификаций межъязыковых соответствий омонимичного характера по их соотношениям в плане выражения, плане содержания и по происхождению описываются общие свойства категорий межъязыковой омонимии, межъязыковой паронимии и межъязыковой квазисинонимии, и определяются границы между ними;

- дается анализ лингвистических и экстралингвистических предпосылок возникновения межъязыковых соответствий омонимичного характера и предлагается разграничение закономерных и случайных соответствий (когнатов и псевдокогнатов), а также устанавливается взаимосвязь между типами межъязыковых соответствий омонимичного характера и их происхождением;

- межъязыковые соответствия омонимичного характера рассматриваются как причина возникновения межъязыковой лексической интерференции;

- межъязыковая лексическая интерференция, вызванная тенденцией к выравниванию асимметрии между планом выражения и планом содержания межъязыковых соответствий омонимичного характера, рассматривается как движущая сила семантических изменений в контактирующих языках;

- результаты межъязыковой лексической интерференции, вызываемой межъязыковыми соответствиями омонимичного характера, рассматриваются с двух позиций: как негативные (представляющие собой предмет экологии языка) и

как позитивные (приводящие к заимствованию новых слов и значений, и тем самым способствующие обогащению словарного фонда славянских языков).

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в различных областях теоретической (сопоставительное, сравнительное и общее языкознание) и прикладной (лексикография, лингводидактика, переводоведение, компьютерная лингвистика) лингвистики.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно углубляет и расширяет знания о славянских межъязыковых соответствиях омонимичного характера и намечает пути дальнейшего сопоставительного изучения подобных явлений, в том числе и на материале неродственных языков.

Результаты исследования являются определенным вкладом в разработку теоретических вопросов сопоставительного языкознания, сравнительной типологии славянских языков, переводоведения, лингводидактики и лингвоэкологии, а также расширяют представления о результатах языковых контактов и механизмах семантических изменений. Проведенное исследование призвано обогатить лексикологию, семасиологию и словообразование, так как анализ межъязыковых соответствий омонимичного характера славянских языков помогает глубже понять общие законы, управляющие лексической семантикой.

Практическая ценность работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы:

- для дальнейшего исследования обширной проблематики межъязыковой эквивалентности;
- в переводческой деятельности;
- в учебном процессе: в практике преподавания славянских языков, в обучении теории и практики перевода, в том числе при подготовке профессиональных переводчиков в различных сферах деятельности, в лекционных курсах по сопоставительному языкознанию и лексикологии, при составлении учебных пособий;
- в практической лексикографии;
- для решения некоторых задач лингвоэкологии, связанных с распространением билингвизма.

Основные положения диссертации апробированы на научных конференциях в Тбилисском государственном университете имени И. Джавахишвили (ТГУ) в 2004–2007 годах. И, в частности, на международной научной конференции «Романтизм и современность. Истоки взаимоотношений с Польшей и перспективы» (4 июня 2010 г.) и на международной научной конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры (24 мая 2009 г.).

А также основные положения и результаты исследования обсуждались на заседании Института русистики Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили.

По теме доклада опубликованы несколько статей:

Хуцишвили С. *Межъязыковые омонимы на материале болгарского и русского языков*. Сборник статей студентов филологов. Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили. Кафедра славянских языков. Выпуск №2. Тбилиси, 2001, с. 91–96.

Хуцишвили С. *Типы семантических отношений в сфере межъязыковой омонимии и паронимии*. Сборник научных статей – Славистика в Грузии. Славянский научно–просветительский центр. Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили. Выпуск №7. Тбилиси, 2006, с. 182–186.

Хуцишвили С. *Понятие межъязыковой омонимии в контрастивной лексикологии*. Сборник научных статей – Славистика в Грузии. Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы. Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили. Славянский научно–просветительский центр. Выпуск №9. Тбилиси, 2008, с. 166–173.

Хуцишвили С. *Формальная классификация межъязыковых омонимов на материале славянских языков*. Грузинская русистика (Литературоведение. Языкознание. История и культурология). Книга 4. Издательство "Универсал", Тбилиси, 2009, с. 257–269.

Хуцишвили С. *Славянские межъязыковые омонимы и смежные явления*. Славистика в Грузии. Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы. Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили. Славянский научно–просветительский центр. Выпуск №11. Тбилиси, 2010, с. 72–89.

Структура и объем диссертации обусловлены последовательностью решения поставленных в работе задач. Она состоит из введения, четырех глав, заключения и

библиографического списка. Графическая часть работы включает 6 таблиц и один рисунок.

Во Введении определяется общее направление исследования, формулируются его цели и задачи, указываются методы, использованные при анализе материала, обосновываются актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, а также определяется объём и структура диссертационного исследования.

В Главе I "Проблема межъязыковой лексической омонимии в современном языкознании" рассматриваются общие вопросы теории омонимии в современной лингвистике, анализируются различные точки зрения на межъязыковые соответствия омонимичного характера, дается определение основных понятий, которые приняты в работе в качестве ее теоретической базы. На основании анализа и систематизации различных терминов и определений, используемых для наименования межъязыковой омонимии и смежных явлений, систематизируется и упорядочивается терминологическая база.

Глава II диссертации "Классификация межъязыковых соответствий омонимичного характера" посвящена классификации славянских межъязыковых соответствий омонимичного характера в системе знаменательных частей речи по соотношению в ПВ (в плане выражения), в ПС (в плане содержания) и по происхождению. Здесь предложена типология межъязыковых омонимов, паронимов и квазисинонимов с точки зрения их внешней структуры, семантики и происхождения. На основе анализа результатов классификации делаются выводы о сходстве и различии внутриязыковой и межъязыковой омонимии, а также определяются границы между межъязыковой омонимией и смежными межъязыковыми явлениями (паронимами и квазисинонимами).

В Главе III "Лексическая интерференция, вызванная межъязыковыми соответствиями омонимичного характера, и ее результаты" исследуется лексическая интерференция в лингвистическом, психолингвистическом и социолингвистическом аспектах. Определяется зависимость различных видов интерференции от видов межъязыковых соответствий. Межъязыковые соответствия омонимичного характера рассматриваются как явления, которые в условиях активного двуязычия стимулируют лексические изменения значений и заимствование новых слов.

В Главе IV "Практическое приложение результатов исследования межъязыковой омонимии и смежных с ней явлений" рассматриваются возможности использования результатов в лексикографии, в лингводидактике при разработке методик обучения славянским языкам, в переводоведении, в компьютерной лингвистике, а также в курсах лексикологии и общего языкознания, и даются общие рекомендации.

В Заключении подводятся итоги исследования, обобщаются полученные результаты, намечаются перспективы дальнейшего изучения проблемы.

Библиография включает в себя научные труды и словари, использованные при написании диссертации.

В диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, на основании выполненных исследований, разработаны теоретические положения для дальнейшего изучения межъязыковых соответствий омонимичного характера, изложены научно обоснованные рекомендации по использованию результатов исследования, внедрение которых внесет значительный вклад в развитие сравнительного и сопоставительного языкознания и повысит эффективность переводческой и лингводидактической деятельности, приобретающих все более важное социально-культурное значение в условиях глобализации и роста межъязыковых и межкультурных контактов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

англ. – английский	ПВ – план содержания
араб. – арабский	перен. – переносный
бел. – белорусский	польск. – польский
болг. – болгарский	поэт. – поэтический
бран. – бранный	праслав. – праславянский
бухг. – бухгалтерский	презр. – презрительный
в.-луж. – верхнелужицкий	пренебреж. – пренебрежительный
вост.-слав. – восточнославянский	прост. – просторечный
высок. – высокий	проф. – профессиональный
галл. – галльский	ПС – план выражения
греч. – греческий	разг. – разговорный
груб. – грубый	разг.-сниж. – разговорно-сниженный
д.-в.-н – верхне-древне немецкий	редк. – редкий
диал. – диалектный	религ. – религиозный
др.-евр. – древнееврейский	русск. – русский
др.-инд. – древнеиндийский	с. – страница
др.-нем. – древне немецкий	серб. – сербский
др.-прусск. – древне прусский	словац. – словацкий
ед. ч. – единственное число	словен. – словенский
жен. род – женский род	СМИ – средства массовой информации
и др. – и другие	спец. – специальный
и т. д. – и так далее	ср. – сравните
и т. п. – и тому подобное	ср. род – средний род
ирон. – иронический	сущ. – существительное
итал. – итальянский	терм. – терминологический
канц. – канцелярский	тех. – технический
кашуб. – кашубский	тур. – турецкий
книжн. – книжный	укр. – украинский
лат. – латинский	умен.-ласк. – уменьшительно-ласкательное
латыш. – латышский	устар. – устаревший
лит. – литовский	франц. – французский
макед. – македонский	хим. – химический
мн. ч. – множественное число	хорв. – хорватский
муж. род – мужской род	церк. – церковнославянский
н.-луж. – нижнелужицкий	чеш. – чешский
нейт. – нейтральный	шутл. – шутливый
обл. – областной	

ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В данной главе мы остановимся на общих вопросах теории омонимии в современном языкознании и рассмотрим существующие определения межъязыковой омонимии в сопоставительной лексикологии, на основе чего изложим и обоснуем исходную теоретическую платформу работы. Для дальнейшего исследования мы также определим здесь границы категории межъязыковой омонимии как в плане выражения (ПВ), так и в плане содержания (ПС).

1.1. Общие вопросы теории омонимии

Процесс разработки теории внутриязыковой омонимии имеет давние традиции. В современной науке о языке общепризнанно, что омонимия – абсолютная универсалия. Наличие омонимов в языке обязательно и закономерно, и обусловлено как физиологически (действием принципа экономии в системе звуковых оболочек слов), так и самой природой языка как системы, в частности, существованием в языке категорий симметрии и асимметрии. Вариантность слова как в плане выражения, так и в плане содержания, является проявлением асимметричного дуализма языкового знака, сформулированного С.О.Карцевским (Карцевский 1965: 85–90).

Большая часть омонимов в естественном языке является результатом развития полисемии. Изменения в значении слов определяются множеством различных причин как языкового, так и внеязыкового (экстралингвистического) характера. Но, безусловно, омонимизация – процесс, требующий немалого времени.

Одним из первых в славянском языкознании мысль о закономерности омонимов высказал Л.А.Булаховский (Булаховский 1978: 48). В широком распространении омонимии состоит одно из важнейших отличий всякого естественного языка от искусственных знаковых систем. Признание универсальности омонимии, таким образом, позволяет утверждать, что омонимия не может рассматриваться как "дефект" или "болезнь" языка, мешающий его функционированию. По словам Р.А.Османовой, невозможно передать все "многообразие жизни, мысли" несколькими десятками звуков, поэтому омонимия – "естественный процесс в языке" (Османова 1962: 59).

"Омонимы – это столь же естественное явление языка, как и полисемия" (Будагов 1965: 56), и язык практически не испытывает никаких неудобств от их существования "поскольку омонимы разграничиваются для слушателя контекстом и ситуацией" (Маслов 1963: 13). Р.А.Будагов отмечает: "омонимы могут мешать друг другу лишь в очень редких контекстах. Практически, однако, и в подобных случаях неудобство, вызываемое омонимами, оказывается временным, так как язык заблаговременно устраняет омонимы из тех сфер, где они неудобны" (Будагов 1965: 55).

Безусловно, омонимия способствует экономичности плана выражения, "компактности" языка, но, тем не менее, нарушая "закон знака", она стирает формальные различия между знаками с различным содержанием и снижает эффективность языка как средства коммуникации. Следует, однако, заметить, что в целом подход к омонимам как к "дефекту языка" не раскрывает сущности самого явления, это становится очевидным при учете того, что в подавляющем большинстве случаев проблема омонимии все-таки "снимается" конситуацией/контекстом.

Признавая тот факт, что наличие омонимов в ряде случаев может помешать процессу коммуникации, мы считаем, что возникновение омонимов в языках в результате развития омонимии из полисемии является одним из проявлений коммуникативной необходимости, связанной с принципом экономии звуковых оболочек или, иначе, проявлением закона "наименьших усилий". Языковая система не исключает возможности сохранения первоначальной формы языкового знака при изменении значения и сохранения первоначального значения при изменении формы.

Подход к омонимии как к "своеобразному дефекту языка" уместен лишь по отношению к омонимам, возникшим в результате недавнего заимствования, относящимся к одной и той же части речи и к одной сфере (семантическому полю) языка. Слова, соответствующие этим условиям, могут привести к конфликту омонимов (интерференции). Конфликт омонимов в свою очередь может вызвать такие лингвистические процессы как исчезновение/выпадение одного из слов из системы языка, расширение или сужение значения, изменение формы омонимов.

Традиционно омонимия определяется как "звуковое совпадение двух или нескольких звуковых единиц, различных по значению", а омонимы как "слова, имеющие одинаковое звучание, но различное значение" (Розенталь ... 1976: 242). Однако, в современном языкознании до сих пор нет единого общепринятого определения омонимов. В лингвистической литературе приводятся десятки различных определений,

общим элементом которых является лишь признание тождества языковых единиц в ПВ и их различие в ПС. Под тождеством означающих чаще всего понимают тождество звучания омонимичных пар, их "звукового строя" (Виноградов 1960: 7), "внешнее совпадение по звуковой оболочке" (Ахманова 1957: 104). Некоторые лингвисты включают в число омонимов только слова, имеющие оба формальных признака омонимии – фонетическое и графическое тождество означающих (Шанский 1964: 41).

Говоря о том, что в лингвистической литературе нет единства взглядов на омонимию, мы имеем в виду не только разное понимание термина "омоним", но также теоретические споры, касающиеся разграничения омонимии и полисемии. Они тесно связаны с проблемой "тождества слова", то есть с тем, какие различия между отдельными конкретными случаями употребления одного и того же слова совместимы, а какие, напротив, несовместимы.

В русской лингвистической литературе можно выделить следующие основные подходы к интерпретации лексической омонимии/полисемии.

Первый подход основывается на признании наличия в языке как однозначных, так и многозначных слов. Утверждение о реальном существовании в языке и однозначных, и многозначных слов является для отечественной лингвистической традиции, безусловно, господствующим. Данной точки зрения придерживаются, в частности, В.В.Виноградов, А.И.Смирницкий, Л.А.Булаховский, О.С.Ахманова, Д.Н.Шмелев, Р.А.Будагов, Ю.Д.Апресян, Н.М.Шанский, В.Г.Гак, Л.А.Новиков и многие другие. По мнению большинства ученых, наличие у слова лексико-семантических вариантов не нарушает тождества слова: ЛСВ многозначного слова признаются связанными между собой звуковым тождеством, морфологическим составом, а также тесной смысловой связью.

Для разграничения омонимии и полисемии при первом подходе существует три основных способа: согласно первому, омонимами признаются только те одинаково звучащие слова, которые изначально были разными по форме и совпали друг с другом в звучании и/или написании вследствие действия различных причин; согласно второму, к омонимам относятся слова этимологически разные, но совпавшие по звучанию; согласно третьему – те случаи, когда значения многозначного слова разошлись настолько, что дали жизнь новым словам.

Часто последний способ определения и оценки "семантических" омонимов считают по существу умозрительным (построенным на интуиции) и, тем самым, экстралингвистическим, так как он не вытекает из непосредственного рассмотрения конкретных фактов языка.

Второй подход, на первый взгляд парадоксальный, связан с признанием существования в языке (рассматриваемом как *energeia*, а не как *ergon*) только однозначных слов, каждое из которых соотносится только с одним денотатом. Первым отечественным лингвистом, предположившим и теоретически обосновавшим отсутствие лексической многозначности в языке, стал А.А.Потебня, считавший, что "малейшее изменение в значении слова делает его другим словом". Так как "слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т. е. каждый раз, как произносится, или понимается, имеет не более одного значения". Приведенные доводы позволяют А.А.Потебне сделать вывод, что многозначных слов нет, "на деле есть только однозвучность различных слов, то есть то свойство, что различные слова могут иметь одни и те же звуки" (Потебня 1958: 15–16). Об условности понятия "лексическая многозначность" писал и Л.В.Щерба: "Неправильно думать, что слова имеют по несколько значений: это, в сущности говоря, формальная и даже просто типографская точка зрения. На самом деле мы имеем всегда столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений <...>. Это вытекает логически из признания единства формы и содержания, и мы должны были бы говорить не о словах просто, а о словах–понятиях. В нашем повседневном употреблении мы скатываемся на формальную точку зрения, придавая слову "слово" значение "фонетического слова"" (Щерба 1958: 78).

Сторонники второй теории, преодолев ограниченность первой, не смогли, однако, найти верного и при этом обязательно данного в языке критерия для определения, когда же момент разрыва семантических связей, и тем самым материальной оболочки, слова можно считать наступившим.

Мы считаем, что слово в речи, как правило, однозначно, поскольку разные смыслы, соотносимые с одной и той же материальной оболочкой, образуют род семантической парадигмы. Свойством же любой парадигмы является как раз то, что ее элементы не могут реализовываться одновременно, это дает возможность рассматривать интересующую нас проблему на фоне сосюрдовской дихотомии «язык vs. речь». Сходную мысль об актуальной или потенциальной многозначности слова высказывает Н.Ю.Шведова: "Слово в целом обычно имеет несколько значений: оно неоднозначно или

потенциально неоднозначно <...> существование однозначных слов не противоречит сказанному: любое слово всегда таит в себе готовность к семантическим модификациям, потенциал семантических сужений и расширений" (Шведова 1998).

В статьях по машинному переводу и на аналогичную тематику, как правило, принимается то определение омонимов, которое лучше служит при решении той или иной практической задачи. Так как "для машины безразлично, имеется ли какая-нибудь смысловая связь между двумя возможными переводами данного слова" – различие между омонимией и полисемией не проводится, а термины "омонимия" и "полисемия", употребляются здесь как бы механически. Фактически же, когда речь идет об омонимии как о специальной проблеме машинного перевода, то, судя по определениям, всякая многозначность для удобства называется омонимией. Так, например, омонимией с точки зрения машинного перевода считается одна и та же последовательность элементов (например, букв), которая для получения удовлетворительного перевода должна перерабатываться по-разному. Таким образом, если слово имеет несколько значений, то здесь удобнее рассматривать каждое из значений как отдельное слово, то есть омонимизировать эти значения (Yngve 1996).

В большинстве случаев объективно существующее различие значений слова связано с различными потенциями в области синтаксической и лексической сочетаемости, с разными правилами конструирования в речи. Именно эти правила следует досконально изучить для того, чтобы можно было судить о тождестве слова. Таким образом, основным способом снятия многозначности признается изучение и описание контекстуальных условий, в которых реализуется то или иное значение слова. Непосредственный контекст служит дифференцирующим средством для понимания и восприятия омонимических знаков-слов, так как слова, объединяющиеся в омонимичные пары, обладают разной синтаксической и лексической валентностью.

Метод контекстуального описания значений потребует уточнения понятия такого контекста, который по возможности должен быть минимальным и наиболее "выгодным" для описания. Различают "макроконтекст", охватывающий целый отрывок (например, абзац) текста, и "микрконтекст", не выходящий за пределы предложения. Понятие омонимии, в связи с таким подходом, очевидно, будет расширено. Это естественно, так как при прежнем понимании омонимии огромное количество слов с резкой "разнозначностью" приходилось толковать как единое целое.

Также ясно, что при таком подходе, принцип общего этимологического происхождения не будет играть значительной роли. Речь пойдет не об общем или разном происхождении слов, а об одинаковом или разном их отношении к предложению и словосочетанию на определенном синхронном этапе. С другой стороны, критерий семантической близости или разности, столь трудно объективно измеримый, также не будет играть прежней роли. Наличие разных парадигматических схем, также как и наличие разной валентности, характеризуют слово в целом и определяют разность между словами.

При выраженном несовпадении сумм "дистрибуций" слова, то есть тех словосочетательных возможностей как в синтаксическом, так и в лексическом отношении, которые его характеризуют, следует говорить о наличии двух (и более) слов. Этот (третий) признак омонимии, как нам кажется, является самым важным и всеобъемлющим. Он обязательно сопровождает первые два (омонимия слов, принадлежащих к разным частям речи, и омонимия слов с разными морфологическими показателями), которые характеризуют лишь часть омонимов, и, вместе с наличием разных словообразовательных гнезд, является верным признаком того, что перед нами разные слова.

При классификации лексических омонимов используются разные критерии (Фомина 1990: 84–89; Малаховский 1990). За основу можно взять традиционный метод классификации омонимов по форме, данный в "Словаре–справочнике лингвистических терминов" под редакцией Д.Э.Розенталя, М.А. Теленковой (Розенталь ... 1976: 242). Здесь рассматриваются следующие различные формы лексической омонимии: полная омонимия – совпадение в звучании и написании слов, принадлежащих к одной части речи во всех формах, и, соответственно, неполная (или частичная) омонимия – совпадение в звучании и написании слов, принадлежащих к одной части речи, не во всех грамматических формах. По структуре лексические омонимы делятся на корневые (простые или производные) и производные. Первые имеют непроизводную основу, а вторые возникли в результате словообразования, и, следовательно, имеют производную основу.

Наряду с омонимией здесь также рассматриваются смежные с ней явления, относящиеся к грамматическому, фонетическому и графическому уровням языка, которые рекомендуется отграничивать от собственно лексических омонимов. Среди созвучных форм выделяют омоформы, омофоны и омографы: омоформы

(морфологические омонимы) определяются как слова, принадлежащие к разным частям речи и совпадающие лишь в какой-нибудь одной грамматической форме (реже – в нескольких). Омофоны или фонетические омонимы – как слова, которые звучат одинаково, но пишутся по-разному, их появление в языке связано с действием фонетических законов. Омографы или графические омонимы – слова, которые пишутся одинаково, но произносятся по-разному, что в русском языке (и в некоторых славянских языках) связано с разной позицией ударения.

Западные языковеды выделяют еще гетеронимы (омографы, которые при совпадении в написании отличаются произношением не только вследствие разного ударения) и капитонимы (омонимы, возникшие в результате совпадения вновь образованной аббревиатуры с давно известным полнозначным словом).

1.2. Понятие межъязыковой омонимии. История вопроса

Слова разных языков, имеющие сходный внешний (звуковой и/или графический) облик, но разное значение, с давних пор стали привлекать внимание лингвистов. Еще в 1788 году в Зальцбурге вышел лексикографический очерк А.Портитора, касающийся межъязыковых французско-немецких лексических соответствий омонимичного характера. Но по-настоящему системное и широкое изучение подобных межъязыковых соответствий началось с 1928 года с работы М.Кесслера и Ж.Дерконьи на материале французско-английских и англо-французских параллелей. Ими же был введен термин "faux amis du traducteur" ("ложные друзья переводчика") и выделены два типа "ложных друзей переводчика": 1) "полностью ложные" со сходной орфографией и расходящейся семантикой и 2) "частично ложные" со сходной орфографией и в основном с общей семантикой (Koessler ... 1928).

Одним из первых соответствия омонимичного характера в славянских языках отметил украинский писатель и переводчик М.Ф.Рыльский. Подчеркивая условность термина, межъязыковыми омонимами он называет слова, "которые одинаково или подобно звучат в двух или нескольких языках, но имеют неодинаковое, иногда противоположное значение", например: русск. рожа 'морда' – укр. рожа 'роза или мальва'; польск. won 'запах' и русск. вонь 'смрад'; русск. мешкать 'промедлить' и укр. мешкати 'проживать'; словац. malomocnu 'прокаженный' и русск. маломощный 'небольшой силы' (Рыльский 1959: 163–164).

В конце 60-х – начале 70-х годов советскими учёными были проведены фундаментальные исследования данной категории слов. Были изданы дифференциальные словари, которые вслед за М.Кесслером и Ж.Дерконьи стали именоваться словарями "ложных друзей переводчика". Прежде всего, следует отметить работы В.В.Акуленко, К.Г.М.Готлиба и В.Л.Муравьёва (Акуленко ... 1969; Готлиб 1972; Муравьев 1985). Ими развиты основные теоретические положения, касающиеся этой категории слов, составлены словари и пособия, преимущественно связанные с проблемами перевода. Также этой проблемой занимались и многие другие исследователи: А.М.Фитерман, В.Н.Крупнов, А.И.Журавлев, С.С.Захаров, В.А.Коростелева, В.В.Дубичинский, Л.И.Борисова, А.И.Пахотин и др.

В научных работах полное или частичное формальное сходство слов разных языков при их семантическом различии выделяют как системную категорию, для названия которой используются различные термины, например: "ложные друзья переводчика" (Гальперин 1970: 129–136; Будагов 1974: 141–146); обманчивые межъязыковые сходства (Гросбарт 1962: 452–453); межъязыковые омонимы (Заславская 1992: 23–25); межъязыковые паронимы (Балалыкина 1991; Бельчиков 1990: 368); межъязыковые синонимы (Уилер 1977: 52–53); межъязыковые полисемы (Борисенко 1991); ложные или неполные лексические параллели (Дубичинский 1992: 25–29); ложные эквиваленты (Федоров 1968: 167–169); гетеронимы (Конецкая 1961: 25; Селиванов 1976: 118); ложные когнаты (Ладо 1989); псевдоинтернационализмы (Коломиец 1976: 10); аппроксиманты (Симеонова 1981) и др.

Безусловно, трудно найти такой термин, который охватил бы все межъязыковые соответствия, совпадающие в разной степени в ПВ и в разной степени различные в ПС. Множество терминов, предлагаемых исследователями для наименования межъязыковых соответствий омонимичного характера, свидетельствуют о сложности данного явления и о необходимости использования таких лингвистических методов, которые позволили бы избежать неоднозначности в интерпретации этой категории слов. Учитывая расхождения в терминологии, потребовалось внести уточнения в определение лексических единиц, являющихся объектом нашего исследования.

Разные исследователи предлагали разные решения данной проблемы, в частности К.Г.М.Готлиб, ссылаясь на высказывание Л.В.Щербы о том, что нельзя говорить об абсолютном совпадении артикуляции и звучания фонемных пар разных языков,

объединял все названные выше случаи в термине "междуязычные/языковые аналогизмы" (Готлиб 1972: 437).

В.В.Дубичинский во избежание разночтений и неточностей предлагает новую концептуальную систему. Он рекомендует лингвистам и переводчикам объединить известные термины "интернациональная лексика", "ложные друзья переводчика", "межъязыковые омонимы" и другие в одну терминологическую систему, и "совпадающие в плане выражения и сходные/несходные в плане содержания лексемы двух и более синхронически сравниваемых или контактирующих языков" называть лексическими параллелями (Дубичинский 1993: 4). Однако, термин "лексические параллели" уже использовался в других работах в более узком значении. Так, Е.В.Опельбаум лексическими параллелями называет лексемы родственных языков, «которые пребывают в определенных генетических отношениях в плане выражения и в плане содержания» (Опельбаум 1979: 54).

На наш взгляд термины "междуязычная аналогия" и "лексические параллели" слишком широки, размыты и не отображают природы называемого явления. Совершенно неточным нам также представляется наименование данной категории слов обманчивыми/ложными когнатами. В лингвистике когнатами традиционно называются однокоренные слова, имеющие общее происхождение и похожее звучание в двух и более самостоятельных языках. При этом семантическое сходство когнатов обычно варьируется от совпадения до полного различия. Следовательно, ложные когнаты – слова, имеющие похожее звучание, но разное происхождение и вследствие этого разное значение. В свою очередь "ложные друзья переводчика" – слова, имеющие похожее звучание, но разное значение, и, что важно, разное или общее происхождение. В этом отношении они противостоят как когнатам, так и ложным когнатам, для которых критерий родства играет важную роль. Термин "когната" ассоциируется в языкознании с происхождением слов, в то время как рассматриваемая в данной работе категория определяется синхронически в зависимости от соотношения слов в ПВ и ПС.

Рассмотрим еще целый ряд терминов, используемых в лингвистике для обозначения слов сходных по звучанию и форме, но различных по значению, а именно "ложные друзья переводчика", псевдоинтернационализмы и межъязыковые омонимы.

Один из наиболее часто встречающихся терминов "ложные друзья переводчика" сегодня кажется не столь адекватным сути языкового явления, с которым соотносится (Гросбарт 1962; Балалыкина 1991; Дубичинский 1993). "Ложные друзья переводчика"

скорее лучше характеризует того лингвиста, который сталкивается с этим явлением впервые, чем сами лексемы и отношения между ними. Уместно привести высказывание Р.А.Будагова, обосновывающего утверждение этого названия в русском языке: "Хотя словосочетание "ложные друзья переводчика" и длинно и слишком открыто, чтобы стать термином, оно всё же термируется за последние годы. Во-первых, это словосочетание, по-видимому, не имеет равного и более краткого эквивалента; во-вторых, сама его "открытость" привлекательна: она как бы напоминает, какие ловушки ожидают всех, кто имеет дело с разными языками" (Будагов 1971: 362–368). Несмотря на то, что "ложные друзья переводчика" считается не термином, а "образным выражением для наименования межъязыковых омонимов", попытка его замены другим термином наталкивается на сопротивление, которое скорее вытекает из его многолетнего употребления в литературе (Влчек 1975: 33).

Принято считать, что понятие "ложных друзей переводчика" значительно шире, чем "межъязыковые омонимы" и "межъязыковые паронимы". Оно включает в свой состав все лексические единицы, которые могут вызвать неправильные ассоциации – межъязыковые омонимы, межъязыковые паронимы, межъязыковые квазисинонимы, этимологические дублеты и др. (Акуленко ... 1969: 380; Коваль–Костинская 1984: 118–119; Кочерган 1990: 104).

Некоторые авторы употребляют термины "ложные друзья переводчик" и "межъязыковые омонимы" одновременно, не разграничивая их семантически. Так, Р.А.Будагов, назвав свою статью "Ложные друзья переводчика" в соответствии с названиями словарей, которые анализирует, в то же время отмечает: "ложными друзьями переводчика" обычно именуется межъязыковые омонимы – слова, имеющие при одинаковом звучании разные значения" (Будагов 1975: 141). Другие считают такое сужение круга "ложных друзей переводчика" искусственным, поскольку оно не снимает задачу выявления всех видов лексических единиц, которые могут вызвать неверные ассоциации при изучении иностранного языка, а именно: межъязыковых омонимов, межъязыковых паронимов, межъязыковых квазисинонимов (Акуленко ... 1969; Коваль–Костинская 1984; Кочерган 1990 и др.).

Что касается термина "межъязыковая лексическая омонимия", то сопоставительное языкознание уже давно оперирует этим понятием, однако его использование часто приводит к серьезным недоразумениям. Одни ученые относят вышеуказанный термин к одинаково звучащим или пишущимся языковым знакам

параллельно сосуществующим в разных языковых системах и различающимся своими значениями (Акуленко ... 1969; Будагов 1974; Влчек 1963; Готлиб 1972; Гросбарт 1962; Кочерган 1997 и др.). Другие относят термин "межъязыковая омонимия" к связи между множествами омонимов анализируемых языков (Дубичинский 1993; Дубичинский 2002; Воян 2002). В.В.Дубичинский считает, что о межъязыковой лексической омонимии следует говорить тогда, когда омонимические множества составляют минимум четырехэлементную структуру в синхронно сопоставляемых языковых системах (Дубичинский 1993; Дубичинский 2002). В свою очередь Д.Батлер, сравнивая эквивалентные польские и русские пары омонимов, называет это явление "омонимией омонимов" (Батлер 1989: 89).

Употребление термина "омонимия" в различном значении по отношению к разным явлениям вызывает множество неудобств (Толстой 1968; Ровдо 1980; Готлиб 1966; Гросбарт 1962; Дубичинский 1993; Воян 2002; Воян 2003). Понятийная запутанность несомненно затрудняет совместную работу лингвистов разных стран и представителей разных языковедческих школ (контрастивная лингвистика дает лучшие результаты при условии сотрудничества ученых), поэтому упорядочение терминологической базы кажется абсолютно неизбежным, что мы и попытаемся сделать.

При всей условности термина "межъязыковые омонимы" такое наименование представляется нам наиболее оправданным. Принимая для определения межъязыковых омонимов широкое толкование понятия омонимии как звукового совпадения разных языковых единиц, которые не связаны друг с другом семантически, мы отчетливо осознаем, что такое определение является всего лишь "рабочим" и предполагает в дальнейшем ряд уточнений.

Таким образом, межъязыковая омонимия (в широком понимании) охватывает все то, что формально идентично и семантически различно в контактирующих языках. Однако, по признанию многих исследователей, основная (и важнейшая) часть межъязыковой омонимии отмечается на лексическом уровне в категории межъязыковых лексических омонимов (Супрун 1958: 36–38; Будагов 1975: 141–146 и др.).

1.3. Проблема разграничения межъязыковой омонимии и других межъязыковых соответствий омонимичного характера

В славянских языках "ложные друзья переводчика" насчитывают несколько тысяч слов. В большинстве случаев в данной роли выступают не единичные слова, а все представители соответствующих словообразовательных гнезд, среди которых, кроме межъязыковых омонимов, можно также выделить межъязыковые паронимы и межъязыковые квазисинонимы. Все эти "семантически несколько разнородные случаи" В.В.Акуленко объединяет под термином "ложные друзья переводчика" (Акуленко ... 1969: 370–372). Благодаря сходству в плане выражения все эти слова ассоциируются и отождествляются друг с другом, а так как в плане содержания или по употреблению они полностью или частично не соответствуют друг другу, это нередко приводит к различным затруднениям на практике. Квазитермин "ложные друзья переводчика" по приведенным выше причинам мы предлагаем заменить термином "межъязыковые соответствия омонимичного характера", который имеет то преимущество, что может быть отнесен к любым словам соответствующего типа, не сводя их к более частному случаю.

Несмотря на то, что термин "межъязыковые омонимы" получил широкое распространение в лингвистической литературе, анализ имеющихся точек зрения показал, что до сих пор мнения исследователей по поводу его плана выражения и плана содержания расходятся (Реформатский 1952: 12–22; Супрун 1958: 36–38; Язич 1971: 337–382; Аксенова 1978: 192–198; Ровдо 1980; Грабчиков 1980; Миронюк 1982: 48–50; Шуба 1982: 106–131; Заславская 1985; Влчек 1975 и др.).

В связи с отсутствием общепринятого критерия разграничения категорий межъязыковой омонимии, паронимии и квазисинонимии основной нашей задачей стало определение границ между ними. Разработка прочного лингвистического фундамента будет способствовать углубленному изучению лингвистической сущности как межъязыковых омонимов, так и других межъязыковых соответствий омонимичного характера.

Для начала мы решили рассмотреть различное использование этих терминов в современной лингвистике, а затем, на основании результатов классификации конкретных примеров из славянских языков, построить их строгую таксономию, то есть определить

место каждой из этих категорий в системе межъязыковых соответствий омонимичного характера.

История и наше понимание терминов лексическая "омонимия" и "межъязыковая омонимия" приведены выше (см. Глава I, раздел 1.2). Что касается паронимов, то на существование двойного подхода к толкованию понятия "паронимия" указывает в своей работе Д.Н.Шмелёв. В частности, он отмечает, что термин "пароним" употребляется в лингвистической литературе в разных значениях (более узком и более широком): "во-первых, паронимами называют только близкие по значению однокоренные слова (сходство которых нередко приводит к ошибочному употреблению одного из них вместо другого), ср. остатки – останки, ступня – ступень и т.п.; во – вторых, паронимами называют всякие близкие по звучанию слова, ср. апеллировать – оперировать, заведовать завидовать и т.п." (Шмелев 1977: 231). Следует отметить, что расширенная трактовка явления паронимии, то есть отнесение к паронимам любых близких по звучанию слов (а не только однокорневых), нередко, однако, носит субъективный характер (одному кажутся похожими слова вираж – витраж, другому – вираж – мираж).

Что касается межъязыковых паронимов, то за исходное мы признаем расширенное определение паронимии. В связи с этим межъязыковыми паронимами следует считать слова двух и более языков, сходные по звучанию и форме, но различные по значению, относящиеся к одной части речи, независимо от происхождения. Например, следующие межъязыковые соответствия, где не наблюдается ни графического, ни фонетического тождества, относятся к сфере межъязыковой паронимии: русск. газ '1) метан; 2) состояние вещества' и чеш. *gáza* 'марля', бел. газа 'керосин'; чеш. *poselství* 'послание' и бел. пасольства 'посольство'; чеш. *olovo* 'свинец' и бел. волава 'олово'; польск. *bielizna* 'бельё' и болг. белина 'белизна'; словац. *bielko* 'глазной белок' и русск. белка 'животное'; русск. жена 'супруга' и укр. жінка 'женщина'; русск. голосовать 'выбирать кого-то/что-то, отдавая голос', польск. *halasować* 'шуметь, кричать'; русс. застолье (разг.) '1) праздничный стол, угощение, 2) (перен.) сидящие за праздничным столом' и укр. застілля (разг.) 'место за столом'.

Межъязыковые паронимы в современной компаративной лингвистике рассматриваются с двух позиций: как разновидность межъязыковых омонимов или как особая межъязыковая категория. Мысль о близости паронимов и омонимов, впервые высказанную Ш.Балли, разделяют также С.М.Грабчиков, И.С.Ровдо, П.П.Шуба, М.П.Кочерган, Н.В.Заславская и многие другие исследователи славянских языков. Они

предлагают рассматривать межъязыковые омонимы и межъязыковые паронимы во взаимосвязи, без разграничения (Балли 1995, Грабчиков 1980; Ровдо 1980; Шуба 1982, 106–131; Кочерган 1997, Заславская 1985). Так, С.Влахов и С.Флорин считают, что в межъязыковую омонимию нужно включать и межъязыковую паронимию. Такое широкое толкование понятия межъязыковой омонимии они объясняют тем, что "рассматривать эти аспекты в раздельности нельзя: они взаимосвязаны и взаимозависимы" (Влахов ... 1986: 147).

Мы рассматриваем межъязыковые омонимы и межъязыковые паронимы как межъязыковые соответствия омонимичного характера, различающиеся разной степенью формального сходства. Таким образом, основанием для выделения категории межъязыковых паронимов является меньшая степень формального (звукового и графического) сходства лексем сравниваемых языков. Данную позицию разделяет ряд лингвистов, однако, даже в трудах, предлагающих разграничение межъязыковых омонимов и межъязыковых паронимов, критерий формального разграничения остается неясным (Тошић 1985: 47).

Так, В.В.Акуленко к межъязыковым паронимам относит не вполне сходные по форме слова сопоставляемых языков, которые, несмотря на фактическое расхождение значений, способны вызвать у большего или меньшего числа лиц ложные ассоциации. Межъязыковые омонимы, в свою очередь, по мнению исследователя, должны быть сходны "до степени отождествления по звуковой и/или графической форме" и иметь разное значение (Акуленко ... 1969: 372).

Авторы энциклопедии "Русский язык" под термином "межъязыковые паронимы" понимают "слова двух и более языков, которые могут ошибочно отождествляться друг с другом из-за внешнего сходства при действительном различии их значений" (Филин 1979: 327). При этом степень "внешнего сходства" межъязыковых паронимов здесь также не уточняется. А так как в энциклопедии "Русский язык" не дается определения межъязыковым омонимам, то возможно, здесь под термином "межъязыковые паронимы" подразумевают все виды межъязыковых соответствий омонимичного характера.

Одни считают, что при межъязыковой омонимии возможны отношения частичного формального тождества в тех случаях, когда расхождения в форме связаны с закономерными регулярными соответствиями в области графики, фонетики и словообразования (Ровдо 1980: 11; Заславская 1985: 17; Кочерган 1997: 3). Другие предлагают подобные слова сопоставляемых языков включать в категорию

межъязыковых паронимов (Шидловский 1978: 48; Грабчиков 1980: 5 и др.), но рассматривать в рамках межъязыковой омонимии. Таким образом, в дальнейшем нам предстоит решить вопрос о закономерных регулярных соответствиях и ввести формальный критерий, определяющий какую степень сходства/различия в ПВ можно считать достаточной для дифференциации категорий межъязыковой омонимии и паронимии.

Что касается межъязыковых квазисинонимов, то их выделение как отдельной категории связано с тем, что восходящие к одному этимону межъязыковые соответствия, нередко отличаются от внутриязыковых омонимов сохранением семантической связи в той или иной степени. Так как мы не можем включить в сферу межъязыковых омонимов слова, значения которых не достаточно различаются для того, чтобы соответствовать определению понятия омонимии, их потребовалось отнести в отдельную категорию. В лексической системе одного языка подобное соотношение значений при формальном сходстве рассматривается как полисемия. И хотя термин "межъязыковая (двухязычная) полисемия" иногда встречается в лингвистической литературе (Финкель 1962: 19; Гольцекер 1971: 129–136; Борисенко 1990: 5; Манакин 2004), на наш взгляд, все же невозможно говорить о существовании межъязыкового полисема. Признание такового привело бы к утверждению о том, что в разных языках неодинаково реализуется значение одного и того же слова. Рассматривая этимологически родственные слова славянских языков соотносимые в ПВ и в разной степени различные в ПС, мы имеем дело с разными словами-знаками, принадлежащими различным системам.

Применение термина "межъязыковые синонимы" по отношению к словам двух языков, совпадающих в ПВ и ПС, но отличающихся коннотацией, нам также представляется не совсем корректным. В.В.Акуленко межъязыковыми синонимами называет "слова обоих языков, полностью или частично совпадающие по значению и употреблению (и, соответственно, являющиеся эквивалентами при переводе)". И разделяет их на "внешне сходные" (до степени отождествления в процессах соприкосновения и сопоставления языков) и "внешне различные" (Акуленко ... 1969: 370–372).

Мы, в свою очередь, считаем необходимым разграничивать понятия межъязыковой синонимии сходного вида и межъязыковой квазисинонимии. Межъязыковые синонимы сходного вида практически не представляют трудностей для переводчиков или лиц, изучающих язык. Напротив, это так называемые "друзья

переводчика", вызывающие положительную интерференцию, и, благодаря сходству как в ПВ, так и в ПС, облегчающие изучение и понимание языков. Они представлены этимологически родственными словами (когнатами), например: русск. кривой (крив) 'кривой, не прямой' и болг. крив '1) кривой, не прямой, 2) плохой, 3) виноватый'; чеш. rukavice 'перчатка' и бел. рукавіца 'рукавица, варежка'; н. – луж. руца́(ір) 'искать' и польск. руца́(ір) 'спрашивать'.

Межъязыковые квазисинонимы благодаря незначительному расхождению в ПС (расхождение в отдельных значениях, оттенках или в сфере употребления) при значительном сходстве в ПВ, напротив, представляют наибольшую трудность в практике переводческой и лексикографической работы, а также преподавания иностранных языков, и часто приводят к отрицательной интерференции, то есть неправильному словоупотреблению и пониманию.

Термин "квазисинонимия" используется в лингвистике для обозначения слов, не полностью совпадающих по значению. Обычно как квазисинонимы предстают термины, которые, называя примерно одно и то же, относятся к разным научным концепциям и/или разным метаязыкам. В категорию межъязыковой квазисинонимии мы включаем слова общего происхождения, которые, как правило, редко противопоставлены друг другу в полном семантическом объеме, но отдельные их семемы часто образуют омонимичные пары. Сюда же мы относим слова двух (или более) языков, различающиеся только эмоционально-экспрессивными или функционально-стилистическими оттенками, которые многими исследователями выделяются как особая разновидность межъязыковых омонимичных пар (Будагов 1975: 142–145; Ровдо 1980: 6; Гросбарт 1962: 452–453 и др.). Межъязыковые квазисинонимы – это своего рода переходная категория от межъязыковых синонимов сходного вида к межъязыковым омонимам.

Сопоставляя лексику любых двух языков можно отметить, что с точки зрения формы (как графической, так и звуковой) логически здесь можно выделить три большие группы слов: похожие, относительно похожие друг на друга и несходные формально ни в одной из двух форм выражения. Межъязыковые формальные соответствия, в свою очередь, по соотношению лексики с точки зрения ее семантического содержания, можно разделить на слова, выражающие сходные понятия, слова, которые лишь в некоторой степени соответствуют друг другу по смыслу, и слова, выражающие абсолютно разные понятия.

Классификацию всей лексики сопоставляемых языков по соотношению в ПВ и ПС наглядно представлена в таблице №1.

Таблица №1. Классификация лексики сопоставляемых языков по соотношению в ПВ и ПС

1. ВСЯ ЛЕКСИКА								
2. Сходная в ПВ			3. Частично сходная в ПВ			4. Несходная в ПВ		
5. Сходная в ПС	6. Частично сходная в ПС	7. Несходная в ПС	8. Сходная в ПС	9. Частично сходная в ПС	10. Несходная в ПС	11. Сходная в ПС	12. Частично сходная в ПС	13. Несходная в ПС

Межъязыковые соответствия омонимичного характера охватывают лексику, соответствующую ячейкам №№ 6, 7, 9 и 10; межъязыковые квазинонимы – № 6; межъязыковые омонимы – № 7; межъязыковые паронимы – №№ 9 и 10.

А существующие типы соотношений формы и значения между единицами сопоставляемых языков иначе можно представить в виде следующей таблицы (таблица №2).

Таблица №2. Формальные и семантические отношения лексики сопоставляемых языков

Формальные отношения → Смысловые отношения ↓	$\Phi = \Phi$	$\Phi \approx \Phi$	$\Phi \neq \Phi$
$З = З$	1) $\Phi = \Phi; З = З$	2) $\Phi \approx \Phi; З = З$	3) $\Phi \neq \Phi; З = З$
$З \approx З$	4) $\Phi = \Phi; З \approx З$	5) $\Phi \approx \Phi; З \approx З$	6) $\Phi \neq \Phi; З \approx З$
$З \neq З$	7) $\Phi = \Phi; З \neq З$	8) $\Phi \approx \Phi; З \neq З$	9) $\Phi \neq \Phi; З \neq З$

Различные формальные отношения можно назвать соответственно омолексией ($\Phi=\Phi$), паралексией ($\Phi\approx\Phi$) и гетеролексией ($\Phi\neq\Phi$). В свою очередь типы смысловых (семантических) отношений между словами сопоставляемых языков можно обозначить соответственно как омосемию ($З=З$), парасемию ($З\approx З$) и гетеросемию ($З\neq З$).

Межъязыковые соответствия омонимичного характера находятся в ячейках под номерами 4, 5, 7 и 8. Соответственно это омолексы–парасеманты ($\Phi=\Phi$; $З\approx З$), паралексы–парасеманты ($\Phi\approx\Phi$; $З\approx З$), омолексы–гетеросеманты ($\Phi=\Phi$; $З\neq З$) и паралексы–гетеросеманты ($\Phi\approx\Phi$; $З\neq З$). Их обычно именуют "ложными друзьями переводчика" или другими терминами, которые объединяют их в одну группу, в то время как с точки зрения формальных и семантических отношений они неоднородны и соответственно их следует рассматривать отдельно: чеш. *pasák* '1) пастух, 2) сутенер' и бел. *пасак* '1) пояс, ремешок, 2) полоска'; польск. *celować* 'целиться, метить' и русск. *целовать* 'прикасаться губами'; русск. *коса* 'прическа', болг. *коса* '1) волосы, 2) борода у кукурузы'.

Омолексы–парасеманты (ячейка 4: $\Phi=\Phi$; $З\approx З$) – это межъязыковые квазисинонимы (русск. греховно 'аморально с точки зрения христианства', болг. греховно 'ошибочно'). Тогда как слова, соотносимые с ячейкой 3 ($\Phi=\Phi$; $З=З$ омолексы–омосеманты), – это межъязыковые синонимы, сходные в ПВ (польск. *pismo* '1) письменность, 2) документ' и русск. *письмо* '1) письменность, 2) документ', а ячейки 1 ($\Phi=\Phi$; $З=З$) и 6 ($\Phi\neq\Phi$; $З\approx З$) – синонимы, несходные в ПВ (чеш. *havěť* и русск. *живность* 'живность, мелкие животные').

Омолексы–гетеросеманты (ячейка 7: $\Phi=\Phi$; $З\neq З$) представляют собой межъязыковые омонимы – предмет нашего исследования (русск. *треска* 'рыба', болг. *треска* 'щепка'; чеш. *bugák* 'арахис' – бел. *бурак* 'свекла').

А паралексы–парасеманты (ячейка 5: $\Phi\approx\Phi$; $З\approx З$) (чеш. *krk* 'шея, горло' и бел. *карак* 'задняя часть шеи'; *ser* '1) сыр, 2) творог' и русск. *сыр* 'твердый молочный продукт') и паралексы–гетеросеманты (ячейка 8: $\Phi\approx\Phi$; $З\neq З$) (словац. *brvy* 'ресницы' и русск. *брови* (ед.ч. *бровь*) 'волосяной покров над глазом'; *szeladník* 'подмастерье' и *челядь* 'дворовые люди, слуги помещика') объединяются в категорию межъязыковых паронимов.

Благодаря разграничению этих категорий мы решаем проблему, связанную с классификацией межъязыковых соответствий омонимичного характера. В дальнейшем, рассматривая эти категории на конкретных примерах из славянских языков, мы сможем дать более точное определение формальных и семантических границ между ними.

Поскольку речь идет о сопоставлении лексики нескольких языковых систем с разными принципами орфографии и орфоэпии, рациональнее будет исходить из широкого понимания омонимии и паронимии. В исследовании межъязыковых явлений термины "омонимия", "паронимия", "квазисинонимия" и "синонимия" используются в некоторой степени условно, что в принципе никак не противоречит собственно научному подходу, который всегда предвидит наличие переходных моментов и отсутствие жестких границ между языковыми явлениями.

Значительную часть ответов на "трудные вопросы" при анализе формально сходной лексики близкородственных языков могут дать наблюдения над переходными явлениями, характеризующимися синкретизмом свойств, то есть совмещением (синтезом) в одном факте языка и речи дифференциальных признаков разных категорий. Теория переходности В.В.Бабайцевой широко используется в настоящее время при анализе различных языковых явлений (Бабайцева 2000: 5).

Впервые использование теории переходности по отношению к межъязыковым явлениям омонимичного характера было предложено Е.В.Федорчук. Наличие периферийных областей в сфере межъязыковой омонимии может быть обусловлено: 1) степенью сходства плана выражения и 2) степенью различий плана содержания (Федорчук 2001: 34). Ядром межъязыковой омонимии следует считать лексические единицы двух языков, совпадающие во всех формах (либо в большинстве форм) в ПВ и различные в ПС. И если для ядра характерна максимальная концентрация признаков омонимии (симметрия формы при асимметрии содержания), то для периферии характерен неполный набор этих признаков. Как видим, в свете теории переходности становятся ясными многие дискуссионные вопросы. В плане выражения межъязыковые омонимы (в зонах удаленных от ядра) могут сближаться с межъязыковыми паронимами, а в плане содержания – с квазисинонимами.

Завершая общую характеристику межъязыковых явлений омонимичного характера, следует еще раз отметить необходимость отмежевания межъязыковой омонимии не только от межъязыковой паронимии, но и от межъязыковой квазисинонимии. Но, так как межъязыковые соответствия омонимичного характера обладают многими общими свойствами, например, способностью вызывать лексическую интерференцию, то межъязыковую омонимию, межъязыковую квазисинонимию и межъязыковую паронимию, несмотря на разграничение, желательно изучать во взаимосвязи и взаимосопоставлении.

ГЛАВА II. КЛАССИФИКАЦИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ ОМОНИМИЧНОГО ХАРАКТЕРА

В данной главе все типы лексических межъязыковых соответствий омонимичного характера (межъязыковые омонимы, межъязыковые квазисинонимы и межъязыковые паронимы), относящиеся к знаменательным частям речи, классифицируются по соотношению в плане выражения, в плане содержания и по происхождению. На основе анализа результатов классификации материала славянских языков уточняются определения и устанавливаются границы между смежными явлениями.

2.1. Формальная классификация межъязыковых соответствий омонимичного характера

Анализ внутриязыковых омонимов в ПВ (в широком понимании) предполагает определение их фонетического и/или графического тождества, что подразумевает их сравнение по следующим показателям: 1) фонемный состав, 2) графический облик, 3) акцентологическая характеристика, 4) морфемный состав. На основании анализа по соотношению в ПВ традиционно выделяются фонетико–графические, фонетические, графические и морфологические омонимы (собственно омонимы, омофоны, омографы и омоморфы соответственно).

2.1.1. Традиционная классификация межъязыковых омонимов

По аналогии с внутриязыковой омонимией среди межъязыковых омонимов выделяют фонетико-графические, фонетические и графические омонимы. Морфологические омонимы (омоморфы) в соответствии с задачами работы не являлись предметом нашего анализа.

2.1.1.1. Фонетико–графические межъязыковые омонимы

Фонетико-графические межъязыковые омонимы в ПВ характеризуются тождеством графической и фонетической формы при соответствующем различии в ПС. Это означает, что подобные омонимы справедливо на всех основаниях могут выделяться только в языках со сходной графикой, например:

- польск. sad 'фруктовый сад' и чеш. sad 'огород', словен. sad 'плод, фрукт', н.–луж. и в.–луж. sad 'фрукты (неисчисляемое)';
- хорв. brak 'супружество' и польск. brak '1) производственный брак, отходы, 2) дефект, изъян';
- польск. doba 'ден (24 часа)' и чеш. doba '1) время, эра, 2) период', хорв. doba '1) время, эра, 2) период';
- русск. паркет 'деревянное покрытие для пола' и болг. паркет² 'прокуратура';
- русск. краска '1) вещество для окраски, 2) цвет' и болг. краска 'цветок', бел. краска 'цветок';
- русск. завод 'фабрика'; и македон. завод¹ 'фабрика', завод² 'заведение, учреждение'.

Выделение межъязыковых фонетико-графических омонимов в языках с разной письменностью условно, так как здесь нельзя говорить о графическом тождестве, а только о соответствии, например:

- польск. дума 'гордость' и болг. дума 'слово', бел. дума¹ 'мысль', дума² 'фольклорный жанр', дума³ 'парламент', русск. дума¹ 'мысль' дума² 'фольклорный жанр', дума³ 'парламент';
- чеш. kráska 'красавица', словац. kráska 'красавица', польск. kraska 'обыкновенная сизоворонка' и русск. краска '1) вещество для окраски, 2) цвет', болг. краска 'цветок', бел. краска 'цветок'.

Отличие межъязыковых фонетико-графических омонимов от внутриязыковых фонетико-графических омонимов заключается в том, что даже при наличии двух формальных признаков омонимии (фонетического и графического тождества означающих) существуют определенные нюансы в произношении, которые позволяют говорить лишь об относительном формальном тождестве.

Таким образом, «полноценные» (соответствующие внутриязыковым) межъязыковые фонетико-графические омонимы выделяются только при сопоставлении языков с одинаковой письменностью. И, тем не менее, абсолютное формальное совпадение лексических единиц двух языков – довольно редкое явление. Даже при одинаковом написании, их разное произношение может быть обусловлено множеством причин, связанных с фонетическими особенностями рассматриваемых нами славянских

языков, например разницей систем произношения ударных и неударных, долгих и кратких слогов и др. В этом и заключается, на наш взгляд, специфика данной разновидности межъязыковых омонимов – их отличие от внутриязыковых фонетико-графических омонимов.

2.1.1.2. Графические межъязыковые омонимы

Внутриязыковые графические омонимы (омографы) характеризуются тождеством в написании при расхождении в произношении. Межъязыковые графические омонимы (межъязыковые омографы) – это слова разных языков, совпадающие графически, но различающиеся фонетически при соответствующем различии в ПС, например:

- болг. скала. 'шкала' и русск. скала 'утес' – разница в позиции ударения;
- русск. запах 'заход одной полы за другую' и укр. запах 'свойство предметов, веществ, воспринимаемых обонянием' – разница в позиции ударения;
- русск. листопад¹ 'опадение листвы' и укр. листопад¹ 'опадение листвы', листопад² 'ноябрь' – разница в значении буквы 'и' и в произношении безударного 'о';
- укр. година '1) час, 2) (поэт.) время' и болг. година 'год' – разница в различном произношении буквы 'г';
- польск. bezcenny 'бесценный, неоценимый' и чеш. bezcenný 'ничего не стоящий' – разница в позиции ударения;
- польск. poprawa 'исправление, корректировка' и чеш. porava 'выполнение (работы), приведение в исполнение' – разница в позиции ударения.

Выделение межъязыковых графических омонимов в языках с разной письменностью также условно, например:

- чеш. alej 'аллея' и бел. алей 'растительное масло' – разница в позиции ударения;
- укр. година '1) час, 2) (поэт.) время' и хорв. godina 'год', чеш. godina 'год' – разница в различном значении буквы 'г' и в ударении;
- русск. запах 'заход одной полы за другую' и чеш. zápač 'вонь, дурной запах', польск. zapach 'запах – свойство предметов, веществ, воспринимаемых обонянием' – разница в позиции ударения.

Если в пределах одного языка причиной разного произношения омографов чаще всего является разная позиция ударения или в некоторых случаях исторический принцип орфографии, то здесь разное произношение межъязыковых омографов также вызывает омонимия некоторых знаков алфавитов (когда один графический символ в разных языках обозначает разные звуки-фонемы).

2.1.1.3. Фонетические межъязыковые омонимы

Фонетические омонимы (омофоны) характеризуются тождеством в произношении при расхождении в написании. К межъязыковым фонетическим омонимам (омофонам), следовательно, должны относиться слова, соответствующие друг другу фонетически, но различающиеся графически, например:

- русск. кружка 'чашка', болг. крушка '1) груша; 2) лампочка' – слова произносятся одинаково благодаря позиционному изменению в русском слове согласного 'ж' перед глухим согласным и совпадению со звуком, обозначаемым буквой 'ш', в болгарском слове;
- русск. порá 'время' и болг. парá 'монетка' – здесь также совпадение звучания при разном написании слов связано с позиционными изменениями русских гласных в безударных слогах, благодаря чему русское безударное 'о' совпало с 'а' в болгарском слове;
- русск. штука 'отдельный предмет из числа однородных' и болг. щука 'щука' – так как болг. буква 'щ' произносится как русское сочетание букв 'шт'.

В некоторых работах в сфере лексических межъязыковых соответствий омонимичного характера слова с разными графическими символами, используемыми для обозначения одного звука, по аналогии с принципами классификации внутриязыковых омонимов (где слова сходные фонетически и различные графически называются омофонами) относят к межъязыковым омофонам. Например, Е.В.Федорчук русские и украинские слова, где букве 'ы' (в системе русской графики) соответствует буква 'и' (в системе украинской графики), относит к межъязыковым омофонам: русск. вы'ступ 'выдающаяся, выступающая вперед часть чего-либо' и укр. ви'ступ¹ '1) углубление, выемка, 2) уступ', ви'ступ² '1) уход из предыдущего местонахождения, 2) отправление', ви'ступ³ '1) публичное выступление, 2) публикация произведения, статьи', ви'ступ⁴ 'акция протеста' (Федорчук 2001).

На этом же основании к омофонам тогда можно отнести следующие слова:

- русск. кит 'морское млекопитающее' и укр. кіт 'кот', где звук, обозначаемый в русском буквой 'и', в украинском обозначается буквой 'і';
- польск. sztuka¹ 'предмет, штука', sztuka² 'искусство' и чеш. štuka 'штукатурка', хорв. štuka 'щука' – сочетание букв 'sz' и буква 'š' обозначают один звук.

Придерживаясь этого принципа к межъязыковым омофонам также следует отнести все слова, соответствующие друг другу фонетически, графические расхождения которых связаны с разными алфавитами.

- болг. щука 'щука', русск. штука 'отдельный предмет из числа однородных', хорв. štuka 'щука', польск. sztuka¹ 'штука, экземпляр', sztuka² 'искусство', чеш. štuka 'штукатурка';
- польск. puszka 'жестяная банка', хорв. puška 'винтовка', русск. пушка 'артиллерийское орудие';
- русск. кит 'морское млекопитающее', укр. кіт 'кот', польск. kit 'замазка';

Но при таком подходе к ним также должны относиться слова, которые мы ранее (условно) рассматривали как фонетико-графические омонимы: дума и дума, kraska и краска. Таким образом, здесь также следует различать сопоставление языков с одинаковой и разной письменностью, так как это существенно отражается на критериях, используемых для выделения омофонов.

Выделение фонетических омонимов на основе языков с разной письменностью может происходить на основе двух различных принципов.

1. К фонетическим омонимам в первом случае относятся слова, совпадающие фонетически и различающиеся графически. Их графические различия объясняются использованием разных алфавитов, например:

- хорв. deva 'верблюды' и серб. дева¹ 'верблюды';
- польск. plescy 'спина' и русск. плечи 'часть туловища от шеи до руки и верхняя часть руки';
- чеш. divan 'диван, кушетка' и бел. дыван 'ковёр';
- русск. грозно 'резко, сурово' и болг. грозно 'некрасиво, уродливо'.

2. К фонетическим омонимам во втором случае относятся только те слова, которые совпадают фонетически и различаются графически, причем различие их графического облика не вытекает из различия алфавитов, например:

- русск. эссенция 'вытяжка, экстракт' и польск. esencja '1) эссенция, 2) чайная заварка' – здесь различие графического облика слов обусловлено разными принципами орфографии;
- русск. местный 'относящийся к какой-либо местности' и хорв. mesni 'мясной' – здесь совпадение разных слов связано с упрощением групп согласных и редукцией конечного согласного в русском слове, которые не отражаются на письме;
- русск. роскошь 'внешнее великолепие, богатство, пышность' и польск. rozkosz '1) блаженство, 2) наслаждение' – различие графического облика слов обусловлено разными принципами орфографии;
- польск. kruk 'ворон' и русск. круг 'плоскость, ограниченная окружностью' – здесь различие графического облика слов обусловлено тем, что фонетические позиционные изменения согласных на конце слова в русском языке не отражаются на письме.

Таким образом, при втором подходе к межъязыковым омофонам относятся слова, различающиеся графически и совпадающие фонетически благодаря разным принципам орфографии и орфоэпии сопоставляемых языков.

Подводя итоги, следует отметить, что существует множество нюансов, отличающих межъязыковые графико-фонетические, фонетические и графические омонимы от подобных же разновидностей внутриязыковых омонимов. Даже при использовании одного алфавита кириллицы или латиницы, в славянских языках при одинаковом звучании слов мы можем иметь разное написание, когда одному звуку соответствуют два разных знака (русск. кит и укр. кіт). А при разном звучании слов встречается одинаковое написание, когда двум разным звукам соответствует один знак – омонимия некоторых знаков алфавита славянских языков (укр. година и болг. година).

2.1.1.4. Полные и неполные межъязыковые омонимы

Полные лексические омонимы определяются как слова, принадлежащие к одной части речи во всех грамматических формах, соответственно неполные (частичные)

лексические омонимы – это слова, принадлежащие к одной части речи и совпадающие лишь в какой-нибудь одной грамматической форме (реже – в нескольких). Полнота/неполнота омонимов определяется тем, охватывает ли лексическая омонимия все ряды словоформ одного и того же слова или нет. Таким образом, межъязыковые полные лексические омонимы, в противоположность неполным лексическим межъязыковым омонимам, – это слова, у которых друг другу в ПВ соответствуют все словоформы, понимается, при соответствующем различии значений в ПС.

Практически все межъязыковые омонимы формально соответствуют друг другу в одной или нескольких формах, что связано с различным грамматическим строем сопоставляемых языков. Так как славянские языки обладают многими сходными чертами, то среди них могут встречаться слова с одинаковой грамматической парадигмой. Приведем пример.

Падеж	русск. кот 'морское млекопитающее'		укр. кіт 'кот'	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Именительный	КОТ	КОТЫ	КОТ	КОТЫ
Родительный	КОТА	КОТОВ	КОТА	КОТОВ
Дательный	КОТУ	КОТАМ	КОТУ	КОТАМ
Винительный	КОТА	КОТОВ	КОТА	КОТОВ
Творительный	КОТОМ	КОТАМИ	КОТОМ	КОТАМИ
Предложный	КОТЕ	КОТАХ	КОТЕ	КОТАХ

Примеры славянских полных межъязыковых омонимов в основном встречаются среди неизменяемых частей речи, например в сфере наречий:

- русск. право 'пожалуй', болг. право '1) прямо, 2) справедливо', польск. prawo '1) хотя, однако, 2) несмотря на, вопреки';
- русск. сытно 'питательно, (перен.) зажиточно', болг. ситно 'мелко';
- русск. дурно 'плохо, скверно' и укр. дурно¹ '(разг.) даром, без оплаты', дурно² 'напрасно, зря', дурно³ 'безнаказанно'.

2.1.2. Классификация с учетом принципа соответствия

Подводя итоги традиционной формальной классификации и обобщая вышеизложенное, мы видим, что типология межъязыковых омонимов с точки зрения их внешней структуры не может быть описана только на базе принципа аналогии с внутриязыковой омонимией. Благодаря разнице систем современных славянских языков, часто нельзя говорить ни о графическом, ни о фонетическом тождестве межъязыковых омонимов. Поэтому традиционное выделение среди них фонетико-графических, фонетических и графических омонимов кажется нам более чем условным.

Если анализ внутриязыковых омонимов ПВ предполагает определение их фонетического и/или графического тождества, то для межъязыковых омонимов приведенная выше формула должна приниматься с некоторыми дополнениями и коррективами, связанными с необходимостью учитывать нюансы как устной, так и письменной речи различных славянских языков. Мы считаем, что для классификации различных типов межъязыковых омонимов в ПВ понятие "тождество" в вышеприведенной формуле следовало бы заменить понятием "соответствие".

Принцип формального соответствия заключается в том, что лексему, принадлежащую системе одного языка, можно считать формально соответствующей лексеме другого языка, если форма выражения (акустическая и/или графическая), в которой данная лексема выступает в одном языке, соответствует форме, в которой ее следовало бы выразить в другом языке (в случае единичного употребления в речи, транслитерации или заимствования слова), например: русск. закон '1) нормативный акт, 2) объективная связь между явлениями' и польск. zakon 'орден'; польск. słowo 'слово' и хорв. slovo 'буква', болг. щѐка '1) кий (бильярдный); 2) лыжная палка' и русск. щека 'часть лица' и др. Вышеприведенные слова различаются в связи с фонетическими, графическими и другими особенностями сопоставляемых языков, и, тем не менее, согласно принципу соответствия они могут рассматриваться как полностью соответствующие в ПВ.

Введение "принципа формального соответствия" для анализа межъязыковой омонимии и смежных явлений (Ровдо 1980; Зинкевич–Томанек 1998) приводит к расширению пределов формального сходства и подразумевает включение слов с регулярными формальными расхождениями в сферу слов разных языков, совпадающих по определению в ПВ ($\Phi=\Phi$: межъязыковые омонимы, квазисинонимы). Так как

соответствие форм, определяясь на основе учета системных отношений между конкретными языками, не исключает некоторых графических и фонетических расхождений между межъязыковыми омонимами, квазисинонимами (а также межъязыковыми синонимами сходного вида), например:

- русск. покой¹ 'спокойствие, тишина' (русск. покой² устар. 'комната') и бел. пакой 'комната';
- русск. словенский 'относящийся к Словении' и макед. словенски 'славянский';
- русск. волна '1) колебательные движения материи, 2) завиток вьющихся волос, 2) электромагнитные колебания' и болг. вълна 'шерсть';
- болг. пригласям 'подпевать' и русск. пригласить '1) просить прийти, приехать, войти куда-либо, 2) предлагать сделать что-либо, принять участие в чем-либо, 3) нанимать для выполнения какой-либо работы';
- русск. голосовать 'выбирать кого-либо или что-либо, отдавая голос' и польск. halasowac 'шуметь, кричать';
- чеш. aktér (книжн.) 'деятель (политический и под.)' и бел. акцёр 'актер'.

Регулярные формальные расхождения в силу своей закономерности могут охватываться правилами, их характерной чертой является системный характер, а также "предсказуемость" и частотность (Червенкова 1982: 138). Это объясняет, почему на практике подобные расхождения не воспринимаются билингвами как релевантные.

Подробную характеристику регулярных различий славянских языков смотрите в любой сравнительной грамматике, например "Основы сравнительной грамматики славянских языков. Фонетика и словообразование" Р.Бошковича, "Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Введение" или "Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы" С.Б.Бернштейна (Бошкович 1984; Бернштейн 1961; Бернштейн 1974). Регулярные формальные расхождения между родственными языками, обусловленные историей их развития, определяют формальные различия слов общего происхождения (когнатов) в разных языках.

Однако мнения исследователей по вопросу отношения понятия межъязыковой регулярности к понятию соответствия форм разошлись. Одни предлагают подобные слова сопоставляемых языков включать в категорию межъязыковых паронимов

(Шидловский 1978: 48; Грабчиков 1980: 5 и др.), но рассматривать в рамках межъязыковой омонимии. Другие считают, что при межъязыковой омонимии (а соответственно и при квазисинонимии) возможны отношения частичного формального тождества в тех случаях, когда расхождения в форме связаны с закономерными регулярными соответствиями в области графики, фонетики и словообразования (Ровдо 1980: 11; Заславская 1985: 17; Кочерган 1997: 3). Расхождение взглядов объясняется тем, что принцип соответствия форм объединяет слова, которые фактически в разной степени различаются формально, например:

- польск. *strona* 'сторона' и хорв. *strana* 'страница';
- болг. *бѣстър* '1) прозрачный, 2) (перен.) светлый' и русск. *быстрый* 'скорый';
- чеш. *hledač* 'искатель' и бел. *глядач* '1) наблюдатель, 2) зритель';
- русск. *отвѣт* '1) отклик на вопрос, обращение, 2) реакция на действие, 3) результат решения задачи, 4) ответственность' и польск. *ódwet* 'возмездие'.

Расхождение взглядов также объясняется тем, что с точки зрения современного состояния сопоставляемых языков закономерные регулярные соответствия не являются абсолютными, так как достаточно часто явлению одного языка соответствует не одно, а несколько явлений в другом. Так, на фонетическом уровне наблюдаются такие чешско-белорусские соответствия, как *sen* – *сѣн*, *kůň* – *кѣнь*, *hodně* – *гѣдны*, *kód* – *кѣд*, то есть чеш. [e], [ú], [o], [ó] соответствует бел. [o] (всегда ударное). Поэтому четкую границу между регулярностью и нерегулярностью установить трудно, и, следовательно, при определении сходства в ПВ с учетом принципа формального соответствия между омонимами и паронимами существует ряд явлений переходного характера.

Для того, чтобы наглядно продемонстрировать допустимые пределы варьирования в ПВ славянских межъязыковых соответствий омонимичного характера в системе знаменательных частей речи, в работе предлагается следующая формальная классификация:

- 1) слова, полностью совпадающие формально (графически и фонетически): польск. *sad* 'фруктовый сад' и чеш. *sad* 'огород'; русск. *вершки* 'верхняя часть каких-либо растений' и укр. *вершки* 'сметана';

2) регулярные различия связаны с различными алфавитами (латиница, кириллица): болг. краска 'цветок' и польск. kraska 'обыкновенная сизоворонка'; чеш. keks 'галета, сухое печенье' и бел. кекс 'сдобная выпечка с изюмом';

3) регулярные различия связаны с различиями в вариантах одного алфавита:

а) омонимия одинаковых знаков алфавита (один символ или сочетание символов в разных языках означают разные звуки): русск. листопад¹ 'опадание листьев' и укр. листопад² 'ноябрь'; укр. година '1) час, 2) (поэт.) время' и болг. година 'год';

б) разное графическое выражение тождественных/подобных друг другу звуков (один звук-фонема обозначается разными символами): макед. мајка '1) мама, 2) самка, особь женского пола (о животных)' и болг. майка² 'гайка', русск. майка 'трикотажная рубашка без воротника';

4) регулярные различия связаны с характером ударения (позиция и тип) в разных славянских языках: русск. завод 'фабрика' и польск. zawód¹ 'занятие, профессия, ремесло', zawód² 'разочарование, досада', чеш. závod¹ 'дискуссия, спор', závod² 'завод, цехи';

5) регулярные различия связаны с различными принципами орфоэпии, то есть с различными позиционными изменениями фонем в разных славянских языках, не отражающимися на письме (редуцирование гласных/согласных, ассимиляция согласных, палатализация или ее отсутствие и др.): болг. корѝца '1) корочка, кожаца; 2) обложка, переплёт (книги)' и русск. кора 'кора коричневого дерева'; русск. пара 'время' и болг. пара 'монетка';

б) регулярные различия связаны с различными принципами орфографии: русск. эссенция 'вытяжка, экстракт' и польск. esencja¹ 'эссенция', esencja² 'чайная заварка'; болг. разсѝл '1) кислая капуста, 2) рассол' и русск. рассол 'раствор соли (обычно с пряностями для засолки, квашения)';

7) регулярные различия связаны с различным фонетическим оформлением формантов или различными регулярно соответствующими данной форме формантами: русск. наглый 'нахальный, дерзкий', бел. наглы 'внезапный', укр. наглий¹ 'внезапный', наглий² 'нахальный, дерзкий', словенск. náhly¹ 'внезапный', náhly² 'резкий, поспешный', польск. nagły 'внезапный', чеш. náhlý 'внезапный'; русск. играть 'заниматься чем-либо для удовольствия или развлечения: 1) играть в игру, 2) играть роль в театре, кино, 3) играть

на музыкальных инструментах' и макед. игра '1) играть в игру, 2) играть роль в театре, кино, 3) играть на музыкальных инструментах, 4) танцевать, плясать', бел. іграць '1) играть в игру, 2) играть роль в театре, кино, 3) играть на музыкальных инструментах, 4) танцевать, плясать', хорв. igrati 'играть в игру';

8) регулярные различия связаны с историческими чередованиями гласных/согласных в основе: русск. сторона '1) место, 2) край, 3) бок', укр. сторона '1) место, 2) край, 3) бок', польск. strona 'сторона', кашуб. strona 'сторона' и чеш. strana¹ 'сторона', strana² 'страница', strana³ 'политическая партия', словац. strana¹ 'сторона', strana² 'страница', strana³ 'политическая партия', словен. stran¹ 'сторона', stran² 'страница';

9) включающие несколько вышеназванных регулярных расхождений: польск. oddány '1) преданный, 2) поглощенный' и русск. отданный 'переданный, врученный, возвращенный' (в приведенном примере слова различаются ударением, написанием и формантом); чеш. rosol 'желе' и бел. расол 'рассол' (разные алфавиты, ударение, разное написание первого слога);

10) включающие нерегулярные расхождения (одно или несколько): чеш. veselka (разг.) 'свадьба', бел. вясёлка 'радуга', польск. wesele 'свадьба', русск. веселье 'радость'; болг. американ 'бязь (ткань)' и русск. американец 'житель америки';

11) включающие регулярные и нерегулярные расхождения: русск. годный 'подходящий', польск. zgodny '1) соответствующий, 2) дружный, 3) единодушный, 4) покладистый'.

К межъязыковым омонимам и квазисинонимам мы относим слова с формальными отношениями, описанными в пунктах 1–9. Соответственно, слова с нерегулярными формальными расхождениями (пункты 10-11) относим к межъязыковым паронимам.

Данная классификация отражает все существующие типы отношений славянских межъязыковых соответствий омонимичного характера в ПВ и наглядно демонстрирует допустимые пределы формального варьирования межъязыковых омонимов и квазисинонимов относительно межъязыковых паронимов. Таким образом, граница между межъязыковыми омонимами (а также квазисинонимами) и межъязыковыми паронимами связана с принципом формального соответствия, который основан на системных отношениях рассматриваемых языков и на понятии межъязыковой регулярности.

Следовательно, различия межъязыковых омонимов и квазисинонимов носят системный закономерный характер и могут быть описаны при помощи фонетических, морфологических, синтаксических, орфоэпических и орфографических правил, так как характерной особенностью межъязыковых регулярных отличий является их частотность и, вследствие этого, предсказуемость, в то время как фонетические, графические и морфологические отличия межъязыковых паронимов в ПВ нельзя объяснить существующими правилами и поэтому выделение межъязыковых паронимов иногда кажется умозрительным, построенным на интуиции. Но, тем не менее, такие слова должны выделяться и изучаться вместе с другими межъязыковыми соответствиями омонимичного характера, хотя бы потому, что они также часто являются причиной интерференционных ошибок, связанных с отождествлением слов по сходству в ПВ при их несоответствии в ПС, например:

- польск. *potrawa* 'блюдо, кушанье' и русск. отрава '1) ядовитое вещество, яд, 2) неприятные на вкус или вредные для здоровья напитки, пища';
- русск. арбуз 'растение семейства тыквенных и его плод' и укр. гарбуз 'тыква';
- польск. *szeregwiec* 'июнь' и чеш. *červenec* 'июль';
- польск. *najeżdźca* 'захватчик' и наездник '1) объездчик, 2) всадник'.

Дальнейшая разработка проблемы межъязыковых соответствий омонимичного характера предполагает составление детальных списков регулярных межъязыковых расхождений (фонетических, графических, морфологических) для каждой пары славянских языков с целью различения межъязыковых омонимов и квазисинонимов от межъязыковых паронимов. А для определения понятия соответствия в ПВ для межъязыковых паронимов рекомендуется проведение ассоциативных экспериментов, в результате которых станет ясно, какие расхождения являются существенными для билингвов, а какие нет.

Для определения регулярных межъязыковых расхождений вводится морфологический критерий для того, чтобы быть уверенным, что изучаются именно позиционные изменения одной и той же фонемы или сочетания фонем (Панов 2007). В нашем случае морфологический критерий следует использовать для отделения регулярных закономерных чередований от случайных и несистемных.

Рассмотрим применение морфологического критерия. Так, в русском языке (как и в других восточнославянских языках) морфемы с полногласием *город*, *голова* противопоставлены разным неполногласным сочетаниям в западнославянских (например в польск. *gród*, *głowa*) и южнославянских языках (болг., серб. *град*, *глава*). Подобные звуковые комплексы, если сопоставлять их без учета морфологического критерия, конечно, не могут рассматриваться как формально соответствующие и противопоставляться друг другу на основании сходства. Тем не менее, такое сопоставление происходит на практике, и с точки зрения морфологического критерия подобные формальные расхождения не противоречат принципу соответствия (польск. *bloto* 'грязь, слякоть', словац. *blato* '1) мокрая земля, грязь, распутица, 2) болото' и русск. болото 'водоем со стоячей водой'; словац. *bradávka* (анат.) 'сосок' и русск. бородавка 'небольшое узелковое образование на коже или коре деревьев, плодах').

Подобным же образом следует рассматривать противопоставление отдельных фонем. Так, в русском языке согласный 'г' (велярный, взрывной) противопоставлен согласному 'г' [ɣ] (глоттальному, фрикативному) в украинском языке. Отметим, что в украинском языке также присутствует согласный, соответствующий русскому велярному взрывному, обозначаемый на письме знаком 'г', который используется в немногих словах, в основном иностранного происхождения (например: *грунт*, *бумеранг*). Но, несмотря на акустические различия, русским словам *книга*, *Гвинея*, *Грузия*, *груша*, *горилка*, *генерал* в украинском соответствуют слова *книга*, *Гвінея*, *Грузія*, *груша*, *горілка*, *генерал* с глоттальным, фрикативным согласным. На основании системности этого противопоставления и непосредственной его связи с морфологическим критерием, слова с подобными акустическими расхождениями тем не менее могут рассматриваться как межъязыковые омонимы или квазисинонимы, то есть противопоставляться друг другу на основании формального сходства: русск. город 'крупный населенный пункт' и укр. город 'огород'; русск. говор² 'речь, слухи' и укр. говір 'диалект' (= русск. говор¹ 'диалект, особенности произношения').

Морфологический критерий позволит определить "диапазон эквивалентности" для каждой фонемы/графемы/морфемы в системе славянских языков. При этом следует учитывать, что для каждой пары сопоставляемых славянских языков будут выведены свои правила соответствия форм (Бернштейн 1961). Как видим, без морфологического критерия при сопоставлении межъязыковых соответствий омонимичного характера в ПВ не обойтись.

При отказе от определения формального соответствия как акустического или графического тождества без учета системных регулярных противопоставлений становится понятно, почему обычно билингвами подобные различия нивелируются, то есть кажутся малосущественными или несущественными.

Подводя итоги классификации по форме (в ПВ) межъязыковых соответствий омонимичного характера, отметим, что разделяем мнение В.В.Акуленко о том, что следует принципиально различать "ложные друзья переводчика" в устной и письменной формах речи. Степень, до которой сопоставляемые лексемы отождествляются двуязычными лицами, оказывается несколько различной в каждой из форм речи, а в определенных случаях отождествление разноязычных слов имеет место только в одной из форм речи (Акуленко ... 1969: 371).

Исследование показало, что графический облик не может быть основным критерием при выделении межъязыковых омонимов, так как совпадение или различие письменной формы межъязыковых омонимов связано более с экстралингвистическими факторами, такими как официально принятая система письма, установленные нормы орфоэпии, орфографии. Следует отметить, что в некоторых случаях языковых пар графическое сходство никогда не сможет быть выявлено (например, при сопоставлении европейских и китайских языков) благодаря принципиально разным системам письменностей, принятых в этих языках (фонетическое и фоноидеографическое письмо). Хотя по звучанию некоторые слова могут совпадать и, даже происходя от одного корня, иметь схожие значения (например: чай 茶 [ча]).

Условность официально принятой системы письменности становится очевидной при одновременном сопоставлении нескольких языков. Интуитивно принцип соответствия используется почти всеми, он позволяет узнавать знакомые слова родного языка в других языках, обнаруживать общее и различное даже при сопоставлении языков с разной письменностью, например чешского и русского. Это также доказывают и те ошибки при переводе и понимании, которые вызывают слова, различающиеся графически, но совпадающие фонетически.

2.1.3. Дистрибуция межъязыковых соответствий омонимичного характера в системе знаменательных частей речи

Рассмотрим распределение межъязыковых омонимов по знаменательным частям речи в славянских языках. Естественно, "ложные отождествления имеют место лишь в сфере одинаковых частей речи: так, существительные ассоциируются с существительными и т. д., омонимия же частей речи, как правило, не вызывает затруднений" (Акуленко ... 1969: 376). Следует отметить, что для славянских языков не очень характерна частеречная межъязыковая омонимия (омоморфы). Случаи типа русск. декольте (существительное) 'глубокий вырез на женском платье' и болг. декольте (наречие) 'открыто, без прикрас' или чеш. úleva (существительное) '1) облегчение, 2) льгота' и бел. улева (наречие) 'влево' возможны, но немногочисленны. Кроме того, как уже говорилось, лексико-грамматические (морфологические) омонимы в соответствии с задачами не являлись объектом нашего исследования.

Исходя из наших наблюдений, распределение межъязыковых омонимов по знаменательным частям речи неравномерно. Их практически нет среди числительных и местоимений, за исключением редких случаев (укр. он 'там', русск. он 'он – местоимение 3-го лица', польск. on 'он'; польск. sto 'сто', русск. сто '(разг.) неопределенно большое множество кого-либо, чего-либо, 2) название числа, состоящего из 100 единиц, 3) такое количество единиц кого-либо, чего-либо'), что вероятно связано со значительной устойчивостью этих категорий как наиболее важной "ядерной" лексики любого языка и большой степенью близости сопоставляемых нами славянских языков.

Чаще всего межъязыковые омонимы, а также другие межъязыковые соответствия омонимичного характера (межъязыковые квазисинонимы и паронимы), встречаются среди имен существительных и прилагательных. Преобладание межъязыковых соответствий в сфере имен существительных вполне естественно и связано с тем, что как известно, существительные занимают особое место в системе языка и составляют ядро лексикона. По наблюдениям психолингвистов, существительные первичны в развитии речи как в филогенезе, так и в онтогенезе, они осознаются раньше, чем другие части речи (Залевская 1980; Залевская 1982: 37–38). В предложении чаще всего именно на них падает логическое ударение. Таким образом они ярче всего передают национальное своеобразие языковой картины мира славянских народов.

Кроме формальных различий хочется также отметить часто встречаемые лексико–грамматические различия в роде существительных: чеш. *lustr* (муж. род) 'люстра' и бел. *люстра*² (жен. род) '1) зеркало, 2) отражение, 3) поверхность, площадь' (ср. русск. (муж. род) *люстра*¹ 'люстра').

Также распространены отличия в числе существительных: болг. *крѣсла* (жен. род, ед.ч.) 'крикунья' и русск. *кресла* (ср. род, мн.ч.) 'стулья с мягким сиденьем, спинкой и подлокотниками', польск. *krzesło* 'стул' (ед. ч.); чеш. *pažitka* 'зеленый лук' (ед. ч.) и бел. *пажыткі* 'имущество, вещи' (мн. ч.).

Межъязыковые омонимы и другие соответствия омонимичного характера среди имен прилагательных различаются флексиями, в связи со словообразовательной спецификой и правилами орфографии современных славянских языков, например: русск. *личный* 'собственный, свой' и польск. *liczny* 'многочисленный', словен. *lišen* 'миловидный, симпатичный'; русск. *голый* (гол) '1) нагой, 2) нищий' и болг. *гол* '1) голый, 2) лысый'; русск. *трудный* 'требующий большого труда, тяжелый, тяжкий' и словен. *truden* 'усталый'.

Межъязыковые соответствия–глаголы в системе славянских языков часто различаются словообразовательными аффиксами, например: русск. *погодить* 'подождать', болг. *погодя* '1) помирить, 2) подстроить', польск. *rogodzić* '1) помирить, 2) совместить, соединить'; чеш. *pronést*¹ 'пронести', *pronést*² 'произнести' и бел. *пранесці* 'пронести'; русск. *переменить* 'поменять', болг. *пременя* 'нарядить, украсить'. Межъязыковые омонимы и межъязыковые квазисинонимы, относящиеся к этой части речи, по степени расхождения в ПВ очень близки к паронимам. Но, тем не менее, если эти расхождения связаны с системными различиями между языками и, тем самым, не нарушают принципа соответствия, их следует рассматривать как межъязыковые омонимы (или как межъязыковые квазисинонимы в зависимости от их соотношения в ПС).

В большинстве случаев в роли межъязыковых соответствий омонимичного характера, и, в частности, межъязыковых омонимов, выступают не единичные слова, а все представители соответствующих словообразовательных гнезд, например: словац. *myliti* '1) сбивать, вводить в заблуждение, 2) совершать ошибки' и русск. *мыть* '1) натирать мылом, мыть мыльной пеной, 2) растворять в жидкости мыло', словац. *mylný* 'ошибочный' и русск. *мыльный* 1) соотносящийся по знач. с сущ.: мыло, 2) свойственный мылу 3) содержащий в себе мыло'; польск. *rozorny* 'мнимый, кажущийся', словац. *rozorný* 'внимательный', русск. *позорный* '1) постыдный, навлекающий позор, бесчестье, 2)

крайне неудачный, плохой, вызывающий насмешку, пренебрежение', польск. rozóg 'видимость, подобие' и словац. rozog 'внимание', русск. позор '1) бесчестье, постыдное для кого–нибудь или чего–нибудь положение, 2) (устар.) то же, что позорище в 1 знач. – зрелище'.

2.2. Классификация по типам семантических отношений в сфере межъязыковых соответствий омонимичного характера

Поскольку сопоставление лексем ведется от формы к значению, то в этом разделе будут рассмотрены типы семантических отношений межъязыковых соответствий омонимичного характера в ПС.

В классификации типов семантических соответствий мы опираемся на логическую схему возможных формально–смысловых соответствий между знаками: тождество, частичное семантическое различие (включение и пересечение) и отсутствие общей части (исключение/дизъюнкция) (ср. Lipczuk 1988: 390; Федорчук 2001: 14-15; Манакин 1994: 127).

Сопоставление в ПС может проводиться на следующих основных уровнях: семантическом, синтаксическом и прагматическом. Под семантикой в данном случае понимаются "сведения о классе называемых знаком вещей с общими свойствами или классе внеязыковых ситуаций, инвариантных относительно некоторых свойств участников и связывающих их отношений" (Апресян 1974), под синтактикой знака – информация о правилах соединения этого знака, а под прагматикой знака понимается "один из аспектов исследования языка, выделяющий и исследующий единицы в их отношении к тому лицу или лицам, которые пользуются языком" (Ахманова 1966: 344). Детальная характеристика семантических компонентов, используемая в качестве теоретической базы для сопоставления на семантическом уровне, предлагается в трудах Э.В.Кузнецовой и И.А.Стернина (Кузнецова 1989: 33; Стернин 1985: 56–70).

Сопоставление лексических единиц славянских языков предполагает сравнение их семантических структур. При этом единицей анализа на уровне слова является семема, единицей анализа при исследовании семантики межъязыковых соответствий на уровне семемы является сема (Филин 1979: 455–456). Межъязыковые соответствия омонимичного характера классифицируются на основании вида семантических отношений между ними (исключения/дизъюнкции, пересечения, включения).

С явлением омонимии мы имеем дело тогда, когда двум разным значениям соответствует одна языковая форма. Встает вопрос: как надо понимать понятие "разные значения" в отношении к лексемам, принадлежащим к разным языковым системам? Как следует квалифицировать лексемы, если их значение в одном языке частично совпадает

со значением сходной формы в другом языке, например, в одном случае понятие воспринимается широко, в другом – узко? То, что кажется очевидным в случае отдельного языка, в случае разных языков уже не является таковым. Принципы, принятые в качестве основы для анализа межъязыковой омонимии, должны быть "справедливыми" с точки зрения научной объективности получаемых результатов, вне зависимости от того, какой состав языков (с какой степенью родства) исследуется.

Мнения ученых разделились (см. Главу I). Одни относят все слова сходные по форме, но в разной степени различные в значении к межъязыковым омонимам (Федорчук 2001). Другие считают, что в случае, когда значения (семантические структуры или единственные значения) лексем двух (или более) языков совпадают в какой либо степени, их омонимичность следует подвергать сомнению, и такой случай определять как лексические параллели (Дубичинский 1993: 2002).

Стоит помнить также и о том, что описания значений конкретного слова даже в словарях одного языка часто не совпадают. Трудно также полагаться на идентичность значений в словарях разных языков. Таким образом, на исследователя межъязыковой омонимии ложится большая ответственность, ему чаще приходится полагаться на свою интуицию, чем на неопровержимые документальные доказательства. Такая обстановка создаёт опасность значительных различий в оценке что является межъязыковыми омонимами, а что квазисинонимами, так как многое зависит от того, насколько точны словарные дефиниции сравниваемых слов, которыми исследователь вынужден пользоваться в качестве основы для сопоставления.

2.2.1. Семантические отношения исключения (дизъюнкции)

Отношения полного семантического различия могут быть как следствием расхождений этимологически тождественных слов, так и результатом случайного совпадения слов разного происхождения.

Обычно у межъязыковых соответствий, возникших в результате развития значений от одного слова, даже при отсутствии общей части в значениях лексических единиц, возможно сохранение следов прежней семантической связи, например отнесенности к одному семантическому полю. Следующие слова произошли в результате семантического расхождения этимологически тождественных слов и сохранили внутреннюю связь:

- русск. жалоба 'сетование на кого-либо, что-либо' и укр. жалоба 'траур';
- русск. овощи 'огородные плоды и зелень' и чешск. ovoce 'фрукты', польск. owoce 'фрукты';
- н.-луж. wutroba 'сердце', польск. wątroba 'печень', русск. утроба 'брюхо, живот', укр. утроба 'брюхо, живот';
- русск. праздновать 'отмечать' и польск. przynwac 'бездельничать';
- русск. пенсия 'ежемесячные выплаты пенсионерам' и польск. pensja 'зарплата, жалованье'.

Значительно реже в близкородственных славянских языках встречаются межъязыковые соответствия с отношениями полного семантического различия, чаще они являются результатом совпадения этимологически разных слов. Например:

- словац. baza 'бузина' (от индоевропейского названия бука, ср. греч. phegos 'дуб', лат. fagus 'бук', галл. bagos 'бук') и русск. база¹ '1) основание, 2) исходные данные, 3) материальная база', база² '1) организация, учреждение, занимающиеся снабжением, 2) место временного расположения, размещения, 3) склад' (от нем. base или франц. base из лат. basis);
- польск. krawat, krawatka 'галстук' (от франц. cravate 'галстук', которое в свою очередь восходит к хорв. слову hrvat 'хорват') и русск. кровать, кроватка 'предмет мебели для спанья' (из греч. krabbatio);
- болг. бакал 'бакалейщик' (восходит к араб. baql 'травы, овощи', ср. тур. bakka 'продавец, торговец продуктами питания') и русск. бокал 'чаша на ножке для напитков' (из франц. < итал. boccale < греч. baukalis 'сосуд').

2.2.1.1. Межъязыковая энантиосемия

Отдельно рассматриваем отношения полного семантического различия, то есть выражение противоположных (антонимических) значений словами, восходящими к одному этимону, например:

- русск. вредность 'отрицательное свойство характера' и болг. вредность 'ценность';

- русск. черствый '1) старый, затвердевший (о хлебе и других мучных изделиях), 2) перен. неотзывчивый, нечуткий (о человеке)', бел. чэрствы 'черствый, твердый' и чеш. čerstvý 'недавно изготовленный, новый, свежий';
- русск. бесценный 'неоценимый, драгоценный', бел. 'неоценимый, драгоценный' и чеш. bezcennэ 'не представляющий ценности, незначительный', словац. bezcenný 'ничего нестоящий, малоценный';
- чеш. letos 'в этом году' и бел. летась 'в прошлом году';
- словац. dvorianstvo 'придворный люд' и русск. дворянство '1) одно из высших привилегированных сословий, 2) помещики и их потомки';
- русск. запомнить 'сохранить в памяти', бел. запомніць 'запомнить', болг. запомня 'запомнить' и чеш. zapomenout 'забыть', польск. zapomnieć 'забыть';
- польск. zapamiętać 'запомнить' и русск. запомнить (разг.) 'забыть';
- русск. криминалист 'специалист по криминалистике' и польск. kryminalista 'уголовный преступник';
- чеш. blahэ 'приятный, блаженный', русск. благой '1) делающий добро, 2) (устар.) счастливый, блаженный' и бел. благі 'плохой, злой'.

Некоторые лингвисты рассматривают подобное явление как межъязыковую антонимию (Плотников 1974). Мы предпочитаем использовать термин "межъязыковая энантиосемия" по аналогии с внутриязыковой энантиосемией, которая очень редко встречается в современных языках и "служит в основном своеобразным реликтом семантики древних корней" (Новиков 1973: 182–192).

Случаи таких резких антонимичных различий генетических коррелятов свидетельствует о глубоких изменениях, которым подверглись эти некогда тождественные слова в процессе исторического формирования и развития лексических систем славянских языков.

Энантиосемия намного чаще наблюдается в сфере межъязыковой омонимии, здесь, во-первых, не существует механизмов, устраняющих омонимы из языка, во-вторых, причины появления межъязыковой энантиосемии отличаются большим разнообразием. К примеру, одна из самых знаменитых пар энантиосем, рус. уродливый 'очень некрасивый' и пол. urodziwy 'красивый' образовалась благодаря совпадению

приставок со значением 'не-' и 'вверх, воз-' в одной форме *u- (омонимия приставок). Соответственно русск. урод 'некрасивый человек', польск. uroda 'красота'.

Сравните следующие слова: русск. вонь 'дурной запах' и чеш. vůně 'запах, аромат', пол. won¹ 'запах, аромат' и won² 'зловоние'. На праславянском языке слово "вонять" означало "пахнуть". В русском его смысл сдвинулся до "плохо пахнуть", в то время как в чешском и польском языках оно не несёт негативного смысла.

Зато слова русск. запах и польск. zapach означают 'свойство предметов, воспринимаемое обонянием', то есть они могут называть как приятные, так и неприятные ароматы, в то время как в чеш. zárach – это 'вонь, дурной запах, зловоние' .

Энантисемия – это крайний случай семантики. Отметим, что явление межъязыковой омонимии и ее разновидность, межъязыковая энантисемия, определяют различия между коммуникацией на родном и неродном языках. Поэтому для обеспечения взаимопонимания между представителями разных славянских культур следует учитывать возможные проблемы, связанные с различными видами межъязыковых соответствий омонимичного характера.

2.2.2. Отношения частичного семантического сходства

Между формально сходными лексемами разных языков могут быть самые разнообразные типы отношений. При частичном совпадении семантики слов возможны отношения включения и пересечения. Межъязыковые соответствия омонимичного характера с подобными соотношениями в ПС мы определяем как межъязыковые квазисинонимы или как межъязыковые паронимы в зависимости от их расхождения в ПВ. Причина их появления может заключаться в неодинаковой степени развития семантической структуры этимологически родственных слов. Именно межъязыковые соответствия с частичным совпадением лексических значений составляют наибольшую по количеству группу в сфере славянских межъязыковых соответствий омонимичного характера.

Наличие одного или нескольких общих значений сходных в ПВ слов двух языков способствует механическому переносу и других отсутствующих значений со слова родного языка в близкородственный второй язык, что приводит к отождествлению семантики таких слов (Готлиб 1967: 488). Данное утверждение доказывается ошибками, допускаемыми писателями–билингвами и переводчиками.

2.2.2.1. Отношения семантические включения

Как показывают наблюдения, семантические отношения включения могут возникать в тех случаях, когда моносемант соответствует полисеманту или когда соотносительные полисеманты неравнозначны по числу лексико–семантических вариантов (ЛСВ) и переносных значений.

1. Когда моносемант соответствует полисеманту:

- чеш. *budova* 'здание' и бел. будова '1) здание, 2) структура';
- словен. *kovček* 'чемодан' и русск. ковчег '1) судно, в котором Ной с семьей и животными согласно библейскому преданию спасся от потопа, 2) предметы христианского церковного обихода', болг. ковчег '1) Ноев ковчег, 2) гроб, 3) сундук, ларь', хорв. *kovčeg* '1) чемодан, 2) сундук, ларь';
- русск. интеллигенция 'социальная группа, в которую входят люди, профессионально занимающиеся умственным трудом' и польск. *inteligencja* '1) ум, понятливость, сообразительность, 2) интеллигенция';
- русск. цена 'стоимость' и словац. *cena* '1) цена, 2) премия, 3) приз'.

2. Когда соотносительные полисеманты неравнозначны по числу лексико–семантических вариантов:

- русск. любить '1) испытывать глубокую привязанность или влечение к человеку, 2) получать удовольствие от чего–либо' и хорв. *ljubiti* '1) испытывать глубокую привязанность или влечение к человеку, 2) получать удовольствие от чего–либо, 3) целовать';
- русск. кавалер '1) мужчина, ухаживающий за дамой, 2) рыцарь какого–либо ордена' и польск. *kawaler* '1) холостяк, 2) мужчина, ухаживающий за дамой, 3) рыцарь какого–либо ордена'.

Расхождение в содержании межъязыковых соответствий омонимичного характера, кроме рассмотренных выше отношений с несовпадением семантических структур, может также быть вызвано различной семантической соотнесенностью. В сфере межъязыковых квазисинонимов и паронимов с отношениями семантического включения могут встречаться отношения в ПС следующих видов: 1) значение лексемы в одном языке шире, чем в другом; 2) в одном языке значение видовое, в другом – родовое; 3) в одном языке слово означает целое, в другом часть.

3. Значение лексемы в одном языке шире, чем в другом:

- чеш. rodič 'один из родителей' и бел. родзіч 'родственник', русск. родич, родичи (разг.) '1) члены рода, 2) родственники, 3) родители';
- словац. drevo 'дерево, древесина (материал)' и русск. дерево '1) многолетнее растение, 2) дерево, древесина (материал)';
- русск. российский 'относящийся к российскому государству' и бел. расейскі '1) российский, 2) русский', укр. російський '1) российский, 2) русский', польск. rosyjski '1) российский, 2) русский';
- русск. родина 'страна, где родился', болг. родина 'страна, где родился' и укр. родина 'семья', польск. rodzina 'семья', чеш. rodina 'семья', словац. rodina 'семья', а также хорв. rodbina 'родственники', словен. rodbina 'родственники'.

4. В одном языке значение видовое, в другом – родовое:

- чеш. kapusta 'савойская капуста' и бел. капуста 'капуста (любой вид)';
- русск. ягода 'кисло- сладкие плоды кустарниковых или травянистых растений', бел. ягада 'ягода (любая)', хорв. jagoda 'земляника, клубника', чеш. jahoda 'земляника, клубника', болг. ягода 'земляника, клубника', словен. jagoda '1) ягода, 2) земляника, клубника', чеш. jahoda '1) ягода, 2) земляника, клубника';
- русск. палец 'часть руки (любой палец)' и чеш. palec 'большой палец'.

5. В одном языке слово означает целое, в другом – часть:

- русск. час 'единица времени равная 60 минутам' и словен. čas 'время', укр. час 'время', бел. час 'время', чеш. čas 'время', польск. czas 'время';
- русск. неделя 'календарная единица времени равная 7 дням' и словац. недеľa 'воскресенье', бел. нядзеля 'воскресенье', польск. niedziela 'воскресенье', болг. неделя 'воскресенье', а также чеш. neděle '1) неделя, 2) воскресенье';
- русск. слово '1) единица речи, 2) бубличное выступление, 3) литературное произведение' и хорв. slovo 'буква'.

2.2.2.2. Отношения семантического пересечения

Отношения семантического пересечения наблюдаются в тех случаях, когда значения сопоставляемых слов как бы накладываются одно на другое (то есть в них

имеются совпадающие элементы), но при этом у каждого из сопоставляемых слов остается несовпадающая семантическая часть, например:

- болг. квас '1) квас, 2) дрожжи, 3) закваска' и польск. kwas '1) кислота, 2) квас';
- русск. голый (гол) '1) нагой, 2) нищий, бедный' и болг. гол '1) нагой, 2) лысый';
- русск. пилот '1) пилот, летчик, 2) дистанционное управление' и польск. pilot '1) пилот, летчик, 2) лоцман, 3) гид, экскурсовод, 4) дистанционное управление (ТВ и т. п.)';
- болг. срок '1) промежуток времени, 2) школьная четверть' и русск. срок '1) промежуток времени, 2) тюремное заключение определенной продолжительности'.

2.2.3. Различная иерархия ЛСВ, функционально–стилистические различия, различия в частотности употребления и коннотации

Помимо семантических различий, между межъязыковыми соответствиями омонимичного характера могут существовать и более сложные отношения в тех случаях, когда на смысловые несоответствия наслаиваются всякого рода стилистические и функциональные расхождения на основе оппозиций: нейтральное – стилистически окрашенное, книжное – разговорное, архаичное – неархаичное, общеупотребительное – локализованное по сфере употребления (профессиональное, диалектное) и др. Отдельно следует отметить различия, заключающиеся в разной последовательности ЛСВ в семантической структуре многозначных слов.

Слова разных славянских языков с подобными различиями в ПС мы рассматриваем как особую разновидность межъязыковых соответствий омонимичного характера и относим их к межъязыковым квазисинонимам.

Выделение слов с подобными "незначительными" различиями и отнесение их к межъязыковым соответствиям омонимичного характера определяется тем, что для сопоставления смыслов точно также важны прагматические, стилистические и коннотативные элементы значения, так как при их разности невозможна замена одного слова другим (Ровдо 1980: 4).

Различия по прагматическому значению (в частности, эмоционально–экспрессивной окраске) могут составить предмет самостоятельного изучения. Практическая ценность изучения маркированной лексики близкородственных языков несомненна: знание такой лексики необходимо для успешного понимания современной художественной литературы и кинематографии, публицистических текстов СМИ, а также для переводческой деятельности. Учет коннотативных и функционально–стилистических компонентов весьма важен и в связи с исследованием национальной специфики слов, поскольку они вносят дополнительные смыслы.

2.2.3.1. Различия в иерархии ЛСВ многозначных слов

Следует отметить, что при сопоставлении многозначных слов контрастивным признаком также может стать иерархия ЛСВ. Учет последовательности ЛСВ в семантической структуре слов важен для лучшего понимания процессов восприятия и порождения речи на другом языке.

а) Межъязыковые соответствия омонимичного характера, различающиеся только иерархией ЛСВ:

- болг. тесен '1) узкий, 2) тесный' и русск. тесный', русск. тесный, тесен '1) о чем–либо, что не впору кому–либо по объему (обычно о чем–либо из одежды), 2) о чем–либо, что имеет недостаточную площадь или недостаточный простор где–либо';
- польск. dostać '1) получить 2) достать' и русск. достать '1) взять что–н., 2) получить, раздобыть, 3) дотянуться, коснуться до чего–нибудь'.

б) Межъязыковые соответствия омонимичного характера, различающиеся иерархией ЛСВ и семантически:

- польск. parter '1) первый этаж, 2) партер' и русск. партер '1) нижний этаж зрительного зала (плоскость пола) с местами для зрителей, 2) (спец.) плоская открытая часть сада, парка с газонами, цветниками';
- болг. тормоз '1) гнет, угнетение (моральное), 2) тормоз, помеха, препятствие' и русск. тормоз '1) устройство для снижения скорости движения или остановки, 2) (перен.) то, что задерживает движение, развитие чего–либо'.

2.2.3.2. Различия, связанные с принадлежностью к разным функциональным стилям и сферам употребления

Различия по принадлежности к разным функциональным стилям и сферам употребления среди межъязыковых соответствий омонимичного характера могут быть разделены на два вида: они могут накладываться на другие семантические различия в значениях, а могут быть единственным различающим элементом конкретной пары слов.

Стилистические различия межъязыковых соответствий омонимичного характера обусловлены спецификой развития славянских языков в различные периоды, начиная с древнейших времен, но часто такие примеры связаны с неодинаковым вхождением старославянских и церковнославянских элементов в системы славянских языков.

а) Межъязыковые соответствия омонимичного характера, различающиеся только сферой употребления:

- болг. ма́нго¹ (разг.) 'цыган (презрительное прозвище)', ма́нго² 'манго (плод)' и русск. манго 'тропическое дерево, а также его плод';
- рус. (терм.) балда́ 'большой тяжелый молот' и укр. (разг. проф.) балда́ 'большой тяжелый молот';
- чеш. (разг.) kvartér 'квартира' и бел. кватэра 'квартира'.

б) Межъязыковые соответствия омонимичного характера, различающиеся сферой употребления и семантически:

- болг. зава́рка (тех.) '1) сварка, 2) шов, место сварки' и русск. заварка (разг.) 'чай для заваривания, а также сам заваренный чай';
- польск. workować (разг.) 'расфасовывать в мешки' и русск. ворковать '1) о голубях: издавать однообразные мягкие гортанные звуки, 2) (перен.) о влюбленных: нежно разговаривать (разг. шутл.)';
- польск. skarb 'сокровище' и русск. скарб (разг.) 'пожитки, имущество, домашние вещи'.

2.2.3.3. Различия в частотности употребления

Различия славянских межъязыковых соответствий омонимичного характера могут быть обусловлены частотностью употребления слов в разных языках. В этой группе

можно выделить также два вида: различия в частотности употребления могут накладываться на другие семантические различия в значениях, а могут быть единственным различающим элементом.

а) Межъязыковые соответствия омонимичного характера, различающиеся только частотностью употребления:

- болг. мина³ (редк.) 'мина, гримаса' и русск. мина² (разг.) 'мимическое движение как выражение какого-либо чувства';
- русск. окорок 'часть туши – бедро (свиное, телячье и т.п.)' и укр. окорок (редк.) 'окорок';
- словац. jahoda '1) земляника, клубника, 2) ягода (редк.)' и макед. јагода 'земляника, клубника', польск. jagoda 'ягода любая'.

б) Межъязыковые соответствия омонимичного характера, различающиеся частотностью употребления и семантически:

- болг. лоб (редк.) '1) темя, 2) лоб' и русск. лоб 'часть лица';
- польск. żywność 'пища, продовольствие, продукты' и русск. живность (редко разг.) 'всякие мелкие живые существа, а также мелкий домашний скот и птица';
- чеш. (книжн. редк.) ustát 'перестать, прекратить' и бел. устаць '1) встать, подняться, 2) перен. встать, появиться', укр. устати '1) встать, подняться, 2) (оставлять своё место) сходить, сойти', русск. устать '1) утомиться, 2) потерять терпение к чему-нибудь, почувствовать душевную усталость от чего-нибудь'.

2.2.3.4. Различия по стилистико-хронологическому признаку

Различия славянских межъязыковых соответствий омонимичного характера могут быть связаны с отнесенностью лексики сходной в ПВ к разным лексическим пластам. В этой группе также можно выделить два вида: различительный признак может накладываться на другие семантические различия в значениях, а может быть единственным различающим элементом.

а) Межъязыковые соответствия омонимичного характера, различающиеся только стилистико-хронологическим признаком:

- болг. шар² (устар.) 'шар' и русск. 'шар часть пространства, ограниченная сферой и предмет такой формы';
- польск. zamię (устар.) 'знамя' и русск. знамя 'широкое полотнище на древке, принадлежащее воинской части, организации, государству';
- болг. уста (нейт.) '1) рот, 2) пасть', польск. usta (нейт.) '1) рот, 2) губы' и русск. уста (устар. поэт.) '1) губы, 2) рот', укр. уста (устар. книжн. поэт.) '1) губы, 2) рот';
- рус. землероб (устар.) 'то же, что земледелец' и укр. землероб (нейт.) 'земледелец'.

б) Межъязыковые соответствия омонимичного характера, различающиеся по стилистико–хронологическому признаку и семантически:

- болг. сарай (устар.) 'дворец, палаты' и русск. сарай '1) крытое хозяйственное помещение, 2) (перен. разг.) некрасивое здание, 3) (перен. разг.) большая уютная комната';
- чеш. (устар.) koráb 'корабль' и бел. кораб 'корзина', русск. короб 'лубяная или берестяная коробка';
- словац. роётный (устар.) многочисленный и русск. почётный '1) пользующийся почетом, 2) избираемый в знак уважения, почета, 3) являющийся выражением почета, 4) доставляющий почет, делающий честь кому–нибудь'.

Различия по признаку неархаичное/архаичное также встречаются среди проанализированных лексических соответствий. Следует отметить, что подобные различия часто связаны с экспрессивно–стилистической характеристикой слов (см. примеры лексем с различиями в эмоционально–экспрессивной окраске).

2.2.3.5. Различия по стилистико–локальному признаку

Интересны примеры лексем соответствующих друг другу в ПВ и ПС, но различных по признаку литературное–диалектное. Подобные различия также немаловажно учитывать при сопоставительном изучении лексических систем языков, их также можно разделить на две группы.

а) Межъязыковые соответствия омонимичного характера, различающиеся только стилистико–локальным признаком:

- русск. матка (обл.) 'мать' и польск. matka (нейт.) 'мать';
- чеш. (обл.) stolař 'столяр' и бел. сталяр 'столяр';
- словац. vukútiť '1) вытопить (дом), 2) (обл.) выкурить (сигарету)' и русск. выкурить '1) докурить до конца (сигарету), 2) выгнать кого-нибудь откуда-нибудь напустив дыма, 3) (спец.) посредством перегонки приготовить что-нибудь (вино, смолу, деготь)'

б) Межъязыковые соответствия омонимичного характера, различающиеся по стилистико–локальному признаку и семантически:

- болг. мизѝнец (диал.) '1) последыш (последний ребенок в семье – мальчик), 2) мизинец, палец' и русск. мизинец 'пятый, самый маленький палец на руке, на ноге';
- словац. klokať 'промывать горло' и русск. клохтать (обл.) 'издавать короткие, прерывисто повторяющиеся звуки (о курах и некоторых других птицах), квохтать';
- словац. hospoda (обл.) 'кабак, гостиница' и чеш. hospoda 'ресторан, трактир', бел. устар. гаспода 'хозяйство, усадьба', русск. господа мн. ч. от господин, госпожа '1) форма вежливого обращения, 2) хозяин по отношению к прислуге, 3) дворянин, помещик, барин'.

2.2.3.6. Различия в эмоционально–экспрессивной окраске

Славянские межъязыковые соответствия омонимичного характера могут различаться наличием/отсутствием или несоответствием эмоционально–экспрессивной окраски. В этой группе также можно выделить два вида: различительный признак может накладываться на другие семантические различия в значениях, а может быть единственным различающим элементом.

а) Межъязыковые соответствия омонимичного характера, различающиеся только эмоционально–экспрессивной окраской:

- болг. глава¹ (нейт.) '1) голова, 2) (перен.) ум, рассудок' и русск. глава¹ (устар. высок.) '1) то же, что голова (в 1 значении) – часть тела человека, животных и беспозвоночных, 2) (перен.) ум, рассудок';

- русск. малевать (разг. пренебреж.) 'раскрашивать, рисовать красками (обычно неумело, небрежно)' и укр. малювати (нейт.) 'рисовать'.

б) Межъязыковые соответствия омонимичного характера, различающиеся эмоционально–экспрессивной окраской и семантически:

- словац. nevestka, neviestka (груб.) '1) содержанка 2) публичная женщина' и русск. невестка 'замужняя женщина по отношению к родным ее мужа';
- польск. kącik 'уголок' и русск. кончик (умен.–ласк.) к слову 'конец';
- чеш. (поэт.) lučina 'луг' и бел. лучына 'лучина', русск. лучина 'тонкая длинная щепка сухого дерева';
- болг. гадина '1) живое существо, 2) (перен. бран.) гадина' и русск. гадина (прост. презр.) 'человек, который вызывает к себе отвращение, презрение';
- хорв. zrak 'воздух' и серб. зрак 'луч', русск. зрак, зрака (церк.–книжн., поэт. устар.) '1) взгляд, взор, 2) вид, образ', а также русск. зрачок 'отверстие в радужной оболочке глаза, через которое в глаз проникают световые лучи'.

2.2.3.7. Различия в коннотативных значениях

В славянских языках встречаются также лексемы, различающиеся только коннотативными характеристиками. Согласно определению Ю.Д.Апресяна, коннотациями лексемы называются "несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности; они не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него" (Апресян 1995). Из этого определения следует, что коннотации, с одной стороны, не противопоставляются понятийному содержанию слова, а с другой – не относятся к его лексическому значению. Заметим, что коннотативный элемент значения может оказаться экспрессивным и оценочным, но это не является обязательным. Например:

- чеш. voják 'военный' и бел. ваяка (ирон.) 'войка, герой', укр. вояка, вояк '1) воин, ратник, 2) (ирон.) вояка, русск. вояка '1) (устар.) испытанный и храбрый воин, 2) (разг. ирон.) воин, задира, драчун';
- русск. умник (разг. ирон.) 'умный человек' и болг. умник 'мудрец';

- словацк obyvateľ 'житель, жилец' и русск. обыватель '1) (устар.) постоянный житель какой-нибудь местности, 2) (перен. презр.) человек, лишенный общественного кругозора, с косными, мещанскими взглядами'.

Помимо приведенных выше, в качестве примера могут быть приведены различно коннотированные зоонимы. Например, для белоруса сабака, с одной стороны, – 'злой, неприятный человек, лжец', а с другой – 'одобрительная оценка мастера в каком-либо деле', для носителя чешского языка pes – 'безжалостный, жестокий человек', для русского и украинца собака – 'злой, грубый человек'.

2.2.4. Межъязыковые омонимы, связанные с внутриязыковой омонимией (межъязыковые омонимы)

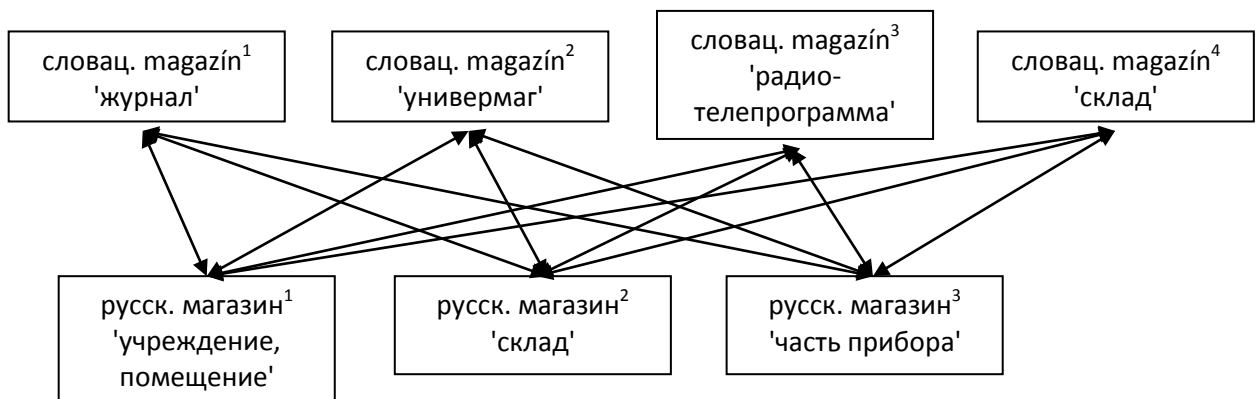
Иногда отдельной лексеме или множеству лексем омонимов одного языка соответствует множество лексем омонимов другого языка, в этом случае предметом исследования и классификации могут являться уже не отдельные омонимы, а их множества. Для упрощения проведения семантико-формального анализа, структурную единицу, состоящую из нескольких омонимов одного языка, можно назвать внутриязыковой омонимией. Таким образом, внутриязыковой омонимией является полное множество омонимов, относящихся к данной языковой форме. Термин "омонимия" прежде всего дает возможность пользоваться понятием "омонимическое множество" вместо понятия "омонимическая пара". Понимание омонимической пары как определенного качества, свойственного омонимии, а не как ее минимального кратного (что нередко встречается) кажется нам изначально не совсем верным.

Здесь можно говорить о многократной межъязыковой омонимии, так как каждая лексема одного языка противопоставляется столько раз лексеме другого языка, сколько внутриязыковых омонимов входит в состав внутриязыкового омонимического множества. Таким образом, когда формальному критерию отвечают одновременно несколько лексем, образующих n -кратную омонимию в системе одного языка, и несколько лексем, образующих m -кратную омонимию в системе другого языка, возникает $n \times m$ -кратное количество пар межъязыковых омонимов. В качестве примеров можно привести следующие омонимические множества:

- словац. *magazín*¹ 'журнал', *magazín*² 'универмаг', *magazín*³ 'радио- или телепрограмма узкой тематики', *magazín*⁴ (устар.) 'склад' – 4-х кратная внутриязыковая омонема;
- русск. магазин¹ 'учреждение, производящее розничную торговлю, а также помещение, в котором производится такая торговля', магазин² (устар.) 'склад', магазин³ 'коробка в аппарате, приборе для вкладывания однородных штучных изделий' – 3-х кратная внутриязыковая омонема;
- польск. *magazyn*¹ 'склад', *magazyn*² 'иллюстрированный журнал' – 2-х кратная внутриязыковая омонема.

Для наглядности отношения между внутриязыковыми омонемами, входящими в межъязыковую омонему, можно представить в виде следующей схемы (см. Рисунок №1).

Рисунок №1. Семантические отношения внутри межъязыковой омонемы

Из схемы видно, что в семантические отношения на основании формального сходства вступают все члены внутриязыковых омонем, в нашем конкретном случае это омонимы словацкого и русского языка, вне зависимости от степени их различия в ПС. Соответственно, между словацким и русским языками получаем 12-ти кратное количество пар межъязыковых соответствий. Среди которых, однако, следует различать пары, представляющие собой различные виды межъязыковых соответствий омонимичного характера, например: межъязыковые омонимы (словац. *magazín*¹ 'журнал' и русск. магазин¹ 'учреждение, помещение'), межъязыковые квазисинонимы (словац. *magazín*² 'универмаг' и русск. магазин¹ 'учреждение, помещение в котором идет

торговля'), а также межъязыковые синонимы (словац. *magazín*⁴ 'склад' и русск. магазин² 'склад').

Таким образом, можно ввести новые уточняющие понятия, и полное множество пар межъязыковых омонимов, возникших в результате формальной идентичности внутриязыковых омонимов, называть межъязыковой омонимией с кратным пар, являющимся производением чисел, представляющих количество лексем, входящих в каждую из внутриязыковых омонимий.

Если множество омонимов нельзя разделить по парам, то такая межъязыковая омонимия классифицируется как неполная: русск. газ¹ '1) физическое состояние вещества, при котором его частицы (атомы и молекулы) движутся свободно и обладают способностью распространяться и заполнять доступное пространство; вещество, находящееся в таком состоянии, 2) газообразное вещество, употребляемое для отопления, освещения, в качестве двигательной силы и т.п.', газ² '1) прозрачная шелковая ткань, 2) (разг.) изделия, одежда из такой ткани' и болг. газ¹ 'газ, состояние вещества и само вещество', газ² 'керосин', газ³ 'газ (ткань)'.

Значения	русск.	болг.
Состояние вещества	газ ¹	газ ¹
Ткань	газ ²	газ ³
Керосин	–	газ ²

Неполные омонимии обладают значительным интерференционным потенциалом – валентностью (термин "валентность" употребляется здесь в значении 'способность притягивать новые значения'). Можно, наверное, предположить, что некоторые из омонимов внутри внутриязыковой омонимии одного языка возникли в результате влияния внутриязыковой омонимии другого языка в условиях прямого или опосредованного языкового контакта. Поэтому их дальнейшее изучение представляет особое значение для сопоставительной лексикологии, и, в частности, для теории лексических заимствований.

Омонемы не только содействуют лексическому заимствованию, но и сами часто являются результатом заимствований, так как язык по отношению к форме более консервативен и часто приспособливает привычную форму к новому значению.

Бесспорным надо считать тот факт, что межъязыковые омонимы, связанные и не связанные с внутриязыковой омонимией, нуждаются в четком различении. Во-первых, это вытекает в связи с их значимостью для изучения языковой интерференции, а во-вторых, это обусловлено разным употреблением термина "межъязыковая омонимия", так как, одни исследователи употребляют его в качестве наименования лексических единиц разных языков, сходных в ПВ и различных в ПС (Акуленко ... 1969, Готлиб 1967, Готлиб 1972, Кочерган 1991, Кочерган 1997, и др.), а другие – для названия межъязыковых связей внутриязыковой омонимии, то есть для межъязыковых омонем (Дубичинский 1993, Воян 2002, Воян 2003).

2.3. Классификация межъязыковых соответствий омонимичного характера по происхождению

По происхождению межъязыковые соответствия омонимичного характера можно разделить на "деривационно (или этимологически) связанные" и "окказиональные" (Готлиб 1966: 12), то есть на когнаты и псевдокогнаты.

Количество и роль возможных источников образования межъязыковых омонимов для каждой конкретной пары языков различны и определяется генетическими и историческими языковыми связями. В близкородственных языках создается "иная ситуация" (Будагов 1974: 142), связанная с тем, что большая часть межъязыковых соответствий омонимичного характера возникает в результате распада полисемии вследствие расширения/сужения значений слов, восходящих к одному этимону.

Таким образом, большинство межъязыковых омонимов славянских языков происходит от родственных слов, восходящих к общим прототипам в языке-основе. По некоторым данным между русским и чешским языками такие соответствия составляют до 6% (Влчек 1975), для сравнения между русским и литовским – только 1% (Гудавичус 1985: 362). Более того, между родственными языками могут возникать целые ряды межъязыковых соответствий омонимичного характера, например:

- русск. быстрый (быстр) 'скорый', болг. бистър '1) прозрачный, чистый, 2) ясный, светлый, 3) трезвый (об уме)', словац. bystrý 'хитрый, зоркий, пронизательный, смекалистый', польск. bystry '1) острый, 2) сообразительный, понятливый'.

Другая часть межъязыковых омонимов представлена прямыми или опосредствованными заимствованиями из общего третьего источника, например:

- чеш. dóza 'украшенная емкость' и бел. доза 'порция', русск. доза 'точно отмеренное количество, мера чего-нибудь', укр. доза 'доза' (заимствованы через нем. Dose, которое в свою очередь из голл. doos 'коробочка, содержащая дозу, порцию' или франц. dose и восходят к греч. 'дар, даяние').

Значительно реже в славянских языках встречаются межъязыковые омонимы, возникшие в результате случайных совпадений слов разных по происхождению, например:

- русск. скала 'каменистая гора', словен. skala¹ 'скала', skala² 'щепка', укр. скала¹ (устар.) 'скала', скала² 'заноза' (общеславянское слово, восходящее к той же индоевропейской основе, что и русск. щель, осколок, с исходным значением 'пропасть, расщелина') и польск. skala '1) масштаб, 2) шкала', укр. скала³ (муз.) 'ряд звуков, расположенных по высоте' (через греч. 'лестница' из лат. scala – то же, что scando 'всхожу').

В таблице №3 представлена связь между существующими видами межъязыковых соответствий омонимичного характера и их происхождением.

Таблица №3. Межъязыковые соответствия омонимичного характера с точки зрения происхождения

Межъязыковые соответствия омонимичного характера		
Межъязыковые квазисинонимы	Межъязыковые омонимы и паронимы	
Когнаты	Когнаты	Псевдокогнаты

2.3.1. Когнаты

Как уже отмечалось, большинство межъязыковых соответствий в славянских языках представлены генетически родственными словами, характеризующимися полным или частичным расхождением в семантике. В одних случаях, в процессе развития языка наблюдается обогащение, усложнение семной структуры слова, а в других – устранение каких-либо сем (Кузнецова 1989; Черемисина 1992: 114). Новые значения могут возникать на основе исходного значения (радиация), либо развиваться последовательно одно из другого (катенция). Часто в истории семантического развития слов сочетаются оба процесса. В то же время возможно и исчезновение отдельных значений, при этом устранению могут подвергаться как исходные значения слов, так и производные. Следствием выпадения какого-либо звена в семантической структуре слова становится разрыв смысловой связи между другими лексико-семантическими вариантами и возникновение слов-омонимов (Новиков 1982; Малаховский 1990: 13; Черемисина 1992: 114 - 118).

Безусловно, омонимизация – процесс, требующий немалого времени. В славянских языках встречаем слова, представляющие разные стадии его развития: окончательно сформировавшиеся (межъязыковые омонимы и часть паронимов с отношениями исключения) и находящиеся в процессе становления (межъязыковые квазисинонимы и часть паронимов с отношениями включения и пересечения). Происхождение омонимов связано с фактором времени больше, чем другие лексические категории (Трубачев: 1985).

Конечно, изменения в значении слов определяются не одной, а множеством различных причин как языкового, так и экстралингвистического характера. По мнению Е.В.Опельбаума, определенная часть лексем близкородственных языков перестроила свою семантическую структуру не просто вследствие обычного развития значений, а под влиянием слов других языков. Тут мы сталкиваемся с явлением двуязычия, например, с тенденцией билингов выравнивать асимметрию между ПВ и ПС в языках, которыми они владеют. "Именно семантической интерференцией довольно часто объясняются отличия в семантической структуре слов близкородственных языков, унаследованных из эпохи языковой общности" – считает исследователь (Опельбаум 1979: 51).

Конечно, интерференция – это не единственная причина изменения смысла и дифференциации семантической структуры слова. Язык в своем развитии чутко реагирует на все события, которые происходят при познании человеком материального и духовного мира и отражает их в лексике. А так как эти изменения тесно связаны с процессом человеческого мышления, в котором важную роль играют анализ и синтез, а также разнообразные ассоциации, то в разных языках возникают неодинаковые связи и отношения в членении семантического континуума, образующие разные языковые картины мира.

Ассоциации, возникающие у людей в различных местах и языках (даже близкородственных), не могут быть абсолютно одинаковыми. Поэтому проблема неравномерности семантического развития этимологически тождественных слов и их омонимичное противопоставление в родственных языках принадлежат к интереснейшим областям сравнительной семасиологии. Именно этот аспект, по словам Н.И.Толстого, вызывает особый теоретико–лингвистический и специальный славистический интерес, который сам по себе не нов, так как вся "классическая" семасиология "обращена к рассмотрению изменения значений отдельного слова (или группы слов), смены семем, соотнесенных с одной и той же лексемой" (Толстой 1997: 14).

Рассмотрим межъязыковые омонимы, возникшие в результате параллельного развития семантической структуры однокоренных слов в славянских языках на примерах. Здесь можно выделить две группы: слова славянского происхождения, восходящие к корням в праславянском языке-основе, и когнаты иностранного происхождения.

2.3.1.1. Когнаты славянского происхождения

В основном, это уже отмечалось выше, славянские соответствия омонимичного характера возникают в результате разного семантического развития однокоренных по происхождению слов, восходящих к общим прототипам в праславянском языке-основе.

- Праславянское *rĕsnь относилось первоначально к пресному хлебу (без закваски). Сохранилось значение в русск. пресный '1) пища без соли или с недостаточным количеством соли (а также кислоты, остроты), 2) тесто приготовленное без закваски (не дрожжевое), 3) (разг., перен.) неинтересный, скучный', в бел. прэсны 'пресный' и в укр. прісний 'пресный', в то время как в чеш. у слова rĕsně в результате семантической трансформации развилось переносное значение 'точный'.

- Славянские межъязыковые соответствия русск. урок '1) час занятия в школе, 2) учебное задание', бел. урок 'учебный час', укр. урок 'урок', болг. урок 'колдовство, сглаз' и укр. уроки 'колдовство, сглаз' (ср. русск. урочить (устар.) 'испортить недобрым, завистливым взглядом, сглазить, или испортить колдовством), польск. urok 'обаяние, очарование, прелесть', чеш. úrok 'процент' происходят от общеславянского urekti, где приставка u- имела значение усиления при глаголе rekti 'говорить', восходящего к основе, имеющей индоевропейскую природу. Разойдясь в значении, концепты современных славянских слов продолжают содержать пассивный неактуальный компонент 'говорить', объясняющий их уже неосознаваемую внутреннюю форму, восходящую к древнему культурному пласту, связывающему колдовство с заговорами, которые с раннего детства давали заучивать наизусть детям, обладающим особым даром, чтобы в нужный момент они могли произнести заговорные слова для того, чтобы наслать порчу, болезнь, вылечить или очаровать, околдовать.

- Праслав. *bъlvanъ – заимствование в общеславянскую эпоху, вероятнее всего, из тюркских языков. Исходное значение 'глыба, большой камень'

сохранилось в чеш. *balvan* (отсюда и переносное значение 'тяжесть'). Постепенно у слова *балван* развились новые значения и в результате метафорического переноса во многих славянских языках появилось сема 'болван, дурак': в бел. *болван* '1) истукан, идол, 2) болван, дурак', русск. *болван* '1) чурбан, 2) форма для расправления шляп и париков, 3) тупица, неуч, 4) в некоторых сложных карточных играх воображаемый игрок, на чье место сдаются карты', болг. *балван* '1) чурбан, 2) форма для расправления шляп и париков', укр. '1) форма для расправления шляп и париков 1) чурбан, колода', а в польск. *balwan*¹ '1) чурбан, 2) снежная баба' и *balwan*² 'волна'.

Таким образом, причины, ведущие к образованию у когнатов новых значений и исчезновению старых, то есть ведущие к образованию межъязыковых омонимов и смежных явлений, в близкородственных языках носят закономерный характер, так как представляют собой результат языкового творчества, приведшего к распаду когда-то общего языка для всех славянских народов и способствующего развитию современных. При всем этом, возникновение омонимичных является по существу случайным результатом определенных закономерностей (так как сами закономерности с социально-коммуникативной точки зрения действуют независимо от воли носителей языка), и, благодаря случайности их действий, возникновение омонимов оказывается неизбежным.

В сфере межъязыковых соответствий омонимичного характера представлены также результаты межславянских языковых контактов.

- В укр. слово *білизна*¹ со значением 'белье' было заимствовано из польск. *bielizna* 'белье', также и в бел. *бялізна* 'белье', сравните в русск. *белизна* означает 'яркий, чистый белый цвет', тоже значение оно имеет в укр. *білизна*² 'белизна'.

- В вост.-слав. языки было заимствовано из польск. *bydło* 'крупный рогатый скот', ср. бел. *быдла* '1) скот, 2) скот, скотина, скоты', укр. *бидло* '1) скот, 2) скот, скотина; скоты', русск. *быдло, быдла* (обл., бран.) 'чаще собирательное о тупых, безвольных людях, покорных насилию'. В чеш. сравните *bydlo* означает 'жилище, местопребывание', в.-луж. *bydo* 'квартира', а в.-луж. *bydło* 'дом, жилище', н.-луж. *bydo* 'квартира', *bydło* 'дом, жилище'.

Среди когнатов славянского происхождения следует отметить лексику, заимствованную из церковнославянского языка.

- Русск. время '1) (филос.) длительность бытия, 2) определенный момент, 3) эпоха, период, 4) пора дня, года, 5) благоприятный, удобный момент, 7) свободное время' заимствовано из церковнославянского, которое вытеснило исконно русское *веремья, ср. в укр. сохранилось верем'я со значением 'хорошая погода', а укр. время 'время' тоже из церковнославянского заимствование, также ср. хорв. vřijeme¹ 'время', vřijeme² 'погода', словен. vřeme 'погода', болг. вре́ме¹ 'время' и вре́ме² 'погода'.

Чаще всего межъязыковые омонимы и другие соответствия омонимичного характера, которые образованы омонемами, возникшими в результате заимствования омонимичных слов из церковнославянского, также как и внутриязыковые омонимы и лексико-стилистические варианты, составляющие эти омонемы, довольно часто характеризуются несовпадением лексико–стилистических характеристик.

- Болг. глава¹ (нейт.) '1) голова, 2) (перен.) ум, рассудок' и русск. глава¹ (устар. высок.) из церковнославянского означает тоже, что и собственно русское слово голова¹ в значении 'часть тела человека, животных и беспозвоночных, 2) (перен.) ум, рассудок'.

2.3.1.2. Когнаты неславянского происхождения

Помимо слов общего происхождения, часть межъязыковых соответствий омонимичного характера в славянских языках представляет собой прямые или опосредствованные заимствования из общего третьего неславянского источника.

Процессы соприкосновения разных культур находят отражение в лексических заимствованиях. Таким образом, появление нового слова–омонима из сферы чужого языка (либо иного диалекта, говора) с социальной точки зрения в условиях языкового контакта является коммуникативной необходимостью.

Рассмотрим примеры изменения значений у когнатов неславянского происхождения в результате параллельного семантического развития на почве разных славянских языков или в результате их заимствования из разных языков-источников с уже различными значениями.

- Из нем. в разные славянские языки было заимствовано слово Schiene 'шина рельс', в результате чего образовались межъязыковые соответствия омонимичного характера: русск. шина¹ 'железная или резиновая оболочка, обруч, которым обтянут обод колеса', болг. шина 'шина', укр. шина¹ 'шина', укр. шина² (техн.) 'бандаж

(колеса, рамы)' и польск. *szyna*¹ 'рельс', *szyna*² 'шина', кашуб. *szina* 'рельс', макед. шина 'рельс'.

- В словац. *guvernér* 'губернатор' и русск. *гувернёр* 'наемный воспитатель, учитель' были заимствованы из франц. *gouverneur*, восходящего к лат. *gubernator* 'правитель'. К лат. *gubernator* также восходит русск. *губернатор* 'выборный глава администрации'.

- Русск. *сарделька* 'толстая короткая сосиска' в русский язык было заимствовано в XVIII веке из польского, и восходит к лат. *sardina* 'сардинская рыба, рыба, водящаяся у берегов Сардинии'. В других славянских языках имеем: чеш. *sardelka* 'сардинка, анчоус', в бел. *сардэлька* 'сарделька', зато в укр. *сарделька*¹ 'сардина сардинка' *сарделька*² 'сарделька'. Таким образом, лат. *sardina* стало источником для названия двух разных денотатов. Возможно, колбасное изделие стали называть почти так же как рыбу благодаря метафорическому переносу из-за некоторого сходства формы, в результате чего мы имеем в русском языке два разных слова по форме слова, восходящие к одному корню: *сарделька* и *сардина*.

- Русск. *жид* (уничиж. презр. бран.) 'еврей' и польск. (нейтр.) *Żyd/żyd*¹ 'еврей (по происхождению)' и (нейтр.) *Żyd/żyd*² 'иудей (по вероисповеданию)'. В славянских языках это слово появилось через балканороманские языки из ит. *giudeo* 'еврей', лат. *judaeus*, то есть от того же др.-евр. слова, что и русск. *иудей*. Первоначально в русск. *жид* не имело презрительного или бранного оттенка, но впоследствии стало распространенным шовинистическим обозначением представителя еврейской нации и приобрело антисемитский характер. А затем на этой почве развилось новое переносное значение '(презр. бран.) *жадина, барыга*'.

Язык как средство коммуникации связан с культурой многочисленными и сложными связями. Языковые контакты имеют место как при непосредственных контактах народов, так и при их отсутствии (опосредованный контакт культур). Одним из последствий взаимодействия культур является заимствование лингвистических единиц, представляющее собой также определённую фазу в процессе заимствования культурных ценностей. О.С.Ахманова определяет заимствование как "обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и обозначения неизвестных прежде предметов (нередко сами эти понятия и предметы становятся известными носителям данного языка лишь вследствие контактов с теми народами, из чьих языков заимствуются

соответствующие слова)" (Ахманова 1957: 248). На современном этапе заимствования – это один из важных источников пополнения лексического состава. В современном мире нет языков, словарный состав которых не обогащался бы за счет иноязычных заимствований.

И.А.Бодуэн де Куртенэ и В.М.Жирмунский подчеркивали невозможность анализа заимствований без учета социолингвистического характера данного явления, а также необходимость объяснения лингвистических изменений в тесной связи с фактами истории, психологии и даже физиологии человека (Бодуэн де Куртенэ 1963: 363–366; Жирмунский 1948: 82). В этом отношении среди лексических заимствований отдельно следует отметить интернационализмы и термины. В сфере межъязыковых соответствий омонимичного характера эти группы слов вызывают особый интерес и требуют отдельного рассмотрения.

За последнее десятилетие роль интернациональной лексики в процессе международного обмена информацией значительно возросла. Под интернационализмами мы будем понимать общие элементы нескольких мировых языков, усвоенные ими в силу генетической общности или взаимных культурных влияний. Это слова разных языков, которые сохраняют внешне сходную форму и некоторые общие значения. Совокупность интернациональных элементов называется интернациональной лексикой, или интерлексикой.

Несмотря на кажущуюся общность и внешнее сходство интернационализмов в разных языках, эти слова могут явиться источником серьезных переводческих ошибок и недоразумений, существенно затрудняющих коммуникацию, так как, переходя из одного языка в другой, они могут развивать и изменять свои значения.

Одна из наиболее полных классификаций типов несоответствий, наблюдаемых в сфере интернациональной лексики, представлена в работах Р.А.Будагова и В.В.Акуленко (Будагов 1965; Акуленко ... 1969).

Типологию различий в области интернациональной лексики в языках можно разделить на три большие группы расхождений: семантические, исторические и стилистические.

Семантические несоответствия часто связаны с тем, что в одном языке слово может иметь более общее значение, а в другом – более конкретное; в одном языке слово

однозначно, а в другом языке – многозначно. Огромное значение при этом имеет этимология слова.

- Из французского (*parier*) *journal* '(газета) ежедневная' это слово было заимствовано в болгарский и польский в значении 'журнал мод' (ср. болг. *журнал* 'журнал мод', польск. *żurnal* 'журнал мод'), а в русском языке слово 'журнал' имеет несколько иных значений: '1) (устар.) периодическое издание в виде книжки, содержащей статьи, художественные произведения, иллюстрации, 2) дневник, периодическая запись событий, мыслей в тетради, 3) (канц.) шнуровая книга в учреждении для записи каких-нибудь действий, решений, постановлений, 4) (бухг.) бухгалтерская книга для ежедневной записи денежных операций'.

Еще один тип несоответствий – несовпадение лексико-стилистических характеристик заимствованных слов в разных языках. Ряд значений интернационального слова в одном языке может носить нейтральный характер, а в другом языке принадлежать, например, к возвышенному, книжному стилю. Слово, относящееся к нейтральной лексике в одном языке, может быть стилистически окрашенным в другом. Расхождения в функционально-стилистических окрасках, то есть в допустимости употребления слов преимущественно или исключительно в определенных стилях речи, довольно часто встречаются в славянских языках. Например:

- русск. криминал (разг.) 'криминальное дело, уголовное преступление, уголовщина', чеш. (разг.) *kriminál* 'тюрьма, заключение', бел. *крымінал* (нейтр.) 'поступок, преследуемый по закону', укр. *кримінал* '1) (разг.) криминал, уголовщина, 2) (обл. устар.) тюрьма' происходит от нов.-лат. образования (конец XVIII в.) из лат. *crimīnalis*, *crimen* 'обвинение, преступление, вина'.

Оценочные окраски могут проникать даже в терминологию общественных наук, отражая различия в идеологии и социальной действительности разных славяноязычных государств.

- В современном русском аванс '1) деньги (или другие ценности), выдаваемые вперед, 2) делать авансы кому (разг.) – стараться расположить заранее в свою пользу', а в XVIII в. слово 'аванс', заимствованное из немецкого означало "продвигаться вперед" (как, например, в предложении "неприятель авансировал на правом фланге"; вместо чего сегодня можно было бы сказать "неприятель наступал на правом фланге"). Сравните в польск. *awans* 'повышение, продвижение по

службе'. Смысловая связь между значениями 'продвигаться вперед' и 'денежная сумма, выплачиваемая вперед' хотя и не очевидна, но все же существует.

Состав интернационализмов определяется в результате сравнения нескольких языков. В частности, особенно отчетливо влияние межъязыковых факторов проявляется в функционировании и развитии интернациональной терминологии.

- Например, польские омонимы *deputat*¹ 'депутат', *deputat*² 'выданное натурой жалование, паек' и русск. депутат '1) член выборного государственного учреждения, 2) уполномоченное лицо, представитель' восходят к лат. *deputatus*.

- Болгарские омонимы *фáктор*¹ 'фактор', *фáктор*² 'влиятельное лицо' (болг. *ръководни фактории* 'руководящие лица') и русск. *фактор*¹ 'движущая сила, причина какого-либо процесса, явления, определяющая его характер', *фактор*² 'каждое из перемножаемых чисел (в математике)', *фактор*³ 'доверенное лицо, беспрекословно исполняющее чьи-либо поручения – комиссионер, посредник, маклер' и *фактор*⁴ 'управляющий технической частью типографии в Российском государстве до 1917 г., а в эпоху Петра I 'поверенный в делах' – происходят из лат. *factor* 'делатель, творец чего-нибудь'.

- Польск. *pensja* 'жалование' и русск. пенсия 'денежное обеспечение за выслугу лет, по инвалидности, нетрудоспособности, в случае потери кормильца'. Русск. пенсия было заимствовано из польского, где *pensja* 'жалование' восходит к латинскому *pensio* 'платеж', образованному от глагола *pendere* 'платить'. В эпоху Петра I пенсия (=пенсион) в русском также означало 'оклад'.

2.3.2. Псевдокогнаты

Появление межъязыковых соответствий омонимичного характера обусловлено не только последовательными изменениями в семантике генетически родственных слов, но также случайными совпадениями звучаний слов разного происхождения. Благодаря своему сходству в ПВ они производят впечатление генетически родственных слов, поэтому их нередко называют псевдокогнатами или ложными когнатами.

Часть псевдокогнатов образовалась в результате фонетических изменений славянских основ, другая – в результате совпадения основ славянского и неславянского происхождения, а третья – с заимствованием разных слов иностранного происхождения. Созвучие всех псевдокогнатов имеет чисто случайный характер, при этом следует

подчеркнуть, что фонетические изменения закономерны и "случаен не сам факт фонетических изменений, а сам характер их результатов" (Малаховский 1990: 120).

2.3.2.1. Псевдокогнаты славянского происхождения

Псевдокогнаты славянского происхождения представляют особый интерес для славистов, так как совпадение в ПВ славянских слов разного происхождения нередко связано с различными фонетическими и морфологическими процессами, имевшими место в славянских языках.

- Русск. лук¹ 'овощное растение с трубчатыми листьями и луковицей', лук² 'ручное орудие для метания стрел' и укр. лук 'ручное орудие для метания стрел'; польск. лук¹ 'дуга, излучина', лук² 'лук растение', лук³ арх. 'арка', болг. лук 'лук растение', лък 'лук' 'ручное орудие для метания стрел'. Название растения является заимствованием из германских языков (в древнеисландском находим *laukr*, в немецком – *Lauch*). Отметим, что корень здесь тот же, что и в слове "локон". Название оружия для метания стрел является общеславянским и восходит к той же основе, что и литовское *lenkti* 'гнуть', его исходное значение 'кривой, изогнутый'.

- Русск. мех¹ '1) волосяной покров животного, 2) выделанная шкура пушного зверя, 3) (разг.) изделия из таких шкур', мех² 'мешок из шкуры животного для хранения и перевозки жидкостей, бурдюк', мех³ 'приспособление для нагнетания воздуха', мех⁴ 'светонепроницаемая часть фотографической камеры', бел. мех 'мешок' происходят из праславянского слова с индоевропейской основой, первоначально означавшего 'шкура животного', впоследствии, поскольку шкуры животного использовались для изготовления всевозможных предметов, значение расширилось до 'вместилище разного рода' (ср. родственного лит. *maisas* 'мешок', латыш. *maiss* 'мешок', др.-прусс. *moasis* 'кузнечный мех', др.-инд. *mesas* 'баран, шкура'). А чеш. *mexh* 'мох', польск. *mexh* 'мох' восходят к другой праславянской основе, родственной лит. *musos* 'плесень', д.-в.-н. *mos* 'мох, болото'. Они совпали в ПВ в результате различных фонетических явлений, хотя на первый взгляд может показаться, что между денотатами слов *мех* и *мох* существует некоторое сходство, позволяющее даже предполагать существование этими словами определенных деривационных отношений.

2.3.2.2. Псевдокогнаты неславянского происхождения

Псевдокогнаты неславянского происхождения также часто называют псевдоинтернационализмами. Они представляют собой частный случай межъязыковых соответствий омонимичного характера, которые включают сходные, несмотря на разное происхождение, в ПВ слова сопоставляемых языков, вызывающие разного рода трудности при переводе: полное или частичное нарушение смысла высказывания, нарушение лексической сочетаемости или стилистического согласования слов в высказывании (см. Главу III).

- Чеш. kanava 'канва' из франц. canevas, восходящего к лат. cannabis 'конопля', и русск. канава 'неглубокий и неширокий ров, обычно служащий для спуска или отвода воды', бел. канава 'канавы', укр. канава 'канавы' происходят от итал. canale, в славянских языках заимствовано через польск. kanał '1) канал, 2) отдельная линия теле- или радиовещания'.

- Русск. фара 'электрический фонарь с рефлектором в передней части автомобиля, локомотива и т.п., освещающий путь рефлектор', русск. фары (разг.-сниж.) 'глаза' и бел. фара 'фара, рефлектор' происходят от франц. phare 'прожектор, маяк', а чеш. fara (религ.) 'церковный приход' и словац. fara (религ.) 'церковный приход' от др.-нем. pharre.

- Чеш. hrot 'острие' связано со ср.-в.-нем. grāt 'рыбья кость', а бел. грот 'грот, пещера в скале', польск. grota 'грот, пещера' и русск. грот¹ 'грот, пещера' заимствованы из франц. grotte 'грот, пещера', в то время как русск. грот² (мор.) '1) грот-мачта, 2) большой прямоугольный парус на гротовой рее' из голл. groot, grootzeil 'парус-грот, большой парус'.

2.3.2.3. Псевдокогнаты славянского и неславянского происхождения

Совпадение в ПВ слов славянского и неславянского происхождения в славянских языках связано с различными фонетическими и морфологическими процессами, но чаще всего с ассимиляцией при заимствовании неславянских слов и с уподоблением их внешнего облика форме уже существующих в рассматриваемых языках слов.

- Чеш. buchta 'булочка' и словац. buchta 'пышка, сдобная булочка с начинкой' происходят от славянской экспрессивной основы buch, а бел. бухта 'залив', русск.

бухта¹ 'небольшой залив', русск. бухта² 'уложенный трос, канат или шланг' и укр. бухта¹ 'залив', укр. бухта² 'канат' из нем. Bucht 'залив'.

- Русск. байка¹ 'мягкая ворсистая ткань' и польск. bajka¹ 'мягкая ворсистая ткань' вероятно заимствованы через голл. baai из франц. baie 'шерстяная материя', в свою очередь русск. байка² (разг.) 'короткий занимательный рассказ', словац. bájka 'басня' и польск. bajka² 'короткий занимательный рассказ' восходят к общеславянскому слову, образованному от бай 'говорун' или глагола баить 'говорить, болтать, беседовать'.

2.4. Противопоставление межъязыковой омонимии, квазисинонимии и паронимии в ПВ, ПС и по происхождению

На основе классификаций степени различий межъязыковых соответствий омонимичного характера в ПВ и ПС можно выстроить их типологию.

Даже небольшой опыт в контрастивной лингвистике подсказывает, что соответствие форм различных языков необходимо рассматривать на нескольких уровнях. Итак, если слово, произнесенное в одном языке, распознается слушателем–носителем другого языка как родное, то можно говорить, что формы лексем обоих языков проявляют **соответствие первого уровня**, например: болг. щука 'щука', русск. штука 'отдельный предмет из числа однородных' и хорв. štuka 'щука', польск. sztuka¹ 'штука, экземпляр', польск. sztuka² 'искусство', чеш. štuka 'штукатурка' и хорв. štuka 'щука'.

Если формы двух лексем в сравниваемых языках имеют основу, о которой можно сказать, что она общая неслучайно (то есть их различие связано исключительно с регулярными межъязыковыми соответствиями), то они проявляют **соответствие второго уровня**, например: русск. местный 'относящийся к какой–либо местности' и хорв. mesni 'мясной', польск. słowo 'слово' и хорв. slovo 'буква', чеш. книжн. aktér 'деятель' и бел. акцёр 'актер', русск. голосовать 'выбирать кого-либо или что-либо, отдавая голос' и польск. halasować 'шуметь, кричать', польск. strona 'сторона' и хорв. strana 'страница'.

Лексемы сравниваемых языков проявляют **соответствие третьего уровня**, если их сходство кажется неслучайным, но они дополнительно отличаются различиями, которые не могут рассматриваться как регулярные и закономерные, например, в результате процесса заимствования слов через разные языки: бел. вясёлка 'радуга', польск. wesele 'свадьба', русск. веселье 'радость'; русск. годный 'подходящий', польск. zgodny '1) соответствующий, 2) дружный, 3) единодушный, 4) покладистый'.

При соответствиях первых двух уровней можно говорить о межъязыковых квазисинонимах и межъязыковых омонимах, при соответствии 3-го уровня мы имеем дело с межъязыковой паронимией. Таким образом, основное различие межъязыковых омонимов и паронимов лежит именно в ПВ. Граница между ними связана с нерегулярными фонетическими и графическими различиями, так как они не могут быть объяснены вышеприведенным принципом формального соответствия, и в этом отношении межъязыковая паронимия противопоставляется межъязыковой омонимии и

квазисинонимии. Их соотношения можно представить для наглядности следующим образом.

Таблица №4. Классификация межъязыковых соответствий омонимичного характера в ПВ

Межъязыковые квазисинонимы	Межъязыковые омонимы	Межъязыковые паронимы
Сходные в ПВ*		Частично сходные в ПВ*

*с учетом принципа формального соответствия

Различие категорий межъязыковой омонимии и квазисинонимии, как уже говорилось (см. Главу I), лежит в плане содержания. Если для межъязыковых омонимов допустимы только значения исключения (дизъюнкции), то межъязыковые квазисинонимы отличаются большим сходством в ПС (включение, пересечение). Межъязыковые паронимы могут быть как в семантических отношениях характерных для межъязыковых омонимов, так и в отношениях характерных для межъязыковых квазисинонимов.

Отношения межъязыковых соответствий в ПС наглядно представлены в таблице №5.

Таблица №5. Классификация межъязыковых соответствий омонимичного характера в ПС

Межъязыковые паронимы	
Межъязыковые квазисинонимы	Межъязыковые омонимы
Частично сходная в ПС (включение и пересечение)	Несходная в ПС (исключение)

По происхождению межъязыковые омонимы и межъязыковые паронимы могут быть как когнатами, так и псевдокогнатами. Межъязыковые квазисинонимы в свою очередь, встречаются только среди слов, появившихся в результате развития значений слов общего происхождения, и вследствие этого они сохраняют много общего как в ПВ, так и в ПС. Таким образом, их можно рассматривать как своего рода переходную категорию между межъязыковыми синонимами сходного вида и межъязыковыми омонимами и паронимами.

Таблица №6. Классификация межъязыковых соответствий омонимичного характера по происхождению

Межъязыковые омонимы	Межъязыковые паронимы	Межъязыковые квазисинонимы
Общего и разного происхождения (когнаты и псевдокогнаты)		Общего происхождения (когнаты)

Подводя итоги классификации, отметим, что межъязыковые соответствия омонимичного характера славянских языков следует разграничивать и описывать отдельно с учетом формального и семантического критериев, как межъязыковые омонимы, межъязыковые квазисинонимы и межъязыковые паронимы.

Различение межъязыковых омонимов, межъязыковых квазисинонимов и межъязыковых паронимов позволяет соотнести понятия "омонимия" – "межъязыковая омонимия", "паронимия" – "межъязыковая паронимия", "квазисинонимия" – "межъязыковая квазисинонимия", что особенно важно для сопоставительной типологии языков. А так как категории межъязыковой омонимии, межъязыковой квазисинонимии и межъязыковой паронимии в определенных аспектах взаимосвязаны и взаимозависимы, то в некоторых случаях мы считаем необходимым рассматривать их вместе как межъязыковые соответствия омонимичного характера.

В заключении необходимо отметить, что различные виды межъязыковых соответствий омонимичного характера по соотношению в ПВ и ПС могут выделяться лишь при сопоставлении не более двух лексических единиц разных языков (то есть при сопоставлении не более двух языков). Если попытаться объединить в один ряд сходные в ПВ слова нескольких языков, то в ряду слов с омонимичными отношениями могут

появиться слова с отношениями семантического сходства: межъязыковые квазисинонимы, а также межъязыковые синонимы.

Таким образом, сопоставляя лексику одновременно нескольких славянских языков можно говорить лишь о ряде формально соответствующих друг другу слов, которые находятся в различных семантических отношениях друг с другом. Сбор и изучение таких рядов представляют собой не меньшую ценность для науки, так как их членов часто связывают не только формальное сходство, но и отношения родства.

2.5. Внутриязыковая и межъязыковая омонимия

Данное исследование позволяет в общих чертах охарактеризовать категорию лексической межъязыковой омонимии славянских языков и определить ее специфику на основе сопоставления с категорией внутриязыковой омонимии.

При анализе межъязыковых омонимов исследователи часто опираются на определение внутриязыковых омонимов как одинаково пишущихся и звучащих слов, у которых нет общих семантических признаков.

Под формальным сопоставлением лексем двух или более языков подразумевалось их сравнение по следующим показателям: 1) фонемный состав, 2) написание, 3) морфемный состав, 4) акцентологическая характеристика. По аналогии с выделением в рамках одного языка лексических омонимов, омофонов, омографов возможно выделить подобные разновидности (с некоторыми нюансами) межъязыковых соответствий омонимичного характера, однако, такой подход (с мерилami внутриязыковой омонимии) к изучению межъязыковой омонимии не верен, что и было доказано на примерах в Главе II в разделе 2.1.1. Это связано с тем, что при анализе близкородственных языков весьма важен учет особенностей каждого из них, так как средства выражения на всех уровнях (состав графем, фонем, морфем) в сопоставляемых языках не тождественны. Следовательно, поиск фонетического и графического тождества, как это предполагает внутриязыковая омонимия (то есть без учета введенного нами выше принципа формального соответствия), имеет мало смысла. При таком подходе "полноценные" межъязыковые омонимы (соответствующие внутриязыковым лексическим омонимам) выделяются только при сравнении языков с одинаковой письменностью. Однако, даже при наличии двух формальных признаков омонимии (фонетического и графического тождества означающих), существующие определенные нюансы в произношении позволяют говорить лишь об относительном формальном тождестве омонимичных лексем двух языков. Поэтому любые аналогии с внутриязыковыми омонимами принимаются в данной работе с некоторыми дополнениями и коррективами.

При сопоставлении слов языков с разными системами письменности, их совпадение в ПВ условно, например: русск. рок 'судьба' и польск. rok 'год'; чеш. sled¹ 'ход, последовательность', чеш. sled² воен. 'эшелон' и бел. след 'след'. Кроме того, в отличие от внутриязыковой омонимии, случаи совпадения межъязыковых омонимов во всех формах встречаются лишь при сопоставлении неизменяемых частей речи в языках с

одной письменностью, например в сфере наречий: русск. направо 'в сторону правой руки' и болг. направо 'прямо'.

Все эти различия (фонетические, графические, морфологические) потребовали введения формального критерия на основе принципа формального соответствия для определения межъязыковых омонимов в ПВ. Иначе вне исследования оказалась бы большая часть слов, соответствующих формально и отождествляемых друг с другом, но не совпадающих полностью ни в написании, ни в произношении, таких как, например, русск. ковёр 'тканное изделие, расстилаемое на полу' и польск. kawior 'икра'; болг. миньор 'шахтёр' и русск. минёр '1) тот, кто занимается минированием и разминированием местности, 2) тот, кто обслуживает минное вооружение корабля'; польск. wróg 'враг' и чеш. vrah 'убийца', словац. vrah 'убийца'; русск. неделя 'календарная единица из 7 дней' и укр. неділя 'воскресенье', макед. недела¹ 'календарная единица из 7 дней', макед. недела² 'воскресенье'; словац. duňa¹ 'дыня', словац. duňa² 'арбуз', словац. duňa³ (разг.) 'тыква' и польск. dynia 'тыква', русск. дыня 'растение семейства тыквенных с желтыми сладкими ароматными плодами (дыня)', болг. диня 'арбуз'; русск. зерно 'плод растений бобовых и злаковых культур' и болг. зърно¹ 'зерно', болг. зърно² 'ягода'.

Приведенные выше слова не соответствуют друг другу полностью ни графически, ни фонетически, ни морфологически, но, согласно принципу соответствия, могут рассматриваться как межъязыковые омонимы, так как их различия закономерны и системны. Такой подход естественен, благодаря нему можно узнавать знакомые слова родного языка в других языках, обнаруживать общее и различное даже при сопоставлении языков с разной письменностью. Интуитивно принцип соответствия используется всеми, и это доказывается теми ошибками при переводе, благодаря которым подобные слова получили название "ложных друзей переводчика".

Если сравнивать значимость двух планов выражения графического и фонетического при отборе межъязыковых омонимов и других межъязыковых соответствий омонимичного характера, то необходимо отметить, что значительно большее внимание уделяется фонетической форме слов. При сравнении нескольких языков с разной системой письма условность графической системы становится очевидной, в то время как фонетический облик слова начинает восприниматься как первоначальный-основной и, соответственно, выходит на первый план. В приоритете звуковой стороны и заключается еще одна особенность межъязыковых омонимов.

В Главе II в разделе 2.2 лексические единицы славянских языков, соответствующие друг другу в ПВ, были сопоставлены как на уровне отдельных слов (лексем), так и на уровне отдельных ЛСВ (семем). На основании проведенного анализа можно утверждать, что спецификой межъязыковых омонимов, восходящих к одному этимону, является сохранение у них элементов (следов) исходной генетической семантической связи.

Специфичность категории межъязыковых соответствий омонимичного характера в близкородственных языках в ПС связана с тем, что большинство сходных в ПВ лексем близкородственных языков, восходя к одному этимону, и даже разойдясь до уровня омонимического противопоставления, сохраняют реликтовые общие семы – чаще всего это семы периферийного или фоново-культурного характера.

Обобщая вышеизложенное, мы видим, что типология межъязыковых омонимов с точки зрения их внешней структуры не может быть описана только на базе принципа аналогии внутриязыковой омонимии, так как в некоторых отношениях внутриязыковые и межъязыковые омонимы существенно различаются как в ПВ, так и в ПС. Так, анализ внутриязыковых омонимов в ПВ предполагает определение их фонетического и/или графического тождества. Для межъязыковых омонимов понятие "формальное тождество" в данной работе заменяется понятием "формальное соответствие". Соответствие форм определяется на основе учета системных отношений между конкретными языками и не исключает некоторые графические и фонетические расхождения.

Что касается сравнения внутриязыковых и межъязыковых омонимов в ПС, то в семантике отдельной языковой системы омонимы обладают несвязанными и немотивированными значениями (иначе они рассматриваются как разные значения полисеманта), в то время как значения межъязыковых омонимов-когнатов, даже находясь в отношении дизъюнкции/исключения, могут обладать некоторой внутренней связью.

ГЛАВА III. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ, ВЫЗВАННАЯ МЕЖЪЯЗЫКОВЫМИ СООТВЕТСТВИЯМИ ОМОНИМИЧНОГО ХАРАКТЕРА, И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Третья глава работы посвящена лексической интерференции, вызываемой межъязыковыми соответствиями омонимичного характера, и ее результатам, которые заключаются в нарушении лексической и грамматической сочетаемости, а также в заимствовании отдельных значений и слов (интерференционное лексическое заимствование и интерференционное семантическое калькирование).

3.1. Лексическая интерференция в психолингвистическом и социолингвистическом аспектах

Лингвистическая интерференция – это перенос свойств с элементов или структур одного языка на элементы или структуры другого, основанный на ложном представлении об их тождестве. Проблема лексической интерференции является одной из актуальнейших в общей проблеме близкородственного билингвизма. Чаще всего лингвистическая отрицательная интерференция рассматривается в контексте изучения языков и определяется как отклонение от языковых норм, встречающееся в речи билингов. Реализуя естественное стремление человеческой психики к отождествлению или дифференциации, билингв отождествляет или дифференцирует элементы второго языка с соответствующими элементами родного/доминирующего. Эти процессы могут осуществляться на всех уровнях языковой системы, однако, лексический уровень языка сильнее других подвержен интерференционным изменениям, катализатором которых могут стать лексические отношения омонимичного характера между языками.

С одной стороны, близость славянских языков способствует положительной интерференции, которая облегчает понимание и общение носителей разных славянских языков. Но с другой стороны, значительно увеличивает риск возникновения отрицательной интерференции при встрече с межъязыковыми соответствиями омонимичного характера, так как последние, из-за соотносительного сходства в ПВ и по аналогии с межъязыковыми синонимами, соответствующими друг другу в ПВ и ПС, представляются билингам точно также соответствующими и в ПС.

Речь билингва, независимо от степени владения языками, при переходе с одного языка на другой редко бывает свободной от интерференции. Иностраный язык требует перестройки привычных стереотипов, сложившихся на базе структуры родного языка, и, в течение всего времени, пока происходит эта перестройка, типичные для родного/доминирующего языка закономерности накладываются на все уровни структуры второго языка. Следовательно, языковая интерференция имеет различный характер в зависимости от родного/доминирующего языка, а сходные ошибки, которые могут допускать все носители данного языка, в силу их природы называют типичными (Polivanov 1931: 79). Подобные ошибки можно предсказывать и предупреждать, поэтому одной из целей изучения межъязыковых соответствий омонимичного характера должно стать выявление возможных типичных ошибок для носителей конкретных языков на экспериментальной основе с учетом статистических данных.

Можно выделить два главных уровня интерференционных нарушений, связанных с межъязыковыми соответствиями омонимичного характера: 1) нарушения на уровне языковой картины мира и 2) нарушения на уровне собственно языковой системы.

Отклонения от языковой нормы (отрицательная интерференция) под влиянием межъязыковых соответствий омонимичного характера, в первую очередь, свидетельствуют о "субординативном" билингвизме. Зависимость возникновения лексико-грамматической и лексико-семантической интерференции от качества усвоения двух языков отмечают Б.В.Беляев, П.Я.Гальперин, Н.И.Жинкин и др. Это также подтверждается результатами психолингвистических экспериментов (Ровдо 1980; Заславская 1985; Вайнрайх 1979: 26).

Интерференция может иметь место лишь в случае существования семантических и/или формальных связей между словами, благодаря которым они способны вызывать в сознании билингов ассоциации друг с другом. Ассоциации, вызываемые межъязыковыми соответствиями омонимичного характера и приводящие к возникновению между ними системных отношений, являются практически одинаковыми для носителей каждого из двух сопоставляемых языков, несколько различаясь лишь в сфере межъязыковой паронимии (Акуленко... 1969: 379). Последнее связано с наличием между межъязыковыми паронимами формальных расхождений, необъяснимых с точки зрения языковых правил. Поэтому такие слова как, например, чеш. (пренебреж.) *vandrák* 'бродяга' и бел. *вандроўнік* 'путешественник, кочевник' или в.-луж. *statk* 'поступок,

действие' и бел. статак 'стадо' не у всех могут вызывать ложные ассоциации друг с другом по сходству в ПВ.

С целью определения формального критерия для объективного отбора межъязыковых паронимов, мы считаем, необходимо использовать метод ассоциативного эксперимента. Во множестве ассоциатов на слово-стимул, то есть в ассоциативном поле, следует выделить ядро (наиболее частотные реакции) и периферию. Коллективное ассоциативное поле, выявленное в свободном ассоциативном эксперименте, следовательно, будет являться ассоциативной нормой для конкретного двуязычного общества. Лексемы ядра ассоциативной нормы можно рассматривать как полноправные межъязыковые паронимы. На основе результатов данного эксперимента станет возможным определение степени и качества незакономерных различий между межъязыковыми паронимами, которые билингвами (носителями конкретных языков) не воспринимаются как релевантные.

3.2. Межъязыковая лексическая интерференция как механизм лингвистической синергетики

Взгляд на язык как на систему стал основным достижением лингвистики XX века, и закономерным шагом в развитии теории системности языка является применение методологии синергетики к анализу языковых фактов. Изучение внутренних законов развития языка представляет одну из важнейших задач лингвистического исследования, поэтому особенно актуальным представляется рассмотрение в новой синергетической парадигме массового нарушения норм и образования новых слов под влиянием интерференции, вызываемой межъязыковыми соответствиями омонимичного характера, как результата развития и самоорганизации лексической и словообразовательной подсистем языка.

Можно предположить, что определенная часть лексем близкородственных языков действительно перестроила свою семантическую структуру не просто вследствие обычного развития значений, а под влиянием слов других языков, в частности под влиянием межъязыковых соответствий омонимичного характера, вызывающих интерференцию. Лексика, будучи открытой неравновесной средой как ни одна другая подсистема языка связана с экстралингвистической действительностью. С синергетической точки зрения "открытость системы означает наличие в ней источников

и/или стоков обмена веществом и/или энергией с окружающей средой... в одной среде разыгрываются основные, интересующие нас процессы, а другая среда прилегает к первой в каждой точке и служит для нее некоторой питающей, поддерживающей основой" (Князева 2002: 33-34)

При возникновении изменений во внешней среде – социуме (возникновение/усиление языковых контактов, изменение экономических, политических, культурных отношений между государствами, рост процента билингвов и др.) в языковой системе происходят определенного рода флуктуации, которые могут привести к направленным изменениям. Подобные флуктуации переводят лексическую среду в состояние неустойчивости, нестабильности, то есть в режим с обострением, при котором вокруг локализованных очагов (межъязыковых соответствий омонимичного характера) растет число интерференционных нарушений языковой нормы и интерференционных заимствований. Таким образом, в момент своего создания интерференционный неологизм представляет собой реализацию режима обострения системы. Когда новое заимствованное слово или значение перестает восприниматься как окказиональное, вступает в силу противоположное начало – самоорганизация системы, которая рассеивает неоднородности в открытой лексической системе. Это начало организует окказиональные интерференционные слова и значения согласно закономерностям, присущим рассматриваемому языку, способами, которые содержит в потенциальной форме другая менее открытая подсистема языка – словообразовательная. Исходя из положений синергетики, новые слова и значения, возникшие вследствие интерференционного заимствования, являются результатом эволюции, самоорганизации и саморазвития языковой системы.

Возникновению лексико-семантической и лексико-стилистической интерференции способствует наличие одного или нескольких общих значений у сходных по звучанию слов, а также наличие у них сходных синтагматических связей и способности находиться в сходных контекстах. Условия, способствующие возникновению межъязыковой интерференции, сходны с теми, в которых происходит конфликт внутриязыковых омонимов. Внутриязыковые омонимы в таких условиях (наличие сходных синтагматических связей и способность находиться в сходных контекстах) в системе конкретного языка со временем устраняются. Развитие межкультурной коммуникации создает как раз такие условия, в которых межъязыковые соответствия омонимичного характера вступают в системные отношения друг с другом,

приводящие к конфликту между ними и интерференции, что в дальнейшем может сказаться на изменении их семантики.

Важно учитывать тот факт, что в близкородственных славянских языках большинство межъязыковых соответствий омонимичного характера представлены межъязыковыми квазисинонимами и паронимами частично сходными в ПС. Как уже говорилось ранее, частичное сходство в ПС значительно способствует возникновению межъязыковой интерференции. Интерференционные отклонения, имеющие вначале окказиональный характер, при определенных условиях "могут повлечь за собой перестройку структурно более организованных областей данного языка. Потенциальные направления такого переустройства под влиянием активного соприкосновения языков можно заранее предвидеть, имея синхронно-сопоставительные описания языков, в частности, описания "ложных друзей переводчика" для конкретных пар языков" (Акуленко ... 1969: 374). Поэтому изучение интерференции в условиях билингвизма на материале близкородственных языков является одной из актуальнейших проблем современной лингвистики.

Лексическое смешение языков следует рассматривать как своего рода сближение культур на уровне индивидуальных языковых сознаний. Межъязыковая омонимия и другие смежные явления омонимичного характера вызывают интерференцию, связанную с осознанным или неосознанным стремлением представителей разных языковых культур снять асимметрию между аналогичными, казалось бы, словами разных языков, сходными в ПВ, что, соответственно, приводит к нарушению языковых норм. А в условиях языкового контакта, который, как известно, начинается с индивидуальных контактов представителей двуязычных обществ, распространение интерференционных нарушений нормы, обусловленных межъязыковыми соответствиями омонимичного характера, может привести к семантическому заимствованию и калькированию.

Интерферирующее воздействие языков друг на друга основано на аналогии, которая представляет собою процесс уподобления, создающий новую форму по образцу старой. Основное направление новообразований по аналогии определяется принципом однозначной связи формы и содержания, согласно которому одинаковые формы выражают одинаковые значения, а одинаковые значения выражаются одинаковыми формами. Заимствуя новые значения и слова, язык стремится устранить имеющуюся асимметрию между планами выражения и содержания, что способствует изменению семантики слов и приводит к появлению межъязыковых синонимов (слов,

соответствующих друг другу как в ПВ, так и в ПС), а также новых слов, омонимичных словам, уже существующим в языке, в результате чего возникают внутриязыковые омонимы.

С точки зрения теории языковых контактов в изменении семантики под влиянием межъязыковых соответствий омонимичного характера можно видеть частный случай интерференционного переустройства. Интерференция, конечно, не единственная причина изменений в лексической системе и, тем не менее в современных условиях, когда вследствие глобализации коммуникации межъязыковые влияния становятся все сильнее, она требует к себе повышенного внимания.

Результаты интерференции могут рассматриваться с двух позиций – как позитивные и как негативные, поэтому так важно разграничивать процессы "положительной конвергенции", ведущие к взаимообогащению контактирующих языков, и процессы "негативной конвергенции", представляющие собой предмет экологии языка.

3.2.1. Межъязыковая лексическая интерференция в условиях глобализации как предмет лингвоэкологии

Многочисленные факты нарушения языковых норм в условиях распространенного билингвизма нередко являются результатом отрицательной интерференции, вызванной межъязыковыми соответствиями омонимичного характера. Колоссальная роль языка, как знаковой системы, и речи, как реализации этой системы, в жизни общества, побуждает лингвистов отслеживать процессы, происходящие в речевой практике социума. Изучение факторов, негативно влияющих на развитие и использование языка, является основной задачей экологии языка.

Лингвистическая экология предполагает не только выявление слабых мест и сторон в общественно-речевой практике и формулирование соответствующих рекомендаций, но и выявление, фиксацию и пропаганду удачных результатов языкового творчества. Лингвоэкологическими являются такие специализированные издания как дифференциальные словари "ложных друзей переводчика", создание которых имеет не только антиинтерференционную направленность.

Общеизвестно, что язык выполняет свои функции тем лучше, чем правильнее его реализация в средствах массовой информации. Влияние СМИ на умы, речевые вкусы и предпочтения миллионов людей значительнее, и, в любом случае, не менее значимая, чем

у семьи, школы и других общественных институтов. Поэтому лингвоэкология должна лежать в основе языковой политики государства и, прежде всего, в сферах образования, юриспруденции, переговорных процессов, делопроизводства и деятельности средств массовой информации (Сковородников 2007).

Активизация интерференционных лексических и семантических заимствований, вызванная распространенным двуязычием, является ярким примером влияния процесса глобализации, охватывающего все сферы жизни общества, в том числе и язык. Для глобализации характерно сближение культур разных стран и рост международного общения. С одной стороны, это приводит к популяризации отдельных национальных культур по всему миру, а с другой – популярные международные культурные явления могут вытеснять национальные.

Глобализация нередко отождествляется с американизацией, и ярким примером влияния культуры США является широкое распространение в мире американского варианта английского языка в качестве языка международного общения. Огромную роль при этом играют средства массовой информации, перевод популярных научных и художественных книг, фильмов, повсеместное распространение Интернета и международного туризма. Вследствие этого под влиянием английского языка оказались многие языки мира, в том числе и славянские. Неоправданные заимствования из него многие расценивают как утрату национальных культурных ценностей.

В переводах с английского языка нередко встречаются кальки, вызванные межъязыковыми соответствиями омонимичного характера, такие как, например, употребление русск. слова "вагон" вместо "конный дилижанс" по аналогии с англ. "waggon" ("Правда" за 13 сентября 1964 г., стр. 6), или "ассистент профессора" – неверный перевод англ. "assistant professor" вместо "доцент" ("Литературная газета" за 21 января 1965 г., стр. 4) и др. (Аккуленко ... 1969: 374-375).

Калькирование псевдоинтернационализмов (межъязыковых соответствий омонимичного характера) – это одна из распространенных причин ошибок в переводческих текстах. Но с другой стороны, результаты проведенного эксперимента в исследовании А.А.Шилоносовой доказали, что дословный перевод с максимальным сохранением интернационализмов в некоторых случаях в условиях глобализации, в частности при переводе научных текстов, изобилующих терминами, получается напротив наиболее точным и понятным. Это объясняется тем, что, во-первых, современная

терминология очень динамична и подвержена интернациональной унификации (например, сейчас гораздо чаще можно встретить термин "инвестиции", чем "капиталовложения"), и, во-вторых, попытки избежать дословного перевода путем подбора неоднокоренных синонимов нередко оканчиваются неадекватным переводом и искажением смысла (Шилоносова 2007).

Помимо возросшего в последнее время влияния английского языка, следует также отметить влияние русского языка на другие славянские языки. До 1991 года русский язык был языком межнационального общения СССР, де-факто исполняя функции государственного языка. Он продолжает использоваться в странах, ранее входивших в состав СССР, как родной для части населения и как язык межнационального общения. После развала СССР влияние русского языка заметно уменьшилось, но, тем не менее, русский язык продолжает оказывать сильное влияние на славянские языки, и, в частности, на славянские языки восточной группы: украинский и белорусский.

Языковая ситуация на Украине и в Белоруссии сегодня характеризуется распространенным украинско-русским и белорусско-русским билингвизмом соответственно. В результате общности происхождения русского, белорусского и украинского языков и постоянного их контактирования на всех уровнях языковых систем развились сходные черты, что, в свою очередь, порождает специфические проблемы культурно-речевого характера (Дешериев 1978; Пономарів 2001; Ставицька 2001; Труб 2000; Флаер 2000). О широком распространении языковой интерференции на Украине и в Белоруссии свидетельствует существование таких явлений как суржик и трасянка, интерпретируемых как смешанные языки.

Под воздействием межъязыковых соответствий омонимичного характера в речи возможны следующие типы интерференционных нарушений. В первую очередь это лексические ошибки, которые проявляются в нарушении лексических норм словоупотребления и в лексико-семантической сочетаемости слов на уровне семантики словосочетания, реже – предложения.

К.Чуковский приводит примеры неправильного перевода стихов Т.Г.Шевченко, сделанного Ф.Сологубом, где причиной ошибок стали межъязыковые соответствия омонимичного характера. Он отмечает, что особая трудность перевода Т.Г.Шевченко заключается в том, что "в украинском языке сплошь и рядом встречаются как-будто те же самые слова, что и в русском, но значат они другое". Например, строку "Пішла луна гаєм" Ф.Сологуб переводит как "Пошла луна лесом", в то время как укр. слово "луна"

означает 'эхо, отзвук', а "пішла луна" следовало бы перевести как "покатилось эхо" (Чуковский 2001: 330).

Отдельно следует отметить стилистические ошибки, то есть нарушения требований единства функционального стиля – неоправданное употребление эмоционально-окрашенных и стилистически маркированных средств. Данные нарушения проявляются только на уровне предложения.

Приведем другой пример из перевода Ф.Сологуба поэзии Т.Г.Шевченко, связанный со стилистически неоправданным подбором слова-аналога. В одном из своих стихотворений Т.Г.Шевченко говорит, что он хотел бы умереть "хоч на малесенькій горі". Переводчик перевел "малесенький" словом "малюсенький", что неверно, "потому что слово 'малюсенький' – мармеладное, жеманное слово, а 'малесенький' – народное, лишенное приторности". "Так что именно близость этих двух языков – украинского и русского – создает для переводчиков особые трудности, состоящие в стилистической неадекватности похожих, а порой и тождественных слов" (Чуковский 2001: 340).

Среди прочих нельзя не отметить ошибки, связанные с интерференционным влиянием друг на друга межъязыковых соответствий омонимичного характера в ПВ, то есть вызываемые формальными различиями (грамматическими или фонетическими) ложно отождествляемых слов – ошибки, вызванные лексико-фонетической или лексико-грамматической интерференцией. В результате слово по аналогии с формами родного/доминирующего языка употребляется неправильно. Подобные примеры рассмотрены в работе М.Швей и О.Лещака "Польско-русские и польско-украинские межъязыковые лексико-семантические диспропорции" (Швей ... 2002: 111-134). Например, в результате деривационной интерференции поляк может сказать "защищение" вместо русск. "защита", "почувствовался" вместо русск. "почувствовал себя", "музычный" вместо русск. "музыкальный", "перебуждение" вместо русск. "пробуждение", "упачканный» вместо русск. "выпачканный", "похудела (погода)" вместо русск. "ухудшилась" (Швей ... 2002: 111-134).

Или в результате грамматической интерференции в речи поляка на неродном русском языке могут встречаться следующие грамматические ошибки: "поезды" вместо "поезда", "прожию" вместо "проживу", "пересесться" вместо "пересесть", "остало" вместо "осталось", "стилов" вместо "стилей", "разов" вместо "раз", "загорались" вместо "загорали", "спешусь" вместо "спешу", "бег" вместо "бежал", "пропускает" вместо "пропускает" (Швей ... 2002: 111-134).

Еще одной разновидностью межъязыковой интерференции, вызванной межъязыковыми соответствиями омонимичного характера, является синтаксическая интерференция, то есть неадекватное составление предложений/словосочетаний в неродном языке под влиянием формально и семантически сходных конструкций родного: "облизывался на мысль о ..." вместо "от мысли о ..." (ср. в польск. "na myśl o ..."), "того дня" вместо "в тот день" (ср. в польск. "tego dnia"), "в противоречии до ..." вместо "в отличие от ..." (ср. в польск. "w przeciwieństwie do ...") или "на камню" вместо "на камне", "смотрит на ныряющие утки" вместо "ныряющих уток", "еду автобусом" вместо "на автобусе", "вернул в палатку" вместо "вернулся в палатку", "проверили нам билеты" вместо "проверили у нас билеты", "улыбался до нее" вместо "улыбался ей", "недалеко нашего дома" вместо "недалеко от нашего дома", "цепляясь дерева" вместо "за дерево", "работающий тогда в столице" вместо "работавший", "умерла, оставляя маленького сына" вместо "оставив", "она очень уютна" вместо "уютная" (Швей ... 2002: 111-134).

Нередко встречаются сложные случаи, совмещающие в себе несколько рассмотренных выше типов интерференционных нарушений.

Для предотвращения в речи билингвов подобных интерференционных ошибок в первую очередь необходим контрастивный анализ лексики сопоставляемых языков. Его целью является выделение и описание межъязыковых соответствий омонимичного характера, в том числе и таких слов, которые различаются лишь стилистической окраской, частотностью, сферой употребления или коннотацией, а также слов с грамматическими различиями в числе, роде, управлении и т.п. Следующий шаг это составление и издание антиинтерференционных полнообъемных словарей и специальных списков наиболее "опасных" "ложных друзей", а также составление на их основе антиинтерференционных упражнений для закрепления навыков правильного употребления подобной лексики.

3.2.2. Межъязыковая ономимия и смежные явления как один из факторов, способствующих обогащению лексического фонда славянских языков

Как уже отмечалось выше, под влиянием лексической интерференции, вызванной межъязыковыми соответствиями омонимичного характера, могут происходить нарушения языковых норм. При определенных условиях они могут стать причиной изменений в лексической системе, представляющих собой интерференционное лексическое и семантическое заимствование.

Для успешного решения вопроса касательно необходимости борьбы с интерференционными нарушениями языковых норм язык следует рассматривать не как мертвый продукт (Erzeugtes), но как созидающий процесс (Erzeugung) (Гумбольдт 1984: 51–162). Следовательно, межъязыковые соответствия омонимичного характера, вызывающие межъязыковую лексическую интерференцию, могут представлять не только источник отрицательного материала и объект экологии языка (см. Главу III, 3.3.1), но также один из факторов, способствующих обогащению лексического фонда славянских языков новыми заимствованными словами и морфемами.

Проблема лексического заимствования, не теряя остроты и актуальности, активно разрабатывается в современной лингвистике, но заимствования, как результат интерференционного взаимодействия межъязыковых соответствий омонимичного характера, стали рассматриваться сравнительно недавно.

Термин "заимствование" определяется как "единый диалектический процесс, в котором пересекаются две различные языковые системы" (Аристова 1978: 151), а также как результат этого процесса – иноязычный элемент (слово, морфема, отдельный ЛСВ или словообразовательная модель-структура), закрепленный в языке. Однако, следует отметить, что между понятиями "заимствование" и "интерференция" существуют сложные и неоднозначно интерпретируемые отношения.

Одни лингвисты включают понятие "заимствование" в понятие "интерференция" (Вайнрайх 1979, Жлуктенко 1974, Семчинский 1973), другие – противопоставляют их (Thomason 1997, Kaufman ... 1988, Баранникова 1972). Мы разделяем третью точку зрения (Appel ... 1987, Muysken ... 1995), в которой интерференция рассматривается как процесс психологического свойства, который возникает в речи билингов, и только при наличии определенных условий может перерасти в узуальный факт языка, то есть выразиться в заимствовании отдельных слов или значений. Заимствование, в свою очередь, рассматривается нами как процесс, который осуществляется на социальном уровне, так как требует всеобщего принятия заимствуемого иноязычного элемента. А также заимствование – это результат обоих вышеназванных процессов (интерференции и заимствования), то есть элемент из языка-источника, ставший частью лексического фонда заимствующего языка.

Мы предлагаем отделять интерференционные заимствования от заимствований, не связанных с языковой интерференцией. Таким образом, при изучении заимствований немаловажную роль играют как собственно лингвистические, так и

экстралингвистические (то есть психологические, социологические, этнологические и др.) факторы.

Как уже говорилось, интерференционные нарушения нормы могут стать узувальными фактами языка лишь при наличии определенных условий, основное из них – это двуязычие всего общества или такой социальной группы как интеллигенция, влияние которой на сохранение и развитие литературного языка нельзя недооценивать. Среди других условий, способствующих заимствованию, выделяют следующие: 1) потребность в наименовании нового предмета/явления; 2) потребность разграничить содержательно близкие, но различающиеся понятия, связанная с тенденцией к замене описательного наименования однословным; 3) мода на иностранные слова.

1. Заимствования слов вместе с заимствованием предмета или понятия, связанные с развитием науки, техники, культуры, экономики, производственных отношений – это основная причина славянских лексических интерференционных заимствований. Например, с появлением новых реалий в разные славянские языки вошли и их наименования. Так, с появлением и развитием киноискусства/ киноиндустрии из английского в славянские языки было заимствовано слово "фильм". В результате транссемантизации оно было заимствовано в неполном объеме, что привело к появлению межъязыковых квазисинонимов: ср. англ. film '1) киноплёнка с отснятым на ней изображением и записью звука, а также произведение киноискусства – кинофильм, кинокартина, 2) тонкая гибкая полоска целлюлозы, используемая для изготовления негатива, 3) тонкое покрытие или слой, 4) плёнка, 5) легкий туман, дымка, 6) паутинка, тонкие нити, 7) патологическое уплотнение ткани роговицы', болг. филм '1) плёнка, фотоплёнка, 2) кинофильм' и русск. фильм '1) произведение киноискусства, кинофильм, кинокартина, 2) киноплёнка с отснятым на ней изображением и записью звука'.

2. Заимствования, связанные с тенденцией к замене описательного наименования однословным, вызванные необходимостью специализации понятий. В результате чего появляются ряды внутриязыковых синонимов, называющих сходные понятия, например в русском: мотель (из англ. motel 'придорожная гостиница для автотуристов и водителей') – отель (из англ. hotel) – гостиница (русс.); борщ (из укр. 'разновидность супов со свеклой') было заимствовано как родовое название по отношению к существующему в русском языке слову "суп", называющему видовое понятие 'жидкое кушанье, отвар из мяса, рыбы, грибов с приправой из овощей, круп и т.п.'

3. Заимствования, обусловленные модой на иностранные слова, отчасти связанной с такими социально-психологическими факторами как восприятие иноязычного слова как более престижного, "ученого", "точного" или "красиво звучащего". Таковы, например, слова-неологизмы: русск. металл в новом значении 'тяжелый металлический рок как одно из направлений рок-музыки', русск. плазма в значении 'жидкокристаллический экран', польск. *adidas* 'кроссовки' (по названию компании "Адидас", являющейся одной из наиболее известных немецких фирм-производителей спортивной обуви, одежды и оборудования), русск. сервис в значении 'сервисный центр', русск. гламур 'нечто эффектное, шикарное' (от англ. *glamour* '1) волшебство, чары, чарующая сила, 2) шарм, обаяние, очарование, привлекательность'). Новое значение приобрело слово "лист" под влиянием омонимичного англ. слова *list* '1) список, перечень, реестр, 2) каталог', в русск. словах рейтинг-лист 'список, в котором лица, предметы, явления перечисляются по убывающей в зависимости от числа баллов, присвоенных им' и русск. прайс-лист 'перечень цен на товары или услуги, прейскурант' и др.

Рассмотренные выше примеры славянских лексических интерференционных заимствований подтверждают положение В.И.Абаева о том, что в основном именно "технические нужды общественной коммуникации" представляют собой основной фактор изменений в языке. "Признав, что корни языковых изменений скрыты в тайниках семантики, и что, следовательно, темп языковой эволюции зависит от темпа процессов, совершающихся в языковой семантике, легко понять, что всякие крупные перемены в жизни общества: междугрупповое смешение, переворот в хозяйстве, глубокие общественно-политические потрясения и сдвиги, изменение классовой структуры общества, все это сопровождается катастрофическими последствиями для языка" (Абаев 1934: 52). Таким образом, механизм активации интерференционных заимствований, то есть переход окказиональных языковых явлений в узуальные, тесно связан с существованием латентных мест в языке-адресате, обусловленных экстралингвистическими факторами. Под понятием "латентное место" подразумевается внутренний потенциал или элемент языка-адресата, который может активироваться под влиянием языка-источника.

Можно выделить две основных модели интерференционных заимствований, связанных с различными видами межъязыковых соответствий омонимичного характера, – это семантическое калькирование и собственно лексическое заимствование.

3.2.2.1. Интерференционное семантическое калькирование

Межъязыковые соответствия омонимичного характера, частично сходные в ПС (межъязыковые квазисинонимы и часть паронимов), могут стать причиной интерференционного семантического калькирования.

Следует отметить тот факт, что найти документально подтвержденные примеры межславянского семантического калькирования под влиянием межъязыковых соответствий омонимичного характера оказалось довольно сложной задачей. Поэтому в некоторых случаях в качестве примера для демонстрации возможных схем семантических преобразований в условиях двуязычия мы приводим гипотетически допустимую модель.

В следующих примерах этимологически невозможно установить влияние каких славянских языков на какие имело место, но, тем не менее, нельзя не учитывать возможности развития когнатов под интерференционным влиянием слов родственных языков. Ниже рассмотрим следующие возможные типы изменения лексической структуры в результате семантического калькирования.

1. Изменение лексического значения в результате добавления нового значения (увеличение количества ЛСВ) или в результате уменьшения количества ЛСВ (исчезнувший ЛСВ переходит в разряд устаревших, архаичных значений) из-за взаимодействия разных по семантике или семантическому объему слов, например: в чеш. *tovaryš* '(истор.) подмастерье' сравните с бел. *таварыш* '1) друг, товарищ, 2) (устар.) помощник, заместитель', новое значение, вероятно, развилось под влиянием русск. *товарищ* '1) коллега, друг, соратник, компаньон, 2) (устар.) обращение, распространенное среди граждан социалистического общества, 3) (устар.) помощник, заместитель (в наименованиях некоторых званий и должностей Российского государства до 1917 г.)' – здесь мы имеем добавление и переструктуризацию значений. На примере следующих слов неравнозначных по количеству ЛСВ – бел. *ліст* '1) лист бумаги, 2) лист растения, 3) письмо' и болг. *лист* '1) лист бумаги, 2) лист растения' – можно предположить следующий возможный сценарий развития их значений при наличии определенных условий: в результате влияния болгарского квазисинонима на белорусский, у последнего значение 'письмо' может стать неактуальным и перейти в разряд устаревших, а под интерференционным влиянием белорусского слова у болгарского может появиться новое значение 'письмо'.

2. Изменение лексического значения в результате расширения (когда слово, называвшее предметы одного вида, распространяется в качестве наименования на все виды данного рода) или сужения (когда слово, называвшее предметы определенного рода, закрепляется в качестве наименования только за одним из видов данного рода). Например, русскому слову "масло" соответствуют два польск. слова *masło* 'сливочное масло' и *olej* 'растительное масло'. Под влиянием межъязыковых соответствий омонимичного характера в определенных условиях может расширяться значение польск. слова и стать обозначением родового понятия, или, напротив, может сузиться значение русского слова. Такое же интерференционное влияние друг на друга в условиях распространенного двуязычия могут оказать следующие слова: бел. жонка 'жена, супруга' – видовое и укр. жінка 'женщина' – родовое, хорв. *slovenski* 'словенский' – видовое и серб. словенски 'славянский' – родовое.

3. Изменение лексического значения в результате реструктуризации ЛСВ в семантической структуре слова, связано, прежде всего, с тем, что с течением времени то или иное значение под влиянием омонимичного слова другого языка может потерять свою актуальность и стать второстепенным. Например, изменение лексического значения в результате смены прямого на переносное или переносного на прямое: русск. булка 'хлебец из белой пшеничной муки', бел. булка 'булка, булочка – сдобный хлебец из белой муки', а в болг. булка – это '1) невеста, 2) молодая симпатичная женщина'. В славянские языки эти слова проникли через польск. *bułka* 'булка', которое в свою очередь было заимствовано из одного из западных языков (французское *boule* и итальянское *bullia* обозначают 'круглый хлеб'). Значение болгарского слова '1) невеста, 2) молодая симпатичная женщина' возникло, вероятно, как метафора, но со временем закрепилось в языке в качестве прямого, основного значения. Другой пример: русск. слово мещанин '1) человек с мелкими, эгоистичными интересами, с узким кругозором и неразвитыми вкусами, безразличный к интересам других, 2) (истор.) лицо податного сословия' заимствовано из польск. *mieszczanin* 'горожанин', где образовано посредством добавления суффикса к существительному *miasto* 'город'. Изначально в русск. это слово также имело значение 'житель города, горожанин' ср. в словаре В. Даля мещанин – это 'горожанин низшего разряда, состоящий в подушном окладе и подлежащий солдатству; к числу мещан принадлежат также ремесленники, не записанные в купечество', то есть другими словами это представитель среднего класса. В советский период в русском это слово приобрело переносное значение 'человек с мелкими, ограниченными, собственническими интересами и узким идейным и общественным кругозором'. Под влиянием омонимичного

слова русского языка аналогичное переносное значение развилось и у украинского слова міщанин '1) лицо мещанского сословия в дореволюционной России, 2) человек с мелкими, эгоистичными интересами и узким кругозором, обыватель'.

4. Изменение лексического значения в результате изменения частоты употребления, функционально-стилистической и экспрессивно-эмоциональной окраски или коннотации под влиянием межъязыковых славянских квазисинонимов, например, слово пионер в русский было заимствовано в значении 'разведчик, первооткрыватель' из французского, где pionnier означало 'пехотинец' (ср. современное значение этого слова во французском pionnier '1) пионер, первооткрыватель, 2) сапёр, дорожный рабочий'). В словаре В. Даля пионер 'воин для земляных работ; пионеры, как и саперы, принадлежат к инженерам: их обязанность пролагать дороги'. В начале 30-х годов 20-го века слово пионер в русском языке приобрело новое значение 'член детской организации', вместе с распространением пионерского движения это значение проникло и в другие языки, в частности в украинский и белорусский. После развала СССР вместе с потерей привлекательности коммунистических идей новое значение сначала в русском, а потом и в других языках перешло в разряд устаревших, а значение 'первооткрыватель, первопроходчик' изменило частоту употребления, стало редким, так как, наверное, слишком сильно ассоциировалось с переставшей быть актуальной советской действительностью: русск. пионер '1) человек, который одним из первых пришел и поселился в новой неисследованной стране, местности, 2) (перен. книжн.) человек, который положил начало чему-нибудь новому в области науки, культуры, 3) (устар.) член детской пионерской организации', укр. піонер '1) человек, который одним из первых пришел и поселился в новой неисследованной стране, местности, 2) (перен. книжн.) человек, который положил начало чему-нибудь новому в области науки, культуры, 3) (устар.) член детской пионерской организации'. Подобные семантические изменения при определенных условиях могут произойти под влиянием друг на друга следующих славянских квазисинонимов: бел. поўнач '1) полночь, 2) север' и русск. полночь '1) середина ночи, соответствующая 12 часам, 2) (устар.) север'; польск. piwnica 'погреб' и русск. пивница '(разг.) погреб для хранения пива'; польск. Żyd/żyd '1) еврей (этнически), 2) (религ.) иудей' и русск. жид '1) (разг.-сниж.) название еврея (обычно с оттенком пренебрежительности), 2) (перен.) жадный человек, скряга (как порицательное, бранное слово)'.

Результаты исследования позволяют говорить о том, что на сегодняшний день в славянских языках наиболее продуктивным способом словообразования, связанным с межъязыковыми соответствиями омонимичного характера, является интерференционное семантическое заимствование (калькирование), то есть межъязыковые квазисинонимы и частично сходные в ПС межъязыковые паронимы чаще становятся причиной интерференционного словообразования в славянских языках.

3.2.2.2. Лексическое интерференционное заимствование

Интерференционное взаимодействие межъязыковых соответствий омонимичного характера, несходных в ПС, может привести к заимствованию новых слов. Например, русск. Мексика 'Мексика (страна)' и внутриязыковая омонимия в болгарском: болг. Мексико¹ 'Мексика (страна)' и болг. Мексико² 'Мехико (столица Мексики)' (кроме того, возникновение внутриязыковой/межъязыковой омонимии, возможно также связано с метонимией – территориальной близостью денотатов). Другой пример: значение польск. слова *inteligencja* '1) ум, понятливость, 2) сообразительность, 3) интеллигенция', вероятно развивалось под влиянием как русск. интеллигенция '1) социальная группа лиц умственного труда, 2) лица умственного труда' так и англ. *intelligence* '1) интеллект, рассудок, разум; умственные способности, 2) информация, сведения секретного характера, 3) разведка, разведывательная служба'. Оба слова русск. и англ. в свою очередь восходят к лат. *intellegentia* 'интеллект, разум, понимание', производному от глагола *intellegere* '1) понимать, 2) различать, распознавать'.

Новые слова образуются также под воздействием внутриязыковых омонимов, образующих неполную межъязыковую омонему, которая, как уже говорилось выше, может обладать значительным интерференционным потенциалом-валентностью. В результате интерференции, вызванной тенденцией к выравниванию асимметрии между внутриязыковыми омонимами, активизируется латентное место и происходит заимствование слова-омонима, отсутствующего в одном из сопоставляемых языков, при этом возникает полная межъязыковая омонема. Таким образом, межъязыковые омонемы представляют собой не только результат заимствований, но и сами содействуют лексическому заимствованию (см. Главу II, раздел 2.2.4).

Например, возможно в словац. слово *ангина*¹ '(мед.) ангина' (ср. словац. *ангина*² 'материя из которой шьют наволочки для перин и подушек') возникло под влиянием русского слова *ангина*¹ '1) острое инфекционное заболевание, характеризующееся

воспалением зева и небных миндалин, 2) эпидемия такого заболевания'. А устаревшее русское слово-омоним ангина² могло возникнуть под влиянием межъязыковых соответствий омонимичного характера из других европейских языков, в которых оно также означает 'одна из форм ишемической болезни сердца, связанная с заболеванием артерий сердца и характеризующаяся приступами резкой боли в области сердца и за грудиной; стенокардия', например в англ. *angina* '(мед.) стенокардия, грудная жаба'. Оба значения этих слов-интернационализмов происходят от др.-греч. слова *ankhonē* 'душить, задыхаться'.

К сожалению, ярких и достоверных примеров межславянских интерференционных заимствований значительно меньше, чем примеров интерференционных заимствований из европейских языков. Значительная сохранность праславянской системы деривации и близость лексических фондов славянских языков затрудняет этимологические исследования слов с общеславянскими корнями.

Из родственных языковых заимствований особо следует выделить значительную по составу группу слов старославянского происхождения. Старославянский язык длительное время использовался в ряде славянских государств в качестве литературного письменного языка. В результате мы имеем немало ярких примеров интерференционных заимствований, вызванных межъязыковыми соответствиями омонимичного характера, доказательством чего являются слова, существующие одновременно в двух вариантах, например, в русском и старославянском (незначительно различающиеся в ПВ), в ПС они часто различаются функционально-стилистически, например, русское слово является нейтральным или "низким", а старославянское – "высоким" или нейтральным, например: город – град, берег – брег, житье – житие, обнять – объять, одежа – одежда. В некоторых парах семантическое расхождение настолько велико, что их члены воспринимаются как разные слова, при этом часто ослабевает или совсем утрачивается стилистическая дифференциация, например, пары русск.-старослав.: нѣбо и небо, невежа и невежда, горожанин и гражданин, встать и восстать и т.п.

"Некоторые омонимические ряды русизмов и славянизмов или сливались, или, напротив, вытесняли друг друга. Так, в русском литературном языке XVIII века было много омонимов, отделенных друг от друга границами разных стилей" (Виноградов 1977: 47-68), например: расточить в значении 'рассеять, разогнать' – слово высокого стиля, а расточить 'растратить' – нейтрального стиля; разрешить в значении 'развязать' – слово высокого стиля, разрешить в значении 'позволить' – нейтрального стиля и т. д.

Паронимичные русизмы и старославянизмы нередко становились антонимами, например, русские: вонь, вонять, вонючий, вонючка и церковнославянские: благовоние, благовонный (ср. зловоние, зловонный).

Среди неславянских интерференционных заимствований выделяется группа слов-интернационализмов, преимущественно научных и технических терминов греко-латинского происхождения, получивших распространение во многих языках мира. С точки зрения формального и семантического соотношения они неоднородны. В этой категории можно выделить межъязыковые синонимы, соответствующие в ПВ, а также межъязыковые квазисинонимы и межъязыковые паронимы с семантическими отношениями включения и пересечения. Слова с интернациональными корнями сходные в ПВ, но различные в ПС (так называемые квазиинтернационализмы или псевдоинтернационализмы) принято рассматривать отдельно. По своей сути они представляют собой межъязыковые омонимы и паронимы несходные в ПС.

Интерференционные заимствования под влиянием интернационализмов (межъязыковых соответствий омонимичного характера) особенно часто встречаются в области научно-технической, общественной и политической терминологии, как результат глобализации и стандартизации. Например, возможно под влиянием американского варианта английского языка слово-интернационализм "фортуна" начинает принимать новое значение не только 'удача, везение', но и 'рок, судьба', сравните русск. фортуна 'удача, счастье', польск. fortuna '1) фортуна, судьба; 2) богатство, состояние' и fortune амер. англ. '1) некая высшая сила, управляющая судьбами людей, влияющая на течение жизни; осмысляется в двух ипостасях: а) сила, несущая добро, фортуна, удача и б) сила, несущая зло, фатум, рок, 2) удача, успех 3) богатство, состояние'. Другой пример также связан с усилением влияния английского на другие языки, так под воздействием англ. слова contact '1) контакт, соприкосновение, 2) связь, контакт, 3) понимание, 4) обычно (деловые) контакты, связи, 5) (contacts – мн. ч.) знакомства, отношения, связи, 6) агент, поверенный, доверенное лицо, 7) связной, 8) (мед.) человек, имевший контакты с заразным больным, 9) (мат.) касание, 10) (эл.) контакт, 11) (авиа.) "контакт!" (команда), 12) (хим.) катализ, 13) (разг.) контактная линза' русск. слово контакт приобрело значение 'деловые связи', ср. русск. контакт '1) соприкосновение, соединение чего-либо с чем-либо, 2) соприкосновение проводников в электрической цепи, место и приспособление, деталь, обеспечивающие такое соприкосновение, 3) взаимопонимание в деловых, дружеских и

т.п. отношениях, политические, научные, торговые и т.п. связи, 4) поверхность соприкосновения горных пород (в геологии)'.

Большинство слов интернационализмов получает новое значение вместе с научно-техническим прогрессом и развитием социально-экономических отношений. Сначала новое значение появляется в одном языке, а затем распространяется в результате интерференционного калькирования в другие языки, например: русск. мобильный² '1) способный быстро передвигаться, перемещаться, подвижный, 2) способный быстро ориентироваться в обстановке, быстро выполнять какие-либо задания' привело к заимствованию слова-омонима – русск. мобильный¹ 'аппарат, используемый для мобильной связи; мобильный телефон'. Оба значения восходят к лат. *mōbilis* от лат. *movēre* 'двигаться'. В английском до изобретения телефонных аппаратов, поддерживающих сотовую связь, этот интернационализм имел значение близкое к значению русск. мобильный² (ср. англ. *mobile*¹ '1) подвижный, мобильный, движущийся, передвигающийся, передвижной, 2) изменчивый, изменяющийся, гибкий, живой (о человеческом уме), 3) (воен.) маневренный, легко передислоцируемый'). Новое значение '(разг.) мобильный (телефон), сотовый (телефон), мобильник' сначала появилось в англ. языке и затем вместе с распространением сотовой связи проникло в другие языки.

Тоже самое можно сказать об интернационализмах, восходящих к др.-греч *εἰκὼν* 'образ, картина', до недавнего времени, например, в русском слово "икона" обозначала 'живописное изображение святых, божеств (христианских, буддистских)'. В связи с развитием информационных технологий новое значение появились сперва в английском языке (ср. в англ. *icon/ikon* '1) икона, 2) символ, идол, знаковая фигура, 3) (информ.) иконка, пиктограмма'), а затем, вместе с распространением компьютерных технологий, проникло в русский – 'пиктограмма, обозначающая доступный пользователю объект (файл, директорию, диск и т.п.)'.

Последние десятилетия отмечены появлением большого пласта интернациональной лексики английского происхождения в славянских и других языках. Различное развитие значений слов-когнатов на почве разных языков приводит к возникновению межъязыковых соответствий омонимичного характера, которые в дальнейшем могут стать причиной новых интерференционных заимствований, подобных заимствованиям, рассмотренным на примерах в данном разделе.

Довольно часто интерференционное калькирование связано с частичной трансемантизацией, когда многозначные слова заимствуются не в полном объеме

значений, например, изначально полисемантическое слово заимствуется как моносемант лишь с одним из значений, из присутствующих в языке-доноре, а остальные значения проникают в язык-реципиент позднее. Например, русск. хет-трик от англ. hat trick '1) фокус со шляпой (когда из шляпы вынимают ленты, кроликов), 2) хет-трик (три гола, забитых одним игроком за одну игру), 3) ситуация, когда один спортсмен или команда занимает первое место в трех видах состязания – раньше за такое достижение игрок награждался шляпой своего клуба' вначале было заимствовано в значении 'три гола, забитых одним игроком за одну игру' (здесь в результате частичной транссемантизации мы имеем уменьшение количества значений). Позднее русский язык позаимствовал другой ЛСВ 'ситуация, когда один спортсмен или команда занимает первое место в трех видах состязания' (произошло увеличение количества значений под влиянием омонимичного слова в языке-доноре).

Интересен также подобный пример со словом хепенинг от англ. happening '1) происшествие, случай, событие, 2) хепенинг – разновидность акционизма; художественное событие или представление с участием зрителей, совмещающее различные формы искусства: музыку, театр и др.'. Изначально оно появилось в русском языке в значении 'род драматического представления', а недавно было заимствовано основное значение этимона – 'нечто случившееся, происшедшее'.

В следующих примерах новое значение сначала также возникло в английском, а потом проникло в другие языки, в том числе и славянские. Так, в русск. слово "меню", от франц. 'маленький детализированный список', означало '1) подбор кушаний, блюд для завтрака, обеда и т.п., 2) перечень блюд в виде листа, книжки (в столовой, ресторане, на званом обеде и т.п.), предлагаемый посетителям или гостям'. Недавно у этого слова возник новый ЛСВ – 'список опций, обычно высвечивающийся на дисплее (например, на экране компьютера) и предлагающий набор команд и действий'.

Рассмотрим еще один пример: укр. пірат '1) морской разбойник, корсар, 2) (разг.) тот, кто грабит, убивает' заимствовано из французского (возможно через русский язык), где pirate восходит к латинскому слову pirata, которое в свою очередь происходит от греч. peirates, образованного от глагола peiran 'искать счастья'. Недавно оно приобрело новое значение – 'человек, посягающий на авторские права в области видео-, аудио- или любой другой авторской продукции'. Возможно новое значение в украинском также появилось при посредничестве русского языка, где слово "пират" также стало означать

'лицо, незаконно тиражирующее и распространяющее материалы, не имея на это авторских прав'.

Новое значение также приобрело слово "администрация" заимствованное в русский язык через польск. *administracja* 'управление' из лат. *administratio*. В американском варианте английского языка *administration* 'правительство, исполнительная власть, агентство при правительстве', например, *federal administration* 'федеральное правительство'. В последнее время в печати слово "администрация" систематически употребляется в значении 'правительство' применительно к США и некоторым другим странам (см. "Правду" За 12 августа 1964 г., стр. 4, за 30 ноября 1964 г., стр. 4, за 28 января 1965 г., стр. 3 и т. д.) (Акуленко ... 1969: 376).

На основании изучения характера межъязыковой лексической интерференции, связанной с межъязыковыми соответствиями омонимичного характера, мы можем говорить об аналогии как об одном из ведущих внутренних законов развития языков, так как интерференционные заимствования тесно связаны принципом аналогии, представляющим собой процесс уподобления, при котором новое создается по образцу старого. Также интерференционные заимствования тесно связаны с принципом экономии в системе звуковых оболочек, когда язык, испытывая прагматическую потребность в наименовании новых понятий, стремится "нагрузить" значениями уже существующие в языке звуковые комплексы. Использование уже готового звукового комплекса, т.е. какого-либо существующего слова, является наиболее распространенным способом номинации.

Таким образом, различные интерференционные заимствования не следует расценивать как негативное явление в славянских языках, прежде всего потому, что они свидетельствуют об открытости лексической системы, о её жизнеспособности. Язык на дальнейших этапах эволюции может отторгнуть избыточные элементы, а те заимствованные лексические единицы, которые смогли адаптироваться и включиться в системные отношения, обогатят язык, как это уже не раз происходило в прошлом. Так, многие заимствования настолько глубоко укоренились в современных славянских языках, что рядовой носитель русского языка даже не подозревает об их происхождении. Тоже можно отнести и к дискуссии об угрозе другим языкам американской языковой

экспансии, связанной с тенденцией к глобализации и интеграции. Уже сейчас ясно, что глобализация представляет не только определенную угрозу национальной культурно-языковой самобытности, но и ведет к сближению и обогащению национальных культур.

Подытоживая различные оценочные суждения о межъязыковой омонимии и других соответствиях омонимичного характера с точки зрения диахронии и синхронии можно сделать следующие выводы. Омонимия в самом широком понимании, воплощая в себе противоречивые тенденции к дифференциации и интеграции, является стимулом и одним из источников обновления словаря. В диахронии омонимия, таким образом, представляет собой позитивное, конструктивное явление: межъязыковая лексическая интерференция, связанная с межъязыковыми соответствиями омонимичного характера, становясь языковой нормой, ведет к обогащению лексического фонда того или иного языка. С точки зрения синхронии, межъязыковые соответствия омонимичного характера могут расцениваться по-разному, но чаще интерференционные явления, вызываемые ими, представляют собой определенного рода помехи в коммуникации, приводящие к ошибкам в речи или в ее понимании.

ГЛАВА IV. ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ОМОНИМИИ И СМЕЖНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Данная глава посвящена практическому приложению результатов исследования. Даже беглый взгляд на проблему позволяет сделать вывод о большой теоретической и практической значимости изучения межъязыковой омонимии и смежных с ней явлений. В практике переводческой и лексикографической работы, а также преподавания иностранных языков особые трудности представляют именно межъязыковые соответствия омонимичного характера. Все эти формально и семантически разнородные явления объединяет то, что благодаря асимметрии между планами выражения и планами содержания знаков разных языков они становятся причиной лексической интерференции в речи билингов, которая со временем может привести к определенным изменениям в лексической системе. Следовательно, результаты нашего исследования могут быть использованы в лексикографии, в лингводидактике, при разработке методик обучения иностранным языкам, в переводоведении, в компьютерной лингвистике, а также в курсах лексикологии и общего языкознания.

Сопоставительная/Сравнительная лингвистика. Изучение терминологии, как естественно сложившейся совокупности терминов для обозначения межъязыковых соответствий омонимичного характера, привело к выводу, что она нуждается в систематизации и упорядочении. Семантический анализ позволил нам выявить различные отклонения значений терминов от содержания, называемых ими понятий, а также выявить понятия, не имеющие терминологических наименований (см. Главы I и II).

Упорядочение терминологии имеет практическую значимость для сопоставительного метода, который в последнее время является объектом повышенного внимания, так как насущные потребности лингводидактики требуют разработки методик, что в свою очередь, нуждается в соответствующей лингвистической теории.

Изучение близкородственных языков имеет большое значение как для сравнительного, так и для сопоставительного методов, так как соблазн отождествления своего и чужого лежит здесь на поверхности. А.А.Реформатский в своей статье "О сопоставительном методе" отмечает, что "особый интерес представляют такие

провокационные сходства близкородственных языков, как, например: болгарское стол, что значит не 'стол', а 'стул'; чешское *cerstvý chléb* – не 'чёрствый хлеб', а наоборот: 'свежий хлеб'. И именно "такие реальные потребности, как преподавание иностранных языков и поиски обоснования перевода, и вызвали развитие того направления, которое называется сопоставительным методом" (Реформатский 1987: 40–52).

Терминоведение. Анализ примеров показал, что большинство славянских межъязыковых соответствий омонимичного характера относится к различным общественно-политическим и научным терминам. Их различия обусловлены как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Лексикографическое представление многих из них также требует комплексного лингво-научного подхода, при котором рассмотрение лингвистических признаков терминов будет осуществляться сквозь призму соответствующей национальной терминосистемы. Так как в терминографии экстралингвистические признаки должны иметь преимущество перед лингвистическими, то в словарной статье их следует ставить на первые позиции, выделять графически и комментировать.

В современной науке не раз поднимался вопрос о необходимости упорядочения ряда научных и общественно-политических терминологий. Это требование диктуется глобализацией и связанной с ней стандартизацией всех сфер жизни. А в частности, принятие единых терминов и обозначений в важнейших областях науки, техники и отраслях экономики будет содействовать обмену научно-технической информацией и ускорению научно-технического прогресса. В развитии международной стандартизации заинтересованы как индустриально развитые, так и развивающиеся страны. Хотя международные стандарты не имеют обязательного статуса, и любая страна мира вправе применять их или не применять, но, тем не менее, решение этого вопроса влияет на степень участия страны в международном разделении труда и на состояние ее внешней торговли (Международная стандартизация).

Таким образом, упорядочение является центральной, наиболее важной терминологической задачей на сегодняшний день. При межъязыковом упорядочении (гармонизации) терминологий производится системное сопоставление терминологий двух или более языков на основе сводной системы понятий, дополненной за счёт используемых национальных понятий. Основное средство гармонизации – взаимная корректировка содержаний и форм национальных терминов с целью установления между ними точных соответствий, что часто сопровождается взаимным заимствованием

терминов или отдельных значений, обогащая национальные терминологии. Результаты гармонизации оформляются в виде нормативных переводных словарей, в том числе стандартов (Лейчик 1981).

Этими вопросами занимаются сопоставительное терминоведение (сопоставительное - сравнительное исследование общих свойств и особенностей специальной лексики разных языков) и семасиологическое терминоведение (исследование проблем, связанных со значением (семантикой) специальных лексем, изменением значений и всевозможными семантическими явлениями – полисемией, омонимией, синонимией, антонимией, гипонимией и т. д.). Результаты настоящего исследования о видах межъязыковых соответствий омонимичного характера и возможных типах интерференционных заимствований, вызываемых ими, могут быть использованы здесь для упорядочения терминологических межъязыковых соответствий и прогнозирования возможных сценариев упорядочения терминологических систем сопоставляемых/сравниваемых языков.

Переводоведение. Чаще всего с проблемой, вызванной межъязыковыми соответствиями омонимичного характера, сталкиваются переводчики. Именно поэтому слова такого типа получили во французском языкознании название *faux amis du traducteur* "ложные друзья переводчика". Этот термин закрепился в международной и русской лингвистической терминологии (Акуленко ... 1969: 370–371). Хотя параллельно с ним разные исследователи употребляют и другие термины – межъязыковые омонимы, межъязыковые паронимы, лексические параллели и др. (см. Главу I).

Эффективность межкультурной коммуникации, которая в современном мире принимает глобальные масштабы, предполагает значительную степень точности перевода, полноты и верности передачи оригинала. Проблема корректного перевода волнует не только профессиональных переводчиков, преподавателей или студентов, так как социально-бытовая коммуникация между носителями различных языковых культур также становится нормой жизни.

Часто встает вопрос: насколько проблема "ложных друзей переводчика" действительно актуальна в теории перевода? Во многих случаях правильное решение может подсказать контекст, а если переводчик продолжает сомневаться в выборе той или иной формы в качестве переводческого эквивалента, то он может обратиться к словарю. Но, тем не менее, такая проблема существует, и, в частности, особенно актуальна для

таких близкородственных языков, какими являются славянские языки. "Она становится тем сложнее, чем тоньше нюансы различий значений сталкивающихся слов. Более того, не всегда словари помогают различить эти нюансы, особенно когда речь идет о многозначных словах. И, наконец, сходство формы психологически "давит" на переводчика, притупляет его бдительность, словом, не стимулирует его обращение к словарю" (Гарбовский 2004: 330).

Межъязыковые соответствия омонимичного характера не могут не рассматриваться как отдельная проблема, так как точный выбор единицы при переводе играет важнейшую роль для передачи не только референциального, но и эмоционального, стилистического, психолингвистического аспектов дискурса. Мы попытаемся осветить некоторые распространенные ошибки, подстерегающие переводчика при работе с такого рода лексикой. Рассматривая перевод в лингвистическом плане, необходимо прежде всего рассмотреть два вопроса: 1) определить понятие "перевод", принимаемое в работе; 2) охарактеризовать специфику перевода с близкородственных языков.

В настоящее время существует несколько определений перевода в лингвистическом плане, основанных на положении А.В.Федорова о том, что "перевод – это передача устной и письменной речи средствами другого языка" (Федоров 1968: 146–147). Из нескольких определений перевода, приводимых в словаре лингвистических терминов О.С.Ахмановой, нас интересуют следующие: перевод как "передача информации, содержащейся в данном произведении речи, средствами другого языка" и перевод как поиск "в другом языке таких средств выражения, которые обеспечивали бы передачу не только разнообразной информации, содержащейся в другом речевом произведении, но и наиболее полное соответствие нового текста первоначальному" (Ахманова 1966: 316).

Проблема перевода, находившаяся в центре внимания ученых-филологов на протяжении тысячелетий, в настоящее время формулируется в терминах "переводческая эквивалентность" и "переводческая адекватность", традиционно используемых для описания процесса и результата перевода. Наряду с термином "эквивалентность" в переводоведении широко используется термин "соответствие", при этом в работах разных авторов они могут как дублировать друг друга, так и использоваться для наименования разных категорий. Качество перевода определяется мерой его адекватности, а значит, полноценности. При анализе адекватности перевода необходимо

"одновременно учитывать не только смысловую точность, но и стилистическое и экспрессивно–эмоциональное соответствие подлиннику избранных переводчиком средств" (Рецкер 1962: 42–52). "Принадлежность оригинала к определенному функциональному стилю исходного языка определяет его доминантную функцию, которая должна быть передана в переводе" (Комиссаров 1999: 78). На основе лингвистической классификации функциональных стилей выделяются отдельные виды перевода, отличающиеся характером переводческих трудностей и уровнем эквивалентности, которую должен обеспечивать переводчик.

При переводе общественно-политических и научных текстов усиливается тенденция к дословному переводу с максимальным сохранением интернационализмов. Принято считать, что такой перевод получается более точным и понятным. Проблема перевода интернациональной лексики на сегодняшний день одна из самых актуальных. Объясняется это тем, что терминология – это область постоянного развития, причем на международном уровне (о тенденции к международной стандартизации см. выше). Следовательно, унификация в данной сфере неизбежна. Кроме того, учитывая далеко не ведущую роль славяноязычных стран в этой сфере, вследствие языковой интерференции происходят постоянные заимствования из европейских языков. В таких условиях дословный перевод кажется наиболее приемлемым (например, сейчас в русском языке термин "инвестиции" можно встретить гораздо чаще, чем термин "капиталовложения").

Попытки избежать дословного перевода путем подбора неоднокоренных синонимов часто заканчиваются неадекватным переводом и искажением смысла. Однако не следует делать вывод о том, что метод слепого бездумного калькирования является наиболее продуктивным, так как многочисленные межъязыковые соответствия омонимичного характера (интернациональные слова – межъязыковые соответствия синонимичного характера, которые практически полностью совпадают по значению и употреблению, встречаются не так часто) могут сбить с толку даже профессионала и тем самым привести к искажению смысла высказывания.

Кроме научной и публицистической литературы особую сложность представляют переводы художественной литературы и текстов кинематографических и мультипликационных фильмов, так как лишь высококачественный перевод делает возможным полноценное понимание и получение эстетического удовольствия от переведенного произведения.

Вопросы передачи в переводном художественном произведении национального колорита, национального духа, принадлежащего оригиналу, давно в центре внимания теоретиков и практиков перевода, поскольку именно в переводе перекрещиваются собственно лингвистические, этнопсихологические и социокультурные (как часть лингвострановедческих) аспекты коррелирующих языков (Федоров 1968; Чуковский 1968; Рыльский 1975 и др.). Возможно, стремясь донести национальный дух подлинника, переводчики используют (иногда неоправданно) слова с ярко выраженной национальной спецификой.

Желание переводчика приблизить перевод оригиналу иногда приводит к буквализму – это типичная ошибка при переводе, когда переводчик, не вникая в суть переводимого, старается максимально сохранить форму предложения или даже слов, что в близкородственных языках приводит к тому, что он намеренно использует однокоренные слова, не всегда догадываясь, что они неравнозначны. Именно при переводе с близкородственных языков чаще всего копируются одинаковые (или сходные) элементы.

О специфике перевода с близкородственных языков говорилось давно. Казалось бы, легче и точнее можно передать то или иное слово при переводе с одного славянского языка на другой, ведь во всех славянских языках прослеживаются общие закономерности, обусловленные их происхождением. Однако результаты переводческой практики нередко говорят о противоположном. "В украинском языке сплошь и рядом встречаются как будто те же слова, что и в русском языке, но значат они другое" отмечает К. Чуковский (Чуковский 1968: 330). А.М.Финкель при анализе авторских переводов также обращает внимание на ошибки писателей, связанные с близостью русского и украинского языков. "Ни у кого не вызывает сомнений, что перевод с близкородственных языков имеет не меньше трудностей – хотя иного порядка, чем перевод с языков не столь близких один к другому. Наибольшая опасность грозит здесь со стороны двуязычной омонимии и полисемии" (Финкель 1962: 104–125). Такого рода неточности и ошибки, как справедливо замечает исследователь, вызваны двуязычием переводчика. Писатель, обманутый фонетическим (или внешним) сходством украинского и русского слов, бессознательно употребляет русское однокоренное слово, обладающее нетождественным значением, считая, что это наиболее точный вариант, приближающий перевод к оригиналу. Весьма ценным, мы считаем то обстоятельство, что А.М.Финкель классифицирует типы ошибок, допускаемых при переводе (Финкель 1962: 104–125).

Подобная типология позволяет выявить и анализировать источники семантических отклонений. Примеры интерференционных ошибок, вызванных межъязыковыми соответствиями омонимичного характера, приводит также М.Ф.Рыльский в книге "Мистецтво перекладу" (Рыльский 1975: 58).

Таким образом, проблема сохранения национально–культурной специфики первоисточника также связана с необходимостью выявления и учета при переводе особенностей слов, сходных в ПВ, но различных в ПС. Именно внешнее сходство межъязыковых омонимов, квазисинонимов и паронимов может явиться причиной интерференции и неточностей в переводе, которые отмечаются многими исследователями (Финкель 1962, Рыльский 1975, Акуленко ... 1969, Федорчук 2001 и др.).

Юмористические тексты представляют, пожалуй, наибольшую сложность для перевода. Эта сложность имеет не только лингвистический, но и экстралингвистический, и культурологический характер. Особую трудность представляет перевод шуток, где юмор строится на каламбуре – приеме, основанном на игре созвучных слов. Следует отметить, что перевод каламбура с одного славянского языка на другой также имеет свои особенности. Благодаря большому количеству слов сходных в ПВ и ПС (межъязыковых синонимов сходного вида), здесь есть возможность перевести шутку однокоренным словом, если, конечно, в ПС совпадают все лексико-семантические варианты, в том числе функционально-стилистические и экспрессивно-эмоциональные оттенки, а иногда и коннотативные значения. В некоторых случаях требуется, чтобы, кроме совпадения в ПВ и ПС, совпадали и внутриязыковые омонимичные связи.

Нельзя не отметить наличие определенной связи между видами лексической интерференции и видами межъязыковых соответствий омонимичного характера, вызывающих их, а точнее зависимость видов лексической интерференции от семантических отношений, определяющих виды межъязыковых соответствий.

1. Лексико-семантическая интерференция (употребление слов одного языка в значениях для них несвойственных, но типичных для другого языка) может быть вызвана всеми типами межъязыковых соответствий омонимичного характера: межъязыковой омонимией, квазисинонимией и паронимией, но наиболее яркие примеры неправильного употребления связаны с межъязыковыми омонимами, которые характеризуются отношениями семантического исключения.

2. Лексико-стилистическая интерференция (неразграничение семантически тождественных, но стилистически дифференцируемых лексических единиц, в том числе различных по сфере и частотности употребления) вызывается квазисинонимами и межъязыковыми паронимами с семантическими отношениями включения и пересечения.

3. Смешанная семантико-стилистическая интерференция (употребление лексем, различающихся как семантически, так и стилистически) может быть соответственно вызвана всеми видами межъязыковых соответствий омонимичного характера.

Кроме того, случаи неправильного перевода славянских межъязыковых соответствий, с отношениями семантического исключения, то есть межъязыковых омонимов и некоторых межъязыковых паронимов, встречаются крайне редко. Гораздо чаще семантические сдвиги связаны с процессом "выравнивания" семантических объемов лексем, частично сходных в ПС, то есть межъязыковых квазисинонимов и части межъязыковых паронимов с семантическими отношениями включения и пересечения (Федорчук 2001: 145). Таким образом, лексическая интерференция, как правило, возникает в связи с несовпадением семантических объемов, схем лексической сочетаемости, иерархий значений и в связи с другими подобными частичными расхождениями в ПС слов разных языков.

А.А.Щербина также связывает данное явление в первую очередь с "разностью" семантических объемов сходно звучащих слов. "Для неискусных переводчиков данное явление таит в себе каверзную, каламбурную опасность словесного ляпсуса. Проникнув в печать, такой ляпсус скорее печален, нежели смешон" (Щербина 1958: 45). Досадные ошибки, приводящие к неточностям и искажению смысла, происходят по причине недооценки переводчиками явлений лексической интерференции. Е.В.Федорчук отмечает, что наличие межъязыковых русско-украинских соответствий омонимичного характера частично сходных в ПС является благоприятной почвой для возникновения феномена лексической интерференции в русскоязычной литературе Украины (Федорчук 2001: 148–153).

Таким образом, проблема перевода межъязыковых соответствий (особенно актуальная для близкородственных языков) не должна оставаться без должного внимания. Результаты настоящего исследования могут быть использованы для разработки соответствующих переводческих методик, позволяющих предотвратить

искажение смысла перевода вследствие влияния лексической интерференции, а также в теоретической части курсов при подготовке профессиональных переводчиков.

Автоматизированный перевод, получивший с начала 1980-х широкое практическое использование, может также заметно облегчить работу переводчика, в том числе и над текстами, содержащими межъязыковые соответствия омонимичного характера. Высококачественный машинный перевод текстов широкой тематики по-прежнему недостижим, однако не поддается сомнению ускорение работы переводчика при использовании систем машинного перевода. Так, более половины текстов внутри Еврокомиссии (главным образом юридические тексты и текущая корреспонденция) переводятся с использованием машинного перевода (Автоматизированный перевод).

От машинного перевода автоматизированный перевод отличается тем, что весь процесс перевода осуществляется человеком, компьютер лишь помогает ему произвести готовый текст либо за меньшее время, либо с лучшим качеством (Машинный перевод). Широкий спектр простых и сложных инструментов автоматизированного перевода (программы для проверки правописания и грамматики, программы для управления терминологией, одноязычные или многоязычные словари, терминологические базы данных, программы для полнотекстового поиска (или индексаторы), программы конкорданса, программное обеспечение для управления переводческими проектами и некоторые другие) могут существенно помочь в переводческой работе с межъязыковыми соответствиями омонимичного характера.

Языковая игра. Межъязыковые соответствия омонимичного характера могут быть не только помехой для переводчиков, но и удивительно ёмким и необычным языковым приёмом, при котором смысл омонимичных слов сливается, создавая новое содержание и необычный эстетический эффект. Конечно, для этого необходим особый контекст в самом широком понимании этого термина: от синтагматических лексем-партнеров до общекультурной ситуации создания и понимания такого текста. Это должен быть "текст–полиглот".

Омонимия часто служит для языковой игры, межъязыковая омонимия также может использоваться как специфический прием литературно-художественной практики. Игра слов – это переплетение смыслов, порой очень тонких, для понимания которых часто необходимы дополнительные знания самого разного плана. В определенных условиях игра слов разных языков может быть удачным лингвистическим приемом,

единственное условие – она должна быть понятна мгновенно и всем. Таким образом, необходимым условием для языковой игры с межъязыковыми соответствиями омонимичного характера является двуязычие общества в целом или той группы, на чье понимание ориентируется ее создатель.

Каламбур часто появляется там, где между словами прослеживается некоторое сходство. С точки зрения лингвистики, он представляет собой весьма сложный механизм, необходимыми элементами которого являются такие языковые явления как внутриязыковые омонимы, паронимы, многозначные слова или подобные межъязыковые соответствия омонимичного характера (омонимы, паронимы и квазисинонимы). Каламбур с внутриязыковыми/межъязыковыми омонимами вызывает наиболее сильный комический эффект, так как омонимы, объединяющие различные, иногда противоположные значения в одной форме, являются чистым материалом, который не надо дорабатывать. Единственная проблема – это придумать контекст, в котором можно увидеть существование всех смыслов одновременно. В качестве примера такого, приведем следующий анекдот из интернета: "Брат работает с турецкой строительной фирмой. Болгары турецкого происхождения строят торгово-развлекательный центр. За время работы в России они немного научились понимать по-русски, но некоторые слова в турецком и в болгарском языках звучат подобно русским словам, и при этом имеют совсем другой смысл. Например, по-турец. и по-болг. сарай 'дворец'.

Итак, брат отчитывает турецких граждан:

- Как вы строите? Это же сарай у вас получится!

Они с гордым видом:

- Да, да... Сарай, сарай!"

Другой прием, построенный на обыгрывании сходства в звучании слов – парономазия. Она представляет собой стилистическую фигуру, заключающуюся в преднамеренном употреблении двух слов-паронимов в одном предложении, из-за чего ее также называют бинарной. Парономазия может быть построена на комическом или образном сближении слов, вследствие сходства в звучании межъязыковых соответствий омонимичного характера. Например, в следующем анекдоте из интернета обыгрываются следующие паронимы русск. мент и укр. мент '(разг.) милиционер' в сочетании с укр. местоимением це 'это', образующие в русск. и укр. другое слово – цемент '1) минеральное порошкообразное вещество, которое при смешивании с водой образует массу, способную затвердевать, 2) нечто связующее, скрепляющее, объединяющее кого-либо или что-либо',

а также русск. и укр. цементовоз 'транспортное средство с емкостью для перевозки цемента':

"Два мужика в Киеве. Идут по улице:

- О, шо це за машина?

- Цементовоз!

- Як цементовоз? Там же люди!

- Це разве ж люди? Це менты!"

Языковая игра с использованием иноязычных элементов – очень действенный, выразительный прием, заслуживающий особого внимания. Она часто встречается в вербальных текстах рекламы. Смелый каламбур, употребленный к месту, остроумное переосмысление прецедентного текста, паронимазия – вносят в текст стилистическое разнообразие, делают его "живым", легко воспринимаемым, заостряют высказанную мысль, выделяют и оттеняют смысловые и экспрессивно-эмоциональные акценты высказывания. Они вряд ли решают серьезные "продающие" задачи, но могут немного развеселить и тем самым улучшить запоминаемость. По существу, в тех же целях авторы вербальных текстов рекламы идут и на нарушение норм литературного языка – лишь бы глаз и/или ухо "зацепились".

Языковая игра с использованием иноязычных элементов также нередко встречается в заголовках. Они своего рода реклама текста, хороший заголовок помогает принять решение – читать или не читать текст дальше. Например, в заголовке статьи "Если друг оказался drug ...", посвященной пропаганде здорового образа жизни на официальном сайте Израильского национального управления по борьбе с наркотиками и алкоголем (Если друг ... 2002), обыгрываются русско-английские межъязыковые омонимы русск. друг '1) тот, кто тесно связан с кем-либо дружбой, 2) защитник чьих-либо интересов, взглядов, сторонник, 3) дружеское обращение к кому-либо' и англ. drug '1) медикамент, лекарство, лекарственный препарат, 2) наркотик, транквилизатор, 3) не пользующийся спросом товар, ненужная вещь'.

Эстетический комический эффект от межъязыковых соответствий омонимичного характера часто связан с таким понятием как лингвистический шок. Лингвистический шок можно определить как состояние удивления, смеха или смущения, которое возникает у слушающего при общении с носителем иностранного языка, когда он слышит в иноязычной речи языковые элементы, звучащие на его родном языке странно, смешно или неприлично. Смеховой эффект в отношении иностранного языка возникает в

тех случаях, когда нейтральное по значению слово одного языка созвучно слову родного языка, обладающему другим, неожиданным или прямо противоположным значением и наоборот. Например:

- словац. tvar¹ 'форма' tvár² 'лицо' и русск. тварь (устар.) '1) всякое живое существо, 2) (прост., презр.) недостойный, подлый человек', укр. твар¹ '1) всякое живое существо, 2) (прост., презр.) недостойный, подлый человек', укр. твар² 'лицо';
- словац. materčina 'родной язык' и русск. 'матерщина матерная брань, сквернословие';
- словац. pokojný 'спокойный, тихий, мирный' и русск. покойный¹ 'тот, кто умер', русск. покойный² (разг.) 'малоподвижный или неподвижный, 2) сохраняющий душевное спокойствие, 3) тихий, смирный, 4) удобный, не причиняющий беспокойства, неудобств', укр. покойный¹ '1) спокойный, 2) удобный, выгодный' и укр. покойный² 'тот, кто умер';
- словац. podvodník 'обманщик, мошенник, жулик, плут' и русск. подводник '1) военный моряк, служащий на подводной лодке, 2) специалист по водолазному делу и работам под водой', укр. підводник '1) военный моряк, служащий на подводной лодке, 2) специалист по водолазному делу и работам под водой, 3) спортсмен, который занимается подводным спортом';
- болг. сметанка 'учебник по арифметике для начальных классов' и русск. сметанка (разг., умен.-ласк.) к сметана 'молочный продукт, получаемый из сливок путем их сквашивания';
- болг. овчарка 'пастушка овечьего стада' и русск. овчарка 'порода сторожевых собак, используемых для охраны стад, для военной санитарной службы и т.п.';
- польск. potrawa 'блюдо, кушанье' и русск. отравя '1) ядовитое вещество, яд, 2) неприятные на вкус или вредные для здоровья напитки, пища', а также русск. потрава 'повреждение, истребление посевов, трав животными';
- польск. palacz '1) курильщик, 2) кочегар' и русск. палач '1) лицо, которое приводит в исполнение приговор-наказание, 2) жестокий мучитель, притеснитель';

- польск. *goryl* '1) горилла, 2) охранник, телохранитель' и русск. 'горилла – самая крупная обезьяна из семейства человекообразных', укр. *горила* 'горилла', укр. *горілка* 'водка'.

Подтверждением того, что лингвистический шок – это психолингвистическая реальность, служит тот факт, что людьми, владеющими несколькими языками, специально придумываются языковые конструкции, которые могут звучать неприлично на одном из языков, и тем самым провоцировать лингвистический шок у слушателей. Случаи такого рода отмечаются речевым сознанием как необычные, игровые, они запоминаются носителями языка, пересказываются другим людям, закрепляются в языке как смешные фразы. В интернете существуют целые сайты и форумы, посвященные "ложным друзьям переводчика", которые коллекционируют слова и фразы, вызывающие лингвистический шок (Вунčić 1999 и др).

Больше всего цитируемых примеров межъязыковых соответствий омонимичного характера, вызывающих лингвистический шок, связано со словами, которые звучат на одном языке так же, как неприличные слова на другом. Вероятно, именно табуированность определённых слов способствует их запоминанию, делая возможным для человека произнести якобы как иноязычное то, что на родном языке сказать неприлично, например: словацк. *herňa* 'игры' и русск. *херня* '(разг. вулг.) нечто, не имеющее ценности, значения, чепуха, бессмыслица', русск. *ошибка* на польском звучит как *błąd*, чеш. *dívky zdarma* (реклама в клубах, означающая бесплатный вход для девушек) часто смущает русскоязычных в Чехии, так как звучит для них как 'девки даром'. Не менее странно и комично звучат словосочетания чеш. *čerstvá, ovocná vůně* 'свежий, фруктовый аромат', болг. *задушено свинско месо със зеленчуци* 'тушеная свинина с овощами' или словацк. *dokonalé vytvorenie* 'совершенное творение'.

Наиболее часто эффект лингвистического шока возникает в новых словах иноязычного происхождения. Самые интересные примеры связаны с названиями продуктов, которые благодаря созвучию с неприличными или прямо противоположными по смыслу словами влияют на уровень продаж, что ставит вопрос о необходимости их переименования. Самый известный пример из этой области связан с названием автомобиля "Жигули", которое оказалось созвучным со словом интернационализмом *gigolo* – русск. *жиголо* 'мужчина, предлагающий женщинам свои услуги за определенную плату'. По этой причине, этот автомобиль получил для европейского рынка второе название "Lada". Совпадение англ. *mist* 'туман' и нем. *Mist* 'навоз' в ПВ также привело к

конфузу при экспорте в Германию компьютерной игры *Myst* и дезодоранта *Mist Stick*. Такого рода примеры украшают учебные материалы по маркетингу и сопровождаются комментариями о важности правильного выбора названия товара для его успешного продвижения на новых рынках.

Выводом из вышеприведенных примеров могут быть рекомендации о способах оптимизации межкультурной коммуникации. Так, можно было бы порекомендовать составление списков продуктивных неблагозвучий (межъязыковых соответствий омонимичного характера) или продуктивных запретов (табу) для конкретных стран, не рекомендуемых для использования в названиях товаров, компаний, в рекламных лозунгах и публичной речи.

Лингводидактика. Как уже говорилось, количество и качество интерференционных нарушений в речи билингва в первую очередь зависят от степени владения им языками, умения их разграничивать, а также от общего культурного уровня. Поэтому именно от качества языкового воспитания и образования зависит культура речи отдельных носителей языка, а также чистота языка в целом и его устойчивость к проникновению неоправданных заимствований в результате межъязыковой интерференции.

В начале XXI-го века воспитание двуязычия обозначилось как одно из ведущих направлений образовательной политики европейских стран. Проблема билингвизма является многоплановой. Различные ее аспекты изучались в работах У.Вайнрайха, Е.М.Верещагина, М.М.Михайлова, Л.В.Баранникова и др. (Блумфилд 1968; Вайнрайх 1979; Баранникова 1972 и др.). По данным ряда исследователей в современном мире намечается тенденция к росту билингвизма, так на сегодняшний день детский билингвизм охватывает почти половину детей на планете.

В реальных условиях общения для детей-билингвов характерно стихийное речевое развитие при усвоении ими нескольких языков, в результате чего их владение двумя или более языками редко бывает одинаковым. Встречаются случаи, когда дети из семей с одной коммуникативной средой начинают посещать детский сад или поступают в школу с другим языком обучения. Воспитатели отмечают следующие основные трудности в развитии речи детей билингвов: ошибки в произношении, акцент, бедная лексика, грамматические ошибки при построении высказываний, замедление речи и др. Степень развития речи неизбежно сказывается на самоощущении ребенка-билингва,

когда умение высказывать свои мысли и понимать речь окружающих влияет на его место и роль в обществе (круг друзей, возможность стать лидером в группе сверстников и оценки в школе и т.д.).

Выявлено, что к старшему дошкольному возрасту у детей с четким разграничением коммуникативных сред уровень языковой интерференции снижается в сравнении с их сверстниками из смешанных коммуникативных сред (Бойцов 2006; Вятютнев 1986: 80; Щерба 1974: 313–318). Таким образом, процесс становления двуязычия зависит от разнообразия, глубины и правильности речевых впечатлений, которые ребёнок получает с раннего детства в общении с взрослыми. В указанном контексте перед психолингвистикой стоят следующие задачи: изучение особенностей процесса речевого развития детей при усвоении ими языков в смешанных коммуникативных средах и выделение детерминирующих факторов формирования полноценного двуязычия с раннего возраста.

Психологические аспекты особенностей протекания ассоциативного процесса и языковой интерференции в условиях билингвизма изучаются также в педагогической психологии. Здесь же изучают методы преподавания языков, которые способствуют их правильному усвоению и уменьшению ошибок, связанных с лингвистической интерференцией.

В качестве основных рекомендаций по полноценному билингвальному воспитанию детей с целью формирования координативного билингвизма (двуязычия, при котором нет доминирующего языка) были выделены следующие. Во-первых, ситуации общения, задаваемые взрослыми, должны быть четкими по структуре и ясными по содержанию. Во-вторых, родителям, воспитателям и педагогам рекомендуется следить за правильностью собственной речи, в которой нельзя допускать смешения двух языков. И, в-третьих, стихийный характер процесса становления двуязычия у детей в реальных коммуникативных средах свидетельствует о необходимости специальных (дополнительных) индивидуальных занятий, развивающих речь на каждом из языков, которыми владеет ребенок-билингв.

Межъязыковые соответствия омонимичного характера также являются довольно распространенной причиной трудностей и для взрослых, изучающих иностранный язык. При изучении нового языка под влиянием лексической интерференции студенты могут путать значения слов на практике, поэтому преподавателям рекомендуется заранее составлять списки "ложных друзей переводчика" в качестве вспомогательных учебных

пособий, а также предлагать студентам упражнения для развития навыков перевода, правильного понимания и употребления наиболее часто встречаемых межъязыковых соответствий.

Для студентов филологических факультетов рекомендуется проводить специальные курсы и семинары, посвященные проблеме межъязыковой асимметрии и лексической интерференции, источником которой на лексическом уровне являются межъязыковые соответствия омонимичного характера. Рекомендуемое содержание курса "Межъязыковая лексическая асимметрия и интерференция" приводится ниже:

- Информативный объем слова: экстралингвистический (знаменательный) и лингвистический (служебный).
- Асимметрия информативных объемов слова исходного языка и его переводного соответствия.
- Асимметрия формы слова и его значения. Виды межъязыковых соответствий омонимичного характера – межъязыковая омонимия, межъязыковая квазисинонимия и межъязыковая паронимия. Лексико-семантическая и лексико-стилистическая интерференция.
- Этимологически связанные слова (когнаты – закономерное сходство в ПВ) и этимологически не связанные слова (псевдокогнаты – случайное сходство в ПВ).

Цель такого курса – научить учащихся-студентов видеть асимметричный характер сходства близкородственных языков, понимать опасность лексической интерференции и находить возможные пути ее преодоления.

Полученные в рамках теоретического исследования выводы, а также разработанные на их основе рекомендации могут учитываться и непосредственно применяться родителями, воспитателями и педагогами. Результаты данного диссертационного исследования (выделенные виды межъязыковых соответствий омонимичного характера, установленная связь между ними и видами возможных лексико-семантических и лексико-стилистических ошибок) могут быть использованы в процессе подготовки воспитателей, педагогов и переводчиков в целях обеспечить их информацией о сущности межъязыковой лексической интерференции и о способах ее предотвращения.

Еще 15 лет назад к услугам изучающих иностранные языки были предоставлены лишь учебники и, в лучшем случае, лингафонный класс. Сегодня можно говорить о таких современных технологиях, помогающих в изучении иностранного языка, как электронные словари, разговорники, обучающие интерактивные программы с тестами и возможностью автоматической проверки выполненных упражнений, видео и аудио уроки. Также следует отметить интернет-ресурсы, например "Slavic Network" – проект, основанный и поддерживаемый Европейской комиссией, созданный специально для тех, кто интересуется славянскими языками и их культурой. Здесь можно найти материалы для изучения польского, чешского, словацкого, словенского и болгарского языков и для ознакомления с культурой соответствующих стран. Благодаря одинаковой структуре модулей для разных языков здесь наглядно представляется общее и различное в языках и культурах современных славян (Slavic Network). Интересными в этом контексте представляются также такие многоязычные ресурсы как Википедия (Википедия) – многоязычная общедоступная свободно распространяемая энциклопедия, публикуемая в Интернете, информационный портал BBC, где с одной и той же информацией можно ознакомиться на нескольких десятках языков мира, в том числе и на славянских языках (BBC).

Безусловно, живое общение в полной мере ничто не сможет заменить, но в отсутствие такового подручные электронные средства могут сослужить неплохую службу, например общение в чатах и программах подобных Icq, Msn и Skype с бесплатными голосовыми и видео звонками между их пользователями. Благодаря новейшим достижениям техники и распространению персональных компьютеров появилась такая ценная возможность как дистанционное обучение языкам. Педагог и ученик могут обмениваться не только письменными текстами, но и полноценно общаться, используя микрофон и веб-камеру.

Также стоит отметить многочисленные сайты со статьями и списками "ложных друзей переводчика", онлайн-словари "ложных друзей", форумы, где обсуждаются слова такого рода. Следует лишь заметить, что информация здесь часто непроверенная и несистематизированная.

Омонимичные межъязыковые явления могут также использоваться в лингводидактике для облегчения запоминания слов, то есть для создания ассоциаций, помогающих памяти закрепить новое слово. Этот прием ассоциативного запоминания нередко используется в практике изучения английского языка. Он мог бы также с

успехом использоваться при обучении славянским языкам, где подобные явления встречаются намного чаще.

Лексикография. Термин "ложные друзья переводчика" был впервые введен М.Кёсслером и Ж.Дероккини в 1928 году во вступительной статье к словарю "Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais", содержащему англо-французские соответствия омонимичного характера (Kœssler ... 1928). Вслед за ними стали издаваться подобные словари других языков и именоваться словарями "ложных друзей переводчика", "ложных лексических параллелей", "лексических квазипараллелей", "межъязыковых омонимов" или "дифференциальными словарями" (Зинкевич, 2003; Канонич, 2001; Кочерган, 1997; Mičátek, 1900; Mirković, 1937 и др).

Целью лексикографических источников этого типа является семантическая и стилистическая дифференциация близких по форме слов разных языков. Такие словари призваны помочь решению проблем, которые встречаются при переводе и изучении языков. Особенно актуальны такие словари для близкородственных языков, таких как славянские, где внешнее сходство лексем часто очень обманчиво.

Помимо словарей, включающих в себя только межъязыковые соответствия омонимичного характера, существуют словари общей лексики, куда кроме межъязыковых соответствий омонимичного характера также входят межъязыковые синонимы сходного вида. Первый словарь такого рода вышел в середине 80-х годов XIX в. (1885) – "Краткий словарь шести славянских языков (русского, церковнославянского, болгарского, сербского, чешского и польского), а также французского и немецкого" под редакцией Ф.Миклошича (Миклошич 1885). Его задачей было дать славяноязычным читателям пособие для чтения русских книг и показать сродство лексики русского языка с лексикой других славянских языков. В этом словаре около 40 тысяч слов. В нем "ярко выступает широта и многообразие общеславянского словарного фонда (сверх интернациональной лексики)" (Виноградов 1977: 43–46).

Сравнив два вида словарей (словари "общей лексики" и словари "межъязыковых соответствий омонимичного характера"), нам кажется, что наиболее удобным и практичным был бы словарь, объединяющий их, то есть содержащий как межъязыковые формальные соответствия омонимичного характера (межъязыковые омонимы, квазисинонимы и паронимы), так и межъязыковые формальные соответствия синонимичного характера (межъязыковые синонимы сходного вида). Такой словарь

объединил бы всю лексику сходную в ПВ независимо от происхождения и различия в ПС.

Мы предвидим значительную практическую и теоретическую значимость такого рода словаря. Словарь всех видов межъязыковых соответствий дал бы возможность судить о составе и объеме общеславянского лексического фонда и заимствованных слов (вошедших в употребление в нескольких славянских языках), а также о лексическом своеобразии отдельных славянских языков. Двуязычный словарь представляется нам более удобным для изучения языков и поиска слов-эквивалентов, так как при переводе друг с другом сталкиваются системы двух языков (язык источника и язык перевода).

При формулировке принципов создания таких словарей в первую очередь решается вопрос об их макроструктуре, и центральное значение здесь получает проблема отбора лексики. Как было сказано выше, их основу должны составить межъязыковые соответствия сходные или частично сходные в ПВ (межъязыковые омонимы, паронимы, квазисинонимы и синонимы сходного вида). Следовательно, в первую очередь разрабатываются формальные критерии отбора лексики, то есть решается вопрос о том, какое формальное различие лексем считать существенным или несущественным для конкретной пары языков (см. Главы I и II). Для этого рассматриваются морфологические, фонетико-орфографические и просодические формальные критерии, и, в зависимости от того, являются ли конкретные формальные расхождения регулярными и закономерными для данной пары языков, решаются какие различия следует считать релевантными, а какие нет. Формальные критерии, как правило, являются специфическими для каждой рассматриваемой пары языков, в то время как семантические критерии можно считать универсальными.

При составлении "словарей ложных друзей переводчика" часто слова с различной лексико-стилистической и экспрессивно-эмоциональной окраской, различиями в употреблении и коннотации, а также грамматическими различиями (в роде и числе) не включаются в словари, так как при определении семантических критериев подобные различия не рассматриваются как существенные (Зинкевич 2003). Такой подход нам кажется неверным, так как без знаний об этих различиях трудно представить правильное понимание или употребление соответствующих слов. Таким образом, составление словаря, включающего все слова, сходные в ПВ независимо от возможных расхождений в ПС, в том числе и рассмотренных выше, значительно облегчит труд, как лексикографов, так и пользователей словаря.

Отдельно следует рассмотреть вопрос о терминологических словарях. Проблема соответствия терминов в разных языках очень актуальна, так как в настоящее время идет активное развитие этой области, что связано с международной стандартизацией, и, следовательно, с выравниванием (гармонизацией) научных и общественно-политических терминов в ПВ и ПС. Вместе с тем, вследствие научно-технического прогресса появляются новые термины, а старые приобретают новые значения. Учитывая постоянные изменения, мы можем порекомендовать составление регулярно обновляемых списков терминов для каждой из отраслей. Здесь должны будут приводиться как слова с одинаковыми значениями, так и с различными, и в том числе с различиями экстралингвистического характера. Такие списки, с акцентированием внимания на межъязыковых соответствиях омонимичного характера, могут стать незаменимыми помощниками как для профессиональных переводчиков, так и для специалистов соответствующих отраслей.

Современная славянская лексикография не может успешно развиваться без компьютеризации. В рамках компьютерной лексикографии разрабатываются компьютерные технологии составления и эксплуатации словарей. Специальные программы (базы данных, компьютерные картотеки, программы обработки текста) позволяют в автоматическом режиме формировать словарные статьи, хранить и обрабатывать словарную информацию. Компьютеризация в лексикографии в настоящее время помогает решать следующие задачи. Во-первых, это осуществление перевода в машинную форму ранее опубликованных книжных словарей, что позволяет "разложить по полочкам" содержимое каждого из них. Только на этой основе и можно осуществить эффективный контроль полноты и последовательности заполнения полей в статьях словаря, а также эффективно использовать и контролировать информацию в последующей лексикографической работе над новыми версиями данного словаря. Во-вторых, это создание и контрастивный анализ параллельных корпусов славянских языков, результаты которого могут дать более точные количественно определяемые и типологически интерпретируемые различия систем славянских языков.

Компьютеризация и создание цифровых версий старых словарей славянских языков, а также создание баз данных для новых – это значительный вклад в лингвистику славянских языков, в том числе в изучение и решение интерференционных проблем, связанных с межъязыковыми соответствиями омонимичного характера. Однако, осуществлению этих проектов значительно мешает разрозненность усилий различных

коллективов исследователей в решении сходных задач (поиски оптимальной структуры баз данных и интегральных лексикографических систем; синтез лексикологических и лексикографических задач и методов при создании новых машинных словарей), а также отсутствие достаточного финансирования перспективных лексикографических проектов (Кукушкина ... 2003).

Компьютерная лингвистика. Это направление в прикладной лингвистике, ориентированное на использование компьютерных инструментов (программ, компьютерных технологий организации и обработки данных) для моделирования функционирования языка в тех или иных условиях, ситуациях, проблемных сферах и т.д., а также вся сфера применения компьютерных моделей языка в лингвистике и смежных дисциплинах.

Компьютерная лингвистика включает в себя такие области, как компьютерное моделирование общения, моделирование структуры сюжета, гипертекстовые технологии представления текста, машинный и автоматический перевод, компьютерная лексикография. Приложение результатов исследования ко многим из перечисленных областей были рассмотрены выше. Здесь уместно привести высказывание Мартина Кея о сотрудничестве человека и компьютерных технологий в области перевода: "компьютер, беря на себя рутинные операции, освобождает человека для операций, требующих человеческого мышления" (Кей 1997: 3–23). Таким образом, использование инструментов компьютерной лингвистики может существенно помочь на этапе теоретической обработки материала (при отборе, обработке и анализе примеров межъязыковых соответствий омонимичного характера) и облегчить работу с ними на практике (при переводе, обучении, составлении словарей).

Отдельно хотелось бы рассмотреть одну из самых привлекательных целей компьютерной лингвистики – построение естественного языкового интерфейса для компьютеров, то есть создание компьютеров распознающих и воспроизводящих речь. Пока эта задача кажется невыполнимой, так как "понимание" – одна из главных и пока еще недостижимых задач искусственного интеллекта. Качество понимания языка зависит от множества факторов: от самого языка, от национальной культуры, от собеседника и т. д. Сегодня понимание естественного языка считают AI-полной задачей (класс задач в теории сложности), что означает, что она не может быть решена простым алгоритмом (AI-полный). Эта задача легко решается человеком, но, по сути, представляет собой сложнейшую систему отношений человеческих понятий. Некоторые компьютерные

системы могут решать очень упрощённые вариации этих задач, но в полной мере они пока не могут быть решены (Попов ... 1990; Преображенский 1990; Баранов 2000).

При распознавании речи, помимо прочих, возникает проблема правильного понимания омонимов. Она касается в первую очередь внутриязыковых омонимов, так как для машины достаточно поменять языковые настройки, чтобы избежать смешения значений разных языков, соотносимых с одной формой. Межъязыковые омонимы не представляют проблемы до тех пор, пока не встречаются в смешанной двуязычной речи или тексте, то есть пока воспринимаемая речь соответствует всем нормам языка, заложенным в компьютерную программу. Лексическая интерференция, вызываемая межъязыковыми соответствиями омонимичного характера и приводящая к речевым ошибкам, таким образом, косвенно также может создавать трудности для распознавания (понимания) речи компьютерами.

Лингвоэкология. Огромная роль языка и речи в жизни общества, побуждает лингвистов отслеживать процессы, происходящие в речевой деятельности социума. Этими вопросами занимается лингвоэкология, она изучает факторы, которые негативно влияют на развитие языка, выявляет слабые места и стороны в общественно-речевой практике и формулирует соответствующие рекомендации. Проблема сохранения и защиты языков актуальна сейчас как никогда. Повсеместно разворачиваются серьезные дискуссии по вопросу о том, необходимы ли меры "консервации" языка, естественны ли изменения, происходящие в современных языках?

Процесс демократизации общественной жизни создает условия для либерализации речи, из-за чего изменилась мера допустимости в языке, норма стала более свободной, и на этом фоне отмечается сокращение базы разговорного языка, снижение уровня эпистолярной культуры, отсутствие риторической этики. Засилье слышимых и читаемых неправильных текстов приводят к снижению уровня языковой культуры (языковой компетенции) и вызывают пополнение литературного языка за счет нелитературной лексики общенародного языка и внешних заимствований. Широкое освоение и распространение заимствований и варваризмов из престижных и популярных языков (американского варианта английского языка, русского), как известно, является одной из наиболее примечательных тенденций развития современных языков.

Для сохранения языка от неоправданных заимствований необходима культурно-речевая работа в первую очередь с молодежью. Это тем более важно, что литературный

язык несет и культуuroобразующую функцию, направленную на развитие и совершенствование культуры личности в целом. Актуальность решения этой проблемы связана также с тем, что владение навыками высокой культуры речи рассматривается в современных условиях как имидж успеха личности. На основе теоретических и практических результатов нашего исследования предполагается возможным разработать методические рекомендации для преподавателей как родного, так и иностранного языков.

Изучение межъязыковых омонимов и смежных языковых явлений в современных условиях роста языковых контактов представляет особый интерес для лингвоэкологии. Целью этих исследований является определение причин нарушения языковых норм в речи билингов и билингвальных сообществ и разработка методов для предотвращения лексической интерференции, включающая создание списков потенциальных объектов лексической интерференции с последующим составлением таких лингвоэкологических изданий, направленных на улучшение культуры речи говорящих, как дифференциальные словари "ложных друзей переводчика", словари общей лексики славянских языков и терминологические словари-списки.

Потребность в исследовании межъязыковых соответствий омонимичного характера должна определять языковая политика современных государств, направленная на развитие и сохранение чистоты языка, а также на снижение объема неоправданных заимствований иностранных слов и сохранение культурной самобытности народов. Таким образом, основные положения и выводы нашего исследования могут быть также использованы при разработке государственной политики в области культуры и образования.

Языковая политика, представляющая собой совокупности мер, предпринимаемых государством для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или языковых подсистем, для введения новых или сохранения старых языковых норм, занимает сегодня особое место среди проблем социолингвистики. Задачи и цели лингвоэкологии определяются тем, что язык как воспитатель новых поколений требует к себе особого внимания и отношения. Младенец, слушая и запоминая речь окружающих, получает воспитание через сам словарный запас родного языка. От каждого нового поколения зависит, какому языку оно научит своих детей, какой культурный запас они понесут дальше в будущее.

В результате общности происхождения славянских языков и постоянного их контактирования на всех уровнях языковых систем имеются сходные и различные черты, что, в свою очередь, порождает специфические проблемы культурно-речевого характера. Поэтому очень важно уделять здесь достаточное внимание вопросам языковой интерференции.

Под воздействием межъязыковых соответствий омонимичного характера в речи возможны различные типы интерференционных нарушений. В первую очередь это лексические и стилистические ошибки. Разработка методов борьбы с интерференционными явлениями в речи билингов очень важное направление в современной лингвоэкологии, требующее особого внимания как к языковым, так и к социальным и культурным явлениям, а также мобилизации всех средств, которые могут быть направлены на воспитание и развитие правильных речевых навыков у представителей различных языковых коллективов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, обобщая все вышесказанное, можно сделать следующие основные выводы.

Несмотря на довольно длительную историю изучения явления межъязыковой омонимии, ее лингвистический статус не был определен, поэтому, для того чтобы избежать путаницы в терминах и понятиях нам потребовалось выстроить строгую таксономию всех межъязыковых соответствий омонимичного характера. Результаты классификации по их соотношению в ПВ и ПС продиктовали необходимость отграничить межъязыковую омонимию от смежных явлений (межъязыковой паронимии и межъязыковой квазисинонимии) и описать критерии их разграничения. Упорядочение существующей терминологии мы рассматриваем как центральную и наиболее важную часть нашей работы.

Лексическая межъязыковая омонимия определяется в диссертации как слова двух и более языков в один и тот же период их существования, соответствующие друг другу хотя бы в одном из компонентов плана выражения (фонетически и/или графически) во всех или некоторых грамматических формах, и при этом различающиеся в плане содержания.

Мы считаем, что наличия сходства в одном из компонентов плана выражения (при расхождении в плане содержания) вполне достаточно для признания существования омонимичных отношений между словами, так как главной особенностью омонимов (как внутриязыковых, так и межъязыковых) является их соотносительный характер, то есть способность вызывать ассоциации друг с другом. Слово попадает в категорию омонимов лишь в том случае, когда оно соотносится с каким-либо другим словом (омонимичная пара) или словами (омонимичный ряд). Кроме того, такой подход не лишает нас возможности рассматривать языки с разными видами письменности и нормами произношения. Таким образом, омонимия принимается в работе в широком понимании этого термина.

К межъязыковым омонимам мы относим только слова с "глубокой разницей в значениях" (Ходова 1960: 45). При таком подходе из числа межъязыковых омонимов должны исключаться слова сопоставляемых родственных языков, обладающие хотя бы одним общим семантическим компонентом. Н.И.Толстой, анализируя проблему "разности семантического объема", отмечает, что "значительный семантический объем

слова, определяемый как "полисемантичесность", выдается часто, при подходе к нему с мерилем другого языка, за омонимичность, что в принципе неверно, так как омонимичность означает исключительно полную несовместимость признаков разных семем, выраженных одной лексемой" (Толстой 1997: 21). Поэтому слова с общей частью в значениях мы выделяем отдельно, и в зависимости от соотношения в ПВ относим их к межъязыковым квазисинонимам или межъязыковым паронимам.

Так как межъязыковая омонимия представляет собой проявление закона асимметрии языкового знака, в работе было проведено сопоставление межъязыковых соответствий омонимичного характера в ПВ и в ПС. На основании проделанного анализа в Главе II межъязыковые соответствия омонимичного характера были классифицированы по соотношению форм, семантики, а также по происхождению.

Для анализа межъязыковых соответствий омонимичного характера в ПВ потребовалось принятие формального критерия на основе принципа формального соответствия, предусматривающего разграничение межъязыковых омонимов/ квазисинонимов и межъязыковых паронимов.

Принцип формального соответствия заключается в том, что лексему, принадлежащую системе одного языка, можно считать формально соответствующей лексеме другого языка, если форма выражения (фонетическая и/или графическая), в которой данная лексема выступает в одном языке, соответствует форме, в которой ее следовало бы выразить в другом языке (в случае единичного употребления в речи, транслитерации или заимствования слова). Введение "принципа формального соответствия" приводит к расширению пределов формального сходства и подразумевает включение в сферу межъязыковых омонимов и межъязыковых квазисинонимов слов с формальными закономерными регулярными расхождениями.

Анализ формальных отношений показал, что расхождения межъязыковых соответствий омонимичного характера в ПВ связаны в большинстве случаев с фонетическими, графическими и морфологическими особенностями сопоставляемых языков, а также позволил выделить различные комбинации их соотношений в ПВ, которые можно "выстроить" в виде своеобразной градации: от соответствий, представляющих собой максимальное сходство (омонимы и квазисинонимы), до соответствий, которые представляют собой весьма отдаленное звуковое сходство (паронимы).

При этом принципиально важно отметить, что формальное соответствие межъязыковых омонимов и квазисинонимов наблюдается не во всех словоформах. Чаще всего такой сходной в ПВ оказывается начальная форма. Поэтому большинство межъязыковых омонимов представляют собой неполные лексические омонимы. Что же касается полных омонимов, то случаи совпадения во всех формах изредка встречаются в славянских языках, что обусловлено близостью их языковых систем.

Исследование выявило следующую закономерность – для существительных характерно сохранение тождества формы в значительно большей степени, чем для других частей речи, именно именами существительными представлено большинство межъязыковых соответствий омонимичного характера. В то время как самую многочисленную группу межъязыковых омонимов с регулярными морфологическими расхождениями составляют слова из лексико-грамматического класса глаголов, что объясняется различием глагольных формообразующих аффиксов в славянских языках.

Обнаружено, что среди славянских межъязыковых соответствий омонимичного характера производные слова часто сохраняют омонимичные отношения производящих основ, образуя омонимичные гнезда (словац. *byľ* 'стебель' и русск. *быль*¹ '1) то, что действительно было, произошло, 2) рассказ о действительном событии', словац. *bylina*¹ 'трава, растение', а также словац. *bylina*² 'древнерусский исторический эпос' и русск. *былина*¹ '(устар.) русская народная эпическая песня-сказание о богатырях и народных героях', русск. *былина*² '(местн.) высокий стебель травы'.).

В ПС межъязыковые соответствия омонимичного характера могут находиться как в семантических отношениях исключения (межъязыковые омонимы и межъязыковые паронимы), так и в семантических отношениях включения и пересечения, в том числе они могут различаться лишь функционально-стилистической или экспрессивно-эмоциональной окраской, сферой и частотностью употребления или коннотативными значениями (межъязыковые квазисинонимы и часть межъязыковых паронимов).

Для анализа межъязыковых соответствий омонимичного характера в ПС потребовалось принятие семантического критерия, предусматривающего размежевание межъязыковых омонимов от межъязыковых квазисинонимов, а также определяющего границу между межъязыковыми соответствиями омонимичного характера и межъязыковыми синонимами сходного вида. Что касается межъязыковых паронимов, то их степень расхождения в ПС варьируется от семантических отношения исключения до отношений включения и пересечения.

Возникновению межъязыковых соответствий омонимичного характера содействуют многие лингвистические и экстралингвистические факторы. Одним из таких экстралингвистических факторов называют прямые и опосредованные языковые контакты. В зависимости от происхождения рассматриваются две основные группы межъязыковых соответствий омонимичного характера: закономерные, то есть обусловленные последовательными изменениями в семантике и форме генетически родственных слов (когнаты), и случайные, возникшие в результате совпадений форм разных по происхождению слов (псевдокогнаты).

Общее количество и роль каждого из возможных источников образования межъязыковых соответствий омонимичного характера оказываются различными для каждой конкретной пары языков. Естественно, между родственными языками удельный вес межъязыковых омонимов "неслучайного" происхождения значительно выше. Проведенный в работе анализ-классификация по происхождению позволяет утверждать, что основной причиной их возникновения в славянских языках является расхождение семантики современных слов с общим этимологом. Таким образом, среди славянских межъязыковых соответствий омонимичного характера когнаты представляют большинство, причем среди них встречаются слова как славянского, так и неславянского происхождения.

Результаты классификации межъязыковых соответствий омонимичного характера дают основание заключить, что явления межъязыковой омонимии, межъязыковой квазисинонимии и межъязыковой паронимии следует разделять и описывать с учетом формального и семантического критериев. Такой подход позволяет соотнести термины "омонимы" – "межъязыковые омонимы", "паронимы" – "межъязыковые паронимы", "квазисинонимы" – "межъязыковые квазисинонимы", что особенно важно для сопоставительной типологии языков при существующем терминологическом разнообразии. Но, так как эти категории взаимосвязаны и взаимозависимы, то в определенных аспектах, мы считаем, их необходимо рассматривать вместе. Данный подход представляется особенно важным при изучении феномена лексической интерференции.

Межъязыковые паронимы, как особая категория отличная от межъязыковых омонимов и квазисинонимов, выделяются на основании того, что их расхождения в ПВ не связаны с регулярными фонетическими, графическими и морфологическими различиями конкретных языков. В ПС межъязыковые паронимы объединяют различные типы семантических расхождений: от отношений характерных для межъязыковых

омонимов (исключение) до отношений характерных для межъязыковых квазисинонимов (включение и пересечение).

К межъязыковым квазисинонимам мы относим слова с семантическими отношениями включения и пересечения, в том числе и слова, различающиеся лишь функционально-стилистическими или коннотативными значениями. Отнесение слов с подобными "незначительными" различиями к межъязыковым соответствиям омонимичного характера определяется тем, что для сопоставления смыслов не менее важны прагматические элементы значения, так как при их разности невозможна замена одного слова другим (Ровдо 1980: 4). Выделение межъязыковых квазисинонимов как особой категории, отличной от межъязыковых омонимов и межъязыковых паронимов, связано с их значительной формальной и содержательной близостью, обусловленной происхождением от одного этимона. Таким образом, от других межъязыковых соответствий омонимичного характера их также отличает тот факт, что все они представлены когнатами.

Сопоставительный анализ классификационных признаков внутриязыковой и межъязыковой омонимии в ПВ и ПС позволил обнаружить основные черты их сходства и различия. Сходство заключается в том, что в ПВ межъязыковые омонимы, точно также как и внутриязыковые, могут находиться в отношениях формального сходства (звукового и/или графического). Их различие связано с тем, что понятие "тождество" планов выражения для внутриязыковых омонимов заменяется понятием "формальное соответствие", которое связано с регулярными фонетическими, графическими и морфологическими расхождениями между конкретными парами языков. При анализе славянских языков весьма важен учет особенностей каждого из них, так как средства выражения (состав графем, фонем и морфем) в сопоставляемых языках не тождественны. Поэтому любые аналогии с внутриязыковой омонимией должны приниматься с некоторыми дополнениями и коррективами.

Что касается плана содержания, то здесь своеобразие межъязыковых омонимов проявляется в том, что большинство из них восходит к одному этимону и, как уже отмечалось, у этимологически тождественных слов часто, несмотря на семантические различия, сохраняется некая смысловая общность. В этом, на наш взгляд, и заключается основное отличие закономерных омонимов от случайных, а также специфика межъязыковых омонимов славянских языков.

Подводя итоги классификации, отметим, что славянские межъязыковые омонимы как с точки зрения формы (в ПВ), так и с точки зрения семантики (в ПС) представляют собой явление градуального порядка. Следовательно, категорию межъязыковых омонимов следует характеризовать с учетом переходных явлений. Как показали наблюдения, наличие периферийных областей в сфере межъязыковых омонимов может быть обусловлено: 1) степенью сходства плана выражения и 2) степенью различия плана содержания. На многие дискуссионные вопросы ответы могут дать наблюдения над переходными явлениями (Бабайцева 2000: 4). В ПВ межъязыковые омонимы (в зонах удаленных от ядра) могут сближаться с межъязыковыми паронимами, а в ПС – с межъязыковыми квазисинонимами.

Как уже говорилось, все виды межъязыковых соответствий омонимичного характера (межъязыковые омонимы, квазисинонимы и паронимы) объединяет то обстоятельство, что они практически в одинаковой степени могут представлять трудности при изучении и понимании языка вследствие своей способности вызывать лексическую интерференцию, предполагающую особый вид билингвизма.

Интерференция, связанная с межъязыковыми явлениями омонимичного характера, может привести не только к ошибкам в понимании и построении речи, но также, став ассоциативной нормой для представителей конкретного языкового сообщества при активном двуязычии, может повлечь за собой заимствование отдельных значений или слов.

Виды лексической интерференции находятся в тесной зависимости от вызывающих их видов межъязыковых соответствий омонимичного характера. Так, семантическое заимствование (появление новых слов) связано с межъязыковой омонимией, а семантическое калькирование (изменение значений существующих слов) связано с межъязыковой квазисинонимией.

Отмечается также зависимость типов интерференционных ошибок от семантических отношений слов разных языков. Лексико-семантическая интерференция чаще всего наблюдается в тех случаях, когда между лексемами славянских языков существуют отношения включения или пересечения (межъязыковые квазисинонимы и часть паронимов). Следовательно, именно несовпадение семантических объемов слов и ассоциативные связи между лексемами разных языков являются основными причинами возникновения лексической интерференции. Вероятность возникновения интерференции возрастает при значительном сходстве лексем двух языков в ПВ и ПС, особенно в случае

межъязыковых квазисинонимов и паронимов, различающихся функционально-стилистической и эмоционально-экспрессивной окраской (лексико-стилистическая интерференция).

К результатам лексической интерференции, вызванной взаимодействием межъязыковых соответствий омонимического характера, относятся нарушение лексической, стилистической и отчасти грамматической сочетаемости, заимствование отдельных значений и слов (семантическое заимствование и семантическое калькирование). Таким образом, проявление синергетического феномена можно искать и в межъязыковых соответствиях омонимичного характера, вызывающих лексическую интерференцию. Исследование этого явления сможет предоставить полезные материалы для изучения механизмов семантической эволюции слов общей лексики и понимания роли межъязыковых омонимов и других межъязыковых соответствий омонимичного характера в культуре и языке.

Конечно, интерференция – это не единственная причина изменения семантики и семантической структуры слов, так как язык в своем развитии чутко реагирует на любые события, происходящие в окружающем мире. Однако, можно предположить, что определенная часть лексем близкородственных языков перестроила свою семантическую структуру не просто вследствие обычного развития значений, а под влиянием слов других языков, то есть в результате языковых контактов, когда билингв устраняет асимметрию между планом выражения и планом содержания языков, которыми владеет.

Лексическая интерференция, вызванная межъязыковыми соответствиями омонимичного характера, наиболее часто сегодня встречается в сфере научной и общественно-политической терминологии, где в связи с процессами глобализации коммуникации и международной стандартизации наблюдается активное выравнивание асимметрии между ПВ и ПС. Поэтому результаты интерференции, вызванной глобализацией, могут рассматриваться с двух позиций – как позитивные (так как заимствование увеличивает лексическое богатство, служит источником новых корней, словообразовательных элементов и точных терминов), так и как негативные. Подобный "отрицательный языковой материал" встречаясь в практике перевода, в текстах СМИ и в речи отдельных носителей языка является предметом изучения лингвоэкологии.

Результаты исследования способствуют установлению закономерностей в отношениях между языками и могут быть полезны как для прикладной, так и для теоретической лингвистики. Лингвистические и экстралингвистические процессы,

приводящие к расхождению семантики слов общего происхождения, ярче всего проявляются в межъязыковой омонимии. Именно расхождения семантики однокоренных слов отражают национально-культурную специфику близкородственных языков и требуют особого внимания к ним на практике.

Глобализация общественной жизни, получившая ускоренное развитие под влиянием научно-технической революции, усиливает общественные потребности в изучении иностранных языков, в переводе научной и художественной литературы. Эффективность межъязыковой коммуникации предполагает значительную степень точности перевода, но в реальной переводческой практике это требование выполняется в разной мере в зависимости от многих объективных и субъективных факторов. Неточный выбор переводчиком соответствия в языке перевода может привести к изменению стилистической окраски или даже к потере исходной семантики высказывания. При этом нельзя считать, что любые ошибки этого рода свидетельствуют о недостаточном владении языком или о небрежности, тогда как совершенное владение языком специалиста (преподавателя, переводчика) гарантирует его от подобных ошибок. Основными источниками таких ошибок являются отношения сходства или кажущейся идентичности материала обоих языков по форме или по семантике. "В частности, в области лексики именно "ложные друзья переводчика" не только особенно часто дезориентируют массового переводчика, но порой могут вводить в заблуждение и специалиста-филолога (в том числе лексикографа, переводчика-профессионала, преподавателя), что, в случае исключительности таких фактов, не дает оснований относить его к лицам, недостаточно знающим язык в целом" (Акуленко ... 1969: 372–373)

Для решения вышеуказанной проблемы создаются словари "ложных друзей переводчика" с подробным описанием значений таких слов в сопоставляемых языках и правил их употребления. Особенно актуальным на сегодняшний день нам представляется составление словарей-списков терминов (для удобства использования разделенных по сферам употребления), которые включали бы все виды межъязыковых соответствий омонимичного характера, а также межъязыковые синонимы сходного вида с указанием как лингвистических, так и экстралингвистических различий. В некоторых случаях неправильный перевод омонимичных слов может иметь очень опасные последствия, как, например, при переводе медицинских и технических текстов-инструкций.

Исследование представляется полезным и для лингводидактики, основные теоретические положения могут быть использованы при составлении методик обучения

славянским языкам, так как проблема преподавания иностранных языков сегодня не менее актуальна.

Каждый преподаватель иностранного языка знает, и каждый изучающий иностранный язык рано или поздно обнаруживает, что родной язык мешает усвоению второго языка. "Поиски "соблазнительных тождеств" своего и чужого – самый опасный путь при овладении чужим языком. Эти "соблазнительные тождества" всегда провокационные, что неизбежно приводит к акценту, а акцент может проявляться не только в фонетике, но и в грамматике, и в лексике. Особенно это касается близкородственных языков, где такие "соблазны" попадают в избытке" (Реформатский 2008). Специфика овладения лексикой близкородственных языков заключается в том, что "с одной стороны, большая часть лексического материала, восходящая к общим прототипам в языке-основе, способствует лучшему пониманию отдельных значений. С другой стороны, близость ведет к смешению лексических систем в языковом сознании говорящих. Прежде всего, это проявляется в том, что отождествляется значимость, смешивается стилистическая и эмоциональная окраска слов, механически применяются правила словообразования" (Влчек 1975: 33). Результаты данного диссертационного исследования позволят более эффективно организовать процесс обучения и воспитания такого вида билингвизма, при котором не будет наблюдаться смешение норм разных языков (языковая интерференция).

Все усиливающееся в последнее время влияние одних языков на другие определяет значительную потребность в исследованиях, направленных на равномерное развитие существующих языков и на снижение объема неоправданных заимствований иностранных слов, которые должны поддерживаться языковой политикой современных государств.

В славянских языках подобие формы и представление о том, что языковые универсалии возможны, создают особую обстановку, в которой возникают многочисленные семантические кальки и случаи нарушений лексической сочетаемости или стилистического согласования. Некоторые случаи межъязыковых соответствий омонимичного характера фактически уже легли в основу неслучайных речевых, а постоянных языковых интерференций, но еще не фиксируются словарями, так как лексикография всегда немного отстает. Изучение межъязыковых соответствий омонимичного характера, а также вызываемой ими лексической интерференции,

особенно актуально в современных условиях роста языковых контактов и представляет особый интерес для лингвоэкологии, социо- и психолингвистики.

В работе сделаны теоретические выводы о сущности межъязыковой омонимии и смежных явлений и очерчены перспективы этого направления исследования. Изучение связи языка и культуры в настоящее время является одним из основных направлений современной лингвистики. Исследование этой категории слов сможет предоставить материалы для понимания механизмов семантической эволюции слов общей лексики и роли межъязыковых омонимов и других межъязыковых соответствий омонимичного характера в языке и культуре.

Дальнейшая разработка проблемы межъязыковых соответствий омонимичного характера предполагает анализ данных категорий в лексических системах славянских языков не только на синхронном срезе, но и в связи с более детализированной диахронией. Это позволит выявить причины, условия возникновения и закономерности развития славянских межъязыковых соответствий омонимичного характера. Особый интерес представляет дополнительное изучение, главным образом, тех межъязыковых омонимов, паронимов и квазисинонимов, которые восходят к одному праславянскому корню (этимону).

Рекомендуется составление списков регулярных межъязыковых расхождений (фонетических, графических, морфологических) для каждой пары славянских языков на основании сравнительных грамматик славянских языков с целью различения межъязыковых омонимов и квазисинонимов от межъязыковых паронимов. А для определения понятия формального соответствия для паронимов рекомендуется проведение ассоциативного эксперимента, в результате которого станет ясно, какие расхождения для межъязыковых паронимов являются существенными, а какие нет. Его результаты могут быть также интересны и для психолингвистики.

Исследование показало, что различия по прагматическому значению межъязыковых квазисинонимов и паронимов являются наиболее значительными в количественном отношении и могут составить предмет самостоятельного изучения.

Целесообразным представляется также дальнейшее детальное изучение "отрицательного материала", порожденного межъязыковыми соответствиями омонимичного характера.

Дальнейшее изучение межъязыковых омонем (межъязыковых омонимов, связанных с внутриязыковой омонимией), их свойств и функционирования кажется нам также оправданным.

Необходимость дальнейшего всестороннего исследования явлений межъязыковых соответствий омонимичного характера диктуется, таким образом, как теоретическими задачами, связанными с установлением типологических различий славянских языков, так и задачами практическими, имеющими выход в методики обучения, перевода и составления словарей.

Диссертационное исследование еще раз подтвердило, что фонетическая структура слов является весьма стойким и "живучим" языковым стандартом, так как основные изменения в рассмотренных примерах претерпел план содержания, это особенно наглядно проявляется при рассмотрении славянских межъязыковых соответствий омонимичного характера, восходящих к одному этимону.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Appel ... 1987: Appel R., Muysken P., *Language Contact and Bilingualism*. London, 1987.
2. AI–полный: *AI–полный*. Википедия. Последнее изменение страницы: 11 марта 2009.
Адрес: <http://ru.wikipedia.org/wiki/AI-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%8B%D0%B9>; Интернет.
3. BBC: *BBC - информационный интернет портал*. Адрес: <http://www.bbc.co.uk/worldservice/languages/>; Интернет.
4. Bridges 1922: Bridges R. *On English Homophones*. London, 1922.
5. Bunčić 1999: Bunčić 1999: Bunčić D. (managing editor). *False Friends of the Slavist From Wikibooks*. The open-content textbooks collection. Accessed October 1999, last modified on 29 January 2008, available from http://en.wikibooks.org/wiki/False_Friends_of_the_Slavist; Internet.
6. Bunčić 2000: Bunčić D. *Псевдо-аналогонимия. "Ложные друзья переводчика" как единица сопоставительной лексикологии*. Доклад на XXIX межвузовской методической конференции преподавателей и аспирантов. Санкт-Петербург, 2000.
7. Buttler 1989: Buttler D. *Polskie i rosyjskie homonimy rzeczownikowe. - Paralele w rozwoju słownictwa języków słowiańskich*. Ossolineum: Wrocław, 1989.
8. Fischer W. *English Homophone*. Munchen, 1944.
9. Karpaczewa ... 1994: Karpaczewa, M., Ch. Symeonowa, Tokarz E. *Pułapki leksykalne. Słownik aproksymatów polsko-bułgarskich*. Katowice: Śląsk, 1994.
10. Kaufman ... 1988: Kaufman T., Thomason S., *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. University of California Press. Berkeley - Los Angeles – London, 1988 (Chapter 8: Retrospection, p. 200-213).
11. Kay 1997: Kay M. *The Proper Place of Men and Machines in Language Translation. Research report*. Machine Translation, December, 1997, p. 3–23.
12. Kœssler ... 1928: Kœssler M., Derocquigny J. *Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais*, Paris, 1928.
13. Lipczuk 1988: Lipczuk R. *O różnicach semantycznych w zakresie niektórych tautonimów czasownikowych w relacji niemiecko-polskiej*. *Języki Obce w szkole* №5, 1988, s. 387-393.

14. Lotko 1992: Lotko E. *Zrádná slova v polštině a češtině: lexikologickḗ pohled a slovník*. Olomouc, 1992.
15. Muysken ... 1995: Muysken P. (eds.). *One speaker, two languages: cross-disciplinary perspectives on codeswitching*. Cambridge, 1995, p. 199-232.
16. Polivanov 1931: Polivanov E. *La percetion des sons d'une langue étrangère*. TCLP, 1931.
17. Saloni 1996: Saloni Z. *Unilateralne i bilateralne podejšcie do znaków języka. W świecie znaków*. Warszawa, 1996.
18. Šipka 1999: Šipka D. (editor). *Rečnik srpsko-poljskih međujezičkih homonima i paronima. Słownik serbsko-polskich homonimów i paronimów*. Poznań, 1999.
19. Slavic Network: *Slavic Network. Language and Culture Integration*. Project funded with support from the European Commission. Accessed May 2005. Адрес: <http://www.slavic-net.org/>; Интернет.
20. Thomason 1997: Thomason S.G. *On mechanisms of interference*. In: Eliasson S., Jahr H. (eds.). *Language and its ecology*. Berlin, 1997.
21. Vlček 1966: Vlček J. *Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie*. Praha, 1966.
22. Weinreich 1953: Weinreich U. *Languages in contact*. N.Y., 1953.
23. Yngve 1996: Yngve V. *From Grammar to Science / V. Yngve*. Philadelphia : John Benjamins, 1996.
24. Абаев 1934: Абаев В.И., *Язык как идеология и язык как техника*. В кн.: *Язык и мышление*. М. – Л., 1934.
25. Автоматизированный перевод: *Автоматизированный перевод*. Википедия. Последнее изменение страницы: 31 мая 2009. Адрес: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%B2%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4; Интернет.
26. Аксенова 1978: Аксенова Г.Н. *Русско-белорусские межъязыковые омонимы и омографы*. Вопросы преподавания русского языка в школе с белорусским языком обучения. Минск, 1978.

27. Акуленко ... 1969: Акуленко В.В., Комиссарчик С.Ю., Погорелова Р.В., Юхт В.Л. *Англо-русский и русско-английский словарь "ложных друзей переводчика"*. Москва, 1969.
28. Амiredжиби 1966: Амiredжиби Т.С. *"Ложные друзья переводчика"*. Тбилиси, 1966.
29. Апресян 1974: Апресян Ю.Д. *Лексическая семантика: Синонимические средства языка*. Москва, 1974.
30. Апресян 1995: Апресян Ю.Д. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Избранные труды*. Т. 1. Москва, 1995, т. 1.
31. Аристова 1978: Аристова В. М., *Англо-русские языковые контакты*. Л., 1978.
32. Ахманова 1957: Ахманова О.С. *Очерки по общей и русской лексикологии*. Москва, 1957.
33. Ахманова 1966: Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. Москва, 1966.
34. Ахманова 1986: Ахманова О.С. *Словарь омонимов русского языка*. Москва, 1986.
35. Бабайцева 1991: Бабайцева В.В. *Место переходных явлений в системе языка (на материале частей речи)*. Переходность и синкретизм в языке и речи. Межвузовский сборник научных трудов. Москва: Прометей МПГУ, 1991, с. 3-14.
36. Бабайцева 2000: Бабайцева В.В. *Явление переходности в грамматике русского языка*. Москва: Дрофа, 2000.
37. Балалыкина 1991: Балалыкина Э.А. *Роль межъязыковой паронимии в сопоставительном изучении русского языка*. Русский язык за рубежом. 1991, № 3, с.54-58.
38. Балли 1955: Балли Ш. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. Москва, 1955.
39. Баранникова 1972: Баранникова Л.В. *Сущность интерференции и специфика ее проявления. Проблемы двуязычия и многоязычия*. Москва, 1972.
40. Бейн ... 1994: Бейн Б., Панарин А.Ю., Панарин И.А. *Билингвистическое воспитание детей. Вопросы психологии*. Москва, 1994, № 3.
41. Бельчиков ... 1994: Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С. *Словарь паронимов современного русского языка*. Москва: Русский язык, 1994.

42. Бельчиков ... 1990: Бельчиков Ю.А. *Паронимия. Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1990.
43. Беляев 1959: Беляев Б.В. *Очерки по психологии обучения иностранным языкам*. Москва: Просвещение, 1959.
44. Бендикс 1983: Бендикс Э. *Эмпирическая база семантического описания. Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIV*. Москва, 1983.
45. Берков 1973: Берков В.П. *Вопросы двуязычной лексикографии*. Ленинград, 1973.
46. Бернштейн 1961: Бернштейн С.Б. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Введение. Фонетика*. Москва, 1961.
47. Бернштейн 1974: Бернштейн С.Б. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы*. Москва, 1974.
48. Бернштейн 1990: Бернштейн С.Б. *Славянские языки. Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1990, с. 460-461.
49. Берштейн 1948: Берштейн С.Б. *Учебник болгарского языка*. Москва, 1948.
50. Бирнбаум 1987: Бирнбаум Х. *Праславянский язык. Достижения и проблемы его реконструкции*. Москва, 1987.
51. Блумфилд 1968: Блумфилд Л. *Язык*. Москва: Издательство иностранной литературы, 1968.
52. Богданов ... 1998: Богданов В.В., Крюкова О.С., Поликарпов А.А. *Хронологический морфемно-словообразовательный словарь русского языка: создание базы данных и ее системно-квантитативный анализ. Вопросы общего, сравнительно-исторического, сопоставительного языкознания. Выпуск 2*. Москва: Московский лицей, 1998, с.172-184.
53. Бодуэн де Куртенэ 1963: Бодуэн де Куртенэ И.А. *Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т.* Москва: Издательство АН СССР, 1963, Т. 1. с. 384; Т. 2. с 391.
54. Борисенко 1990: Борисенко Н.А. *Лексико-семантическая интерференция в русской речи на Украине (лингвистический и социолингвистический аспект)*. Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук. Киев, 1990.
55. Борисова 2002: Борисова Л.И. *Ложные друзья переводчика (Общенаучная лексика. Английский язык)*. Москва, 2002.

56. Бошквич 1984: Бошквич Р. *Основы сравнительной грамматики славянских языков. Фонетика и словообразование*. Москва, 1984.
57. Брицин ... 1978: Брицин М.Я., Жовтобрюх М.А., Майборода А.В. *Порівняльна граматики української і російської мов*. Київ: Вища школа, 1978.
58. Будагов 1963: Будагов Р.А. *Сравнительно-семасиологическое исследование (романские языки)*. Москва: Издательство МГУ, 1963.
59. Будагов 1965: Будагов Р.А. *Проблемы развития языка*, Москва- Ленинград, 1965.
60. Будагов 1971: Будагов Р.А. *История слов в истории общества*. Москва: Просвещение, 1971.
61. Будагов 1974: Будагов Р.А. *Человек и его язык*. Москва, 1974.
62. Будагов 1975: Будагов Р.А. *Близкородственные языки и некоторые особенности их изучения*. Типология сходств и различий. Кишинев: Штиница, 1975.
63. Булаховский 1978: Булаховский Л.А. *Об омонимии в славянских языках*. Избранные труды. Славистика. Русский язык. Киев: Наукова думка, 1978, Т.3, с. 320-329.
64. Вайнрайх 1979: Вайнрайх У. *Языковые контакты*. Киев, 1979.
65. Васильев 1990: Васильев Л.М. *Современная лингвистическая семантика*. Москва, 1990.
66. Верещагин 1969: Верещагин Е.М. *Теория речи и методики преподавания иностранного языка*. Москва: издательство МГУ, 1969.
67. Верещагин 1978: Верещагин Е.М. *Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма)*. Томск, 1978.
68. Википедия: *Википедия (Wikipedia) - многоязычная общедоступная свободно распространяемая энциклопедия*. Создана в январе 2001 года. Адрес: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>; Интернет.
69. Виноградов 1960: Виноградов В. В. *Об омонимии и смежных с ней явлениях*. Вопросы языкознания, № 5, 1960, с. 13-25.
70. Виноградов 1977: Виноградов В.В. *Об изучении общего лексического фонда в структуре славянских языков*. Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва, 1977.

71. Виноградов В.В. *Русский язык: Грамматическое учение о слове*. Москва: Высшая школа, 1972.
72. Виноградова ... 2001: Виноградова В.Б., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А., Савчук С.О. *Лингвистический анализ ядерного корпуса русских газет конца XX-ого века. Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. Тезисы докладов международной научной конференции – Москва, филологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. 25-27 октября 2001 г.* Москва: Издательство Московского университета, 2001, с. 114-115.
73. Винокур 1929: Винокур Г. О. *Культура языка*. Москва, 1929.
74. Влахов ... 1986: Влахов С., Флорин С. *Непереводимое в переводе*. Москва: Высшая школа, 1986.
75. Влчек 1975: Влчек Й. *Чешско-русские омонимы – высшая стадия лексической интерференции*. Болгарская русистика. София, 1975.
76. Воян 2002: Воян К. *Введение в анализ межъязыковых лексических омонимов на примере польского, русского и финского языков*. Человек. Язык. Культура. Межвузовский сборник статей. Курск, 2002, вып. 2, с. 13-21.
77. Воян 2003: Воян К. *Введение во внутреннюю межъязыковую лексическую омонимию (на примере польского и русского языков)*. Болгарская русистика, 2003, № 2.
78. Воян 2003: Воян К. *Концепция внутренней межъязыковой омонимии (на материале русского, польского и финского языков)*. Актуальні проблеми менталінгвістики. Частина I, Збірник статей за матеріалами III-ї міжнародної наукової конференції, Черкаси, 2003, 161-166.
79. Выхота 2004: Выхота В.А. *Беларуска-рускі слоўнік: міжмоўныя амонімы, паронімы, полісемія*. Мінск, 2004.
80. Вятютнев 1986: Вятютнев М.Н. *Традиции и инновации в современной методике преподавания русского языка*. Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI Конгрессе МАПРЯЛ. Москва, 1986, с. 80.
81. Гак 1989: Гак В.Г. *О контрастивной лингвистике*. Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 25. Контрастивная лингвистика. Москва: Прогресс, 1989, с. 5 -17.
82. Гальперин 1970: Гальперин И.Р. *Информативность единиц языка*. Москва, 1970.

83. Гарбовский 2004: Гарбовский Н.К. *Теория перевода*. Москва: МГУ, 2004.
84. Гольцекер 1971: Гольцекер Ю.П. *Межъязыковая омонимия и полисемия как специфические проблемы в переводах с родственных языков*. Труды Самаркандского университета, 1971, выпуск 205, с. 131-136.
85. Горская 1990: Горская С.А. *Русско-белорусские омонимы*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Минск, 1990.
86. Готлиб 1966: Готлиб К.Г.М. *Междуязычные аналогизмы французского происхождения в немецком и русском языках*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Кемерово, 1966.
87. Готлиб 1967: Готлиб К.Г.М. *К вопросу о так называемых междуязычных омонимах*. Германские языки. Новосибирск, 1967, с. 242-251.
88. Готлиб 1972: Готлиб К.Г.М. *Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика»*. Москва: Современная энциклопедия, 1972.
89. Грабчиков 1980: Грабчиков С.М. *Межъязыковые омонимы и паронимы. Опыт русско-белорусского словаря*. Минск, 1980.
90. Гросбарт 1962: Гросбарт З. *О русских и польских словах, близких по звучанию разных по значению ("межъязыковые омонимы")*. Материалы третьего международного методического семинара преподавателей русского языка стран социализма. Москва, 1962.
91. Гудавичус 1985: Гудавичус А.Й. *Сопоставительная семасиология литовского и русского языка*. Вильнюс, 1985.
92. Гумбольдт В. фон. 1984: Гумбольдт В. фон. *Избранные труды по языкознанию*. Москва: Прогресс, 1984.
93. Гумбольдт В. фон. 1985: Гумбольдт В. фон. *Язык и философия культуры*. Москва: Прогресс, 1985.
94. Дешериев 1987: Дешериев Ю.Д. (ответственный редактор). *Взаимовлияния и взаимообогащение языков народов СССР*. Москва: Наука, 1987.
95. Дешериев 1978: Дешериев Ю.Д. *Основные тенденции функционирования и развития национально-русского двуязычия*. РЯвНШ, 1978, № 2, с. 26-32.

96. Дубичинский 1992: Дубичинский В.В. *Лексические параллели в лексикографической практике. Современные проблемы лексикографии*. Харьков, 1992.
97. Дубичинский 1993: Дубичинский В.В. *Межъязыковые лексические омонимы*. Харьков, 1993.
98. Дубичинский 2002: Дубичинский В.В. *Концепция словаря лексических параллелей польского и русского языков. Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza*. Gdańsk, 2002.
99. Дьячок ... 2002: Дьячок М. Т., Шаповал В. В. *Генеалогическая классификация языков*. Новосибирск, 2002.
100. Если друг ... 2002: *Если друг оказался drug. Несколько советов для тех, чьи друзья принимают наркотики*. Национальное Управление по борьбе с наркотиками и алкоголем при правительстве Израиля. Статья создана 14 июня 2002 года, последнее обновление 23 апреля 2008. Адрес: <http://antidrug.vlmedia.co.il/no.php>; Интернет.
101. Жинкин 1982: Жинкин Н.И. *Речь как проводник информации*. Москва, 1982.
102. Жирмунский 1948: Жирмунский В.М. *Введение в изучение «Манаса»*. Фрунзе: Издательство Киргизского филиала АН СССР, 1948.
103. Жлуктенко 1974: Жлуктенко Ю.А. *Лингвистические аспекты двуязычия*. Киев: Вища школа, 1974.
104. Журавлев ... 1977: Журавлев А.И., Захаров С.С. *"Ложные друзья" переводчика с чешского языка*. Москва, 1977.
105. Залевская 1980: Залевская А.А. *Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека: (на материале межъязыкового сопоставления результатов ассоциативных экспериментов)*. Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук. Ленинград: Ленинградский государственный университет, 1980.
106. Залевская 1982: Залевская А.А. *Психолингвистические проблемы семантики слова*. Калинин: Калининский государственный университет, 1982.
107. Залевская 1996: Залевская А.А. *Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте*. Тверь, 1996.

- 108.Заславская 1985: Заславская Н.В. *Семантико-стилистическая и функциональная характеристика межъязыковых омонимов в русском и украинском языках (в разряде прилагательных и существительных)*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Киев, 1985.
- 109.Заславская 1992: Заславская Н.В. *К проблеме создания словаря межъязыковых омонимов (на материале русского и украинского языков)*. *Современные проблемы лексикографии*. Харьков, 1992.
- 110.Канонич 2001: Канонич С.И. *300 ложных друзей переводчика. Испанско-русский словарь справочник*. Москва, 2001.
- 111.Карцевский 1965: Карцевский С.О. *Об асимметричном дуализме лингвистического знака*. Звегинцев В.А. *История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях*. Москва, 1965.
- 112.Катц 1985: Катц Дж. *Семантическая теория. Новое в зарубежной лингвистике*. Выпуск. X. Москва, 1985.
- 113.Князева ... 2002: Князева Е.Н., Курдюмов С.П. *Основания синергетики*.- СПб., 2002.
- 114.Колодяжная ... 1997: Колодяжная Л.И., Поликарпов А.А. *Системно-квантитативное исследование русской синонимии*. Альманах "Говор". Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 1997.
- 115.Коломиец 1976: Коломиец О.В. *Французко-украинские лексические параллели*. Автореферат на соискание степени кандидата филологических наук. Киев, 1976.
- 116.Комиссаров 1999: Комиссаров В.Н. *Теория перевода (проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых)*. Москва, 1999.
- 117.Конецкая 1961: Конецкая В.П. *Характеристика лексических омонимов – слов, генетически связанных, и пути их образования в английском языке*. Исследования по английской лексикологии. Москва, 1961, с. 84-110.
- 118.Конопелько 1974: Конопелько Б. *Основные проблемы изучения межъязыковых омонимов на материале современного русского и польского литературных языков*. Acta Universitatis Wratislaviensis IV, 1974, с. 107-129.
- 119.Косериу 1989: Косериу Э. *Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение*. Новое в зарубежной лингвистике XXV, 1989, с. 63-81.

120. Кочерган 1991: Кочерган М.П. *Краткий словарь русско-украинских межъязыковых омонимов*. Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР, № 7, 1991.
121. Кочерган 1997: Кочерган М.П. *Словник російсько-українських міжмовних омонімів*. Словарь русско-украинских межъязыковых омонимов. Киев, 1997.
122. Краснов 2004: Краснов К.В. *Англо-русский словарь "ложных друзей переводчика"*. *English-Russian Dictionary of "False Friends"*. Москва, 2004.
123. Крысин 1998: Крысин Л.П. *Толковый словарь иноязычных слов*. Москва, 1998.
124. Кузнецов 1961: Кузнецов П.С. *Очерки по морфологии праславянского языка*. Москва, 1961.
125. Кузнецова 1989: Кузнецова Э.В. *Лексикология русского языка*. Москва: Высшая школа, 1989.
126. Кукушкина ... 1997: Кукушкина О.В., Поликарпов А.А., Хмелёв Д.В. *Определение авторства текста с использованием буквенной и грамматической информации*. Москва, 2001.
127. Кукушкина ... 2003: Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. *Компьютерный корпус текстов современной русской газеты*. Язык СМИ как объект междисциплинарных исследований. Москва: Издательство МГУ, 2003.
128. Кукушкина 1997: Кукушкина О.В. *Словарная база данных "Грамматический словарь русского языка" А.А. Зализняка*. Альманах "Говор". Часть 1. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 1997, с. 35-40.
129. Кунцевич 1985: Кунцевич Л.П. *Белорусско-русская паралексия (типология паралекс и паралексическая интерференция)*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Минск, 1985.
130. Ладо 1989: Ладо Р. *Лингвистика поверх границ культур*. Новое в зарубежной лингвистике XXV, 1989, с. 32-62.
131. Левицкая ... 1963: Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. *Теория и практика перевода с английского на русский*. Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1963.

- 132.Лейчик 1981: Лейчик В.М. *Некоторые вопросы упорядочения, стандартизации и использования научно-технической терминологии* // Термин и слово. Горький, 1981.
- 133.Леков 1958: Леков И. *Общность и многообразие в грамматический строй на славянских языках*. София: БАН, 1958.
- 134.Ломтев 1961: Ломтев Т.П. *Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков (Морфология)*. Москва: Высшая школа, 1961. с. 323.
- 135.Малаховский 1990: Малаховский Л.В. *Теория лексической и грамматической омонимии*. Ленинград, 1990.
- 136.Манакин 1994: Манакин В.М. *Основы контрастивной лексикологии: близкородственные и родственные языки*. Киев - Кировоград: Государственное центральное украинское издательство, 1994.
- 137.Манакин 2004: Манакин В.Н. *Сопоставительная лексикология*. Киев, 2004.
- 138.Маслов Ю.С. *Омонимы в словарях и омонимия в языке*. Вопросы теории и истории языка. Ленинград, 1963, с. 198-202.
- 139.Машинный перевод: *Машинный перевод*. Википедия. Последнее изменение страницы: 27 мая 2009 года. Адрес:
http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4; Интернет.
- 140.Международная стандартизация: *Международная стандартизация*. Википедия. Последнее изменение страницы: 26 мая 2009. Адрес:http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F; Интернет.
- 141.Мейе 1951: Мейе А. *Общеславянский язык*. Москва, 1951.
- 142.Миклошич ...1885: Миклошич Ф., Никольский В., Новакович Ст., Маценауэр А., Брукнер А. *Краткий словарь шести славянских языков (русского с церковнославянским, болгарского, сербского, чешского и польского), а также французский и немецкий*. СПб., Москва, Вена, 1885.

143. Миронюк 1982: Миронюк Н.П. *Українсько-російські міжмовні омоніми*. Лексика української мови в її зв'язках з сусідніми слов'янськими і неслов'янськими мовами: Тези доп. Ужгород, 1982, с. 48-50.
144. Михайлов 1972: Михайлов М.М. *Двуязычие и взаимовлияние языков*. Проблемы двуязычия и многоязычия. Москва: Наука, 1972.
145. Муравьев 1985: Муравьев В.Л. *Ложные друзья переводчика (русско-французский словарь)*. Москва, 1985.
146. Найда 1983: Найда Ю.А. *Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения*. Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIV. Москва, 1983.
147. Нахтигал 1963: Нахтигал Р. *Славянские языки*. Москва, 1963.
148. Николаева 1966: Николаева Т.М. (ответственный редактор). *Лингвистические исследования по общей и славянской типологии*. Москва: Наука, 1966. с. 270.
149. Новиков 1973: Новиков Л.А. *Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике)*. Москва, 1973.
150. Новиков 1982: Новиков Л.А. *Семантика русского языка*. Москва: Высшая школа, 1982.
151. Опельбаум 1979: Опельбаум Е.В. *Деякі проблеми контрастивного вивчення лексики далекоспоріднених мов*. Нариси з контрастивної лінгвістики. Київ: Наукова думка, 1979. с. 50-58.
152. Османова 1962: Османова Р.А. *О явлениях омонимии в лезгинском литературном языке*. Ученые записки Азербайджанского государственного университета. Баку: Серия общественных наук, 1962, с. 57-64.
153. Панов 2007: Панов М.В. *О значении морфологического критерия для фонологии*. Библиотека: Теория языка. Создано 5 сентября 2007. Адрес: http://209.85.129.132/search?q=cache:opJ62s6MoSEJ:genhis.philol.msu.ru/article_203.html; Интернет.
154. Панчев 1955: Панчев К. *Диференциален фразеологичен руско-български речник*. София: Наука и изкуство, 1955.

- 155.Панчев 1963: Панчев К. *Диференциален руско-български речник*. София: Наука и изкуство, 1963.
- 156.Плотников 1974: Плотников В.А. *О межъязыковой синонимии и антонимии (на материале славянских языков)*. Вопросы общественных и гуманитарных наук (Материалы II научной конференции), выпуск I. Гомель, 1974.
- 157.Пономарів 2001: Пономарів О. Культура слова. Мовностилістичні поради. Либідь, 2001, с. 240.
- 158.Потебня 1958: Потебня А.А. *Из записок по русской грамматике*. Т.1-2. Москва, 1958.
- 159.Прохоров А.М. (главный редактор) *Большой энциклопедический словарь: В 2 т.* Москва, 1991.
- 160.Радић-Дугонић 1991: Радић-Дугонић М. *Међујезички хомоними и пароними у руском и српскохрватском језику*. Славистички сборник 6, Горњи Милановац, Београд, бите Сеитенангабе. Москва, 1991.
- 161.Реформатский 1952: Реформатский А.А. *Лингвистические вопросы перевода*. Иностранные языки в школе. 1952, № 6.
- 162.Реформатский 1970: Реформатский А.А. *Из истории отечественной фонологии*. Москва: Наука, 1970.
- 163.Реформатский 1987: Реформатский А.А. *О сопоставительном методе*. Лингвистика и поэтика. Москва, 1987, с. 40-52.
- 164.Ровдо 1980: Ровдо И.С. *Межъязыковые омонимы в условиях русско-белорусского и белорусско-русского билингвизма*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Минск, 1980.
- 165.Розенталь ... 1976: Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., *Словарь-справочник лингвистических терминов*. Москва: Просвещение, 1976.
- 166.Розенталь ... 2002: Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. *Современный русский язык*. Москва: Айрис-Пресс, 2002.
- 167.Розенталь 1964: Розенталь Д.Э. *Культура речи*. Москва, 1964.
- 168.Рыльский 1956: Рыльский М.Ф. *Мистецтво перекладу*. Київ: Рад. Писменник, 1956.

169. Селиванов 1976: Селиванов Г.А. *Языковые контакты и проблема межъязыковой омонимии (гетеронимии)*. Вопросы русского и славянского языкознания. Иваново, 1976.
170. Семчинский 1973: Семчинский С.В. *Семантическая интерференция языков*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Киев, 1973.
171. Сковородников 2007: Сковородников А.П. *Экология современного русского языка и роль средств массовой информации в этом процессе*. Тезисы в электронном варианте газеты Сибирского федерального университета «Новая университетская жизнь», 2007. Адрес: <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/307>; Интернет.
172. Смирницкий 1948: Смирницкий А.И. *Некоторые замечания по английской омонимии*. Иностранные языки в школе 1948, № 5, с. 10-15.
173. Смирницкий 1955: Смирницкий А.И. *Значение слова*. Вопросы языкознания, 1955, №2.
174. Срезневский 1989: Срезневский И.И. *Словарь древнерусского языка*. Репринтное издание. Москва: Книга, 1989.
175. Ставицька 2001: Ставицька Л. Українсько-російська двомовність: соціопсихологічні та лексикографічні аспекти. Дивослово, 2001, № 11, с. 13-16.
176. Стернин 1985: Стернин И. А. *Лексическое значение слова в речи*. Воронеж, 1985.
177. Супрун 1975: Супрун А.Е. *Некоторые проблемы преподавания русского языка в условиях близкородственного двуязычия*. Русский язык в национальной школе. Минск, 1975, № 4, с. 7-12.
178. Супрун 1958: Супрун А.Е. *Ответ на вопрос: каковы типы лексических омонимов в системе славянских языков (общее для всех славянских языков, индивидуальное)*. Сборник ответов на вопросы по языкознанию: к IV международному съезду славистов. Москва, 1958, с. 35.
179. Супрун 1975: Супрун А.Е. *Сопоставительно-типологический анализ лексики*. Методы изучения лексики. Минск, 1975.
180. Супрун 1989: Супрун А.Е. *Введение в славянскую филологию*. Минск: Высшая школа, 1989, с. 480.

181. Толстой 1968: Толстой Н.И. *Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии*. Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Москва, 1968, с. 339-365.
182. Толстой 1997: Толстой Н.И. *Славянская лексикология и семасиология*. Избранные труды. Т.1. Москва, 1997, с. 560.
183. Тошић 1985: Тошић Б. *Пароними у наставе руске лексике*. Сарајево, 1985.
184. Труб 2000: Труб В. *Явище "суржyku" як форма просториччя в ситуації двомовності*. Мовознавство, 2000, № 1, с. 36-40.
185. Трубачев 1985: Трубачев О.Н. *О семантической теории в этимологическом словаре. Проблема омонимов в словаре подлинных и ложных и семантическая типология. Теория и практика этимологических исследований*. Москва: Наука, 1985.
186. Уилер 1977: Уилер М, *Лингвострановедение и лексика*. Русский язык за рубежом. Часть 2. Москва 1977, с. 52-53.
187. Федоров 1968: Федоров А.В. *Основы общей теории перевода*. Москва, 1968.
188. Федорчук 2001: Федорчук Е.В. *Межъязыковая омонимия и паронимия в близкородственных языках*. Библиотека диссертаций. Дата создания оригинала документа: 11 мая 2003. Адрес: <http://dissert.h10.ru/dis/glav1.html>; Интернет.
189. Филин 1979: Филин Ф.П. (главный редактор). *Русский язык: Энциклопедия*. Москва: Советская энциклопедия, 1979.
190. Финкель 1962: Финкель А.М. *Об авторском переводе (на материале авторских переводов Г.Ф. Квитки-Основьяненко)*. Теория и практика перевода. Ленинград, 1962, с. 110-114.
191. Флаер 2000: Флаер М. *Суржик: правила утворення безладу*. Критика, 2000, № 6, с. 34-38.
192. Фомина 1990: Фомина М.И. *Современный русский язык. Лексикология*. Москва: Высшая школа, 1990.
193. Червенкова 1982: Червенкова И.В. *О сопоставительном описании русской и болгарской лексики. Вопросы сопоставительного описания русского и болгарского языков: Фонетика и лексика*. София: Наука и искусство, 1982.

194. Черемисина 1992: Черемисина Н.В. *Семантика возможных миров и лексико-семантические законы*. Филологические науки, 1992, № 2.
195. Чиалашвили Е., Ревия М. *Грамматика болгарского языка*. Тбилиси, 2000.
196. Чуковский 1968: Чуковский К.И. *Высокое искусство*. Москва: Советский писатель, 1968.
197. Чуковский 2001: Чуковский К., *Высокое искусство*. Собрание сочинений в 15 томах, том 3, Москва, Терра - Книжный клуб, 2001.
198. Шаблий 2002: Шаблий Е.А. *Межъязыковая терминологическая омонимия как проблема терминографии и перевода (на материале немецкой и украинской юридических терминосистем)*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности переводоведение. Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко. Киев, 2002.
199. Шанский 1964: Шанский Н.М. *Лексикология современного русского языка*. Москва, 1964.
200. Шведова 1974: Шведова Н.Ю. *Грамматическое описание славянских языков: Концепции и методы*. Москва: Наука, 1974.
201. Шведова 1998: Шведова Н.Ю. (редактор). *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений*. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова; Москва: Азбуковник, 1998.
202. Швей ... 2002: Швей М., Лещак О. *Польско-русские и польско-украинские межъязыковые лексико-семантические диспропорции*. *Studia Rusycystyczne Akademii Świętokrzyskiej*, том 11, Kielce 2002.
203. Шидловский 1978: Шидловский А.В. *Лингвистические проблемы перевода на белорусский язык*. Минск, 1978.
204. Шилоносова 2004: Шилоносова А.А., *Перевод интернациональной лексики*. Доклад на областной дистанционной научно-практической конференции молодых ученых и студентов, Пермь 2004, Последнее изменение страницы: 2 марта 2007 года. Адрес: http://ttech.pstu.ac.ru/mnp04/mnp04/s6/6_3.rtf; Интернет.
205. Шмелев 1973: Шмелев Д.Н. *Проблемы семантического анализа лексики*. Москва, 1973.

206. Шмелев 1977: Шмелев Д.Н. *Современный русский язык. Лексика*. Москва: Просвещение, 1977.
207. Шуба 1982: Шуба П.П. *Міжмоўная беларуска-руская аманімія і паранімія. Пытанні білінгвізму і ўзаемадзеяння*. Мінск, 1982.
208. Щерба 1957: Щерба Л.В. *Избранные работы по русскому языку*. Москва: Учпедгиз, 1957.
209. Щерба 1958: Щерба Л.В. *Очередные проблемы языковедения*. Избранные работы по языкознанию и фонетике, Т. 1. Ленинград, 1958.
210. Щерба 1974: Щерба Л.В. *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград, 1974.
211. Щербина 1958: Щербина А.А. *Сущность и искусство словесной остроты (каламбура)*. Москва, 1958.
212. Язич 1971: Язич Д. *Русско-сербскохорватские межъязыковые омонимы*. Годишњак филозофска факултета у Новом саду. XIX, 1971, с. 337-382.

СЛОВАРИ

1. Kubín J.Š. *Slovník slovensko-český (diferenciální)*. Praha, 1921.
 2. Kusal, K. *Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych*. Русско-польский словарь межъязыковых омонимов. Wrocław. 2002.
 3. Radić S. *Češko-hrvatska slovnica s čitankom i s češko-hrvatskim diferencijalnim riječnikom*. Zagreb, 1902.
 4. Šedivý V. *Kratký diferenciální česko-slovenský slovník*. Praha: Unie, 1937.
 5. Strauch M. *Sorbian (Wendish)-English English-Sorbian (Wendish) Concise Dictionary*. Publisher: Hippocrene Books, 2000.
 6. Veskić J. *Slovenačko-srpsko-hrvatski diferencijalni rječnik*. *Rečnik slovenačko-srpskohrvatski*. Beograd: Kon, 1932.
 7. Багдасаров А.Р. *Хорватско-русский словарь*. Москва: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2003.
- Tokarz E. *Pułapki leksykalne: Słownik aproksymatów polsko-chorwackich*. Katowice 1998.

8. Беспалов А. *Польско–русский словарь «ложных друзей переводчика*. Создан 5 мая 2003, последнее обновление 14 июля 2008. Адрес: http://exomni.narod.ru/polish_false_friends.htm; Интернет.
9. Булыко А. *Современный словарь иностранных слов*. Издательство: Мартин, 2006.
10. Василевская Д., Богуславский А. *Польско-русский и русско-польский словарь*. Лингва-М, 1997.
Верижникова Е.В., Усикова Р.П., Шанова З.К. и др. *Македонско-русский словарь*. Москва: АСТ, 2003.
11. Гудков В.П., Иванович С. *Сербско-русский и русско-сербский словарь*. Москва: Русский язык - Медиа; Издание 5-е, стер., 2006.
12. Гурьева Т.Н. *Словарь иностранных слов*. Издательство: Мир книги, 2004.
13. Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1-4. Москва, 1999.
14. Зинкевич А.В. *Болгарско-русский дифференциальный словарь с белорусскими соответствиями*. Минск, 2003.
15. Ильин В.С., Дорошенко Е.П., Левченко С.Ф. и др. *Украинско-русский словарь*. Киев: Наукова думка, 1964.
16. Коллар Д., Доротьякова В., Филкусова М. и др. *Словацко-русский словарь*. Москва: Русский язык, 1976.
17. Кочерган М.П. *Краткий словарь русско-украинских межъязыковых омонимов*. Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР, 1991, № 7.
18. Крылов Г.А. *Этимологический словарь русского языка*. Издательство: Полиграфуслуги, 2005
19. *Ложные друзья переводчика*. Словацко-Русский словарь онлайн. Дата создания август 2002. Адрес: <http://www.slovník.org/cgi-bin/main/main.pl/ru/00004/n/>; Интернет.
20. Лучик А.А. *Русско-украинский, украинско-русский словарь эквивалентных слов*. Киев: Довіра, 2004.
21. Мичатек Л.А. *Дифференциальный болгарско-русский словарь*. С.- Петербург: Смирнов, 1910.
22. Мичатек Л.А. *Дифференциальный сербско-русский словарь*. С.- Петербург, 1903.

23. Ожегов С. *Толковый словарь русского языка*. 24-е издание. Издательство: Азбуковник, 2003.
24. Претнар Я. *Русско-словенский словарь*. Любляна: словенское издательство; Издание 3-е, 1973.
25. Сямешка Л.И. и др. *Белорусско-русский словарь*. Минск: Современное слово, 2004.
26. Тимонина Е.В., Мартынова Г.А. *Болгарско-русский и русско-болгарский словарь*. Москва: Русский язык – Медиа, 2004.
27. Трофимович К.К. *Верхне - лужицко - русский словарь*. Москва: Бауцен-Домовина, 1974.
28. Ушакова Д. Н. (редактор). *Толковый словарь русского языка*. В 4 т. Москва: Гос. институт "Современная энциклопедия"; 1935-1940.
29. Фасмер М., Трубачев О.Н. *Этимологический словарь русского языка*. В 4 т. Москва: АСТ-Пресс, 2004.
30. Цейнова Ф.С. *Сборник основных слов кашубского наречия. Материалы для словаря и грамматики*. Спб. ИОРЯС. Т. IX, выпуск 1, 1861, с. 258-272.
31. Шроуфкова М., Венцовска М., Плески Р. *Новый русско-чешский чешско-русский словарь*. Москва: Живой язык, 2000.